Джоанн Харрис

Спи, бледная сестра

В 1993 году издатели не обрадовались, когда Джоанн Хэррис принесла им свой второй роман “Спи, бледная сестра”. Их не заинтересовала викторианская готическая история о привидениях (казалось бы, традиционный жанр, ценителей - миллионы); издатели ожидали продолжения темы первого романа (в “Злом семени” речь шла о вампирах). Как обычно, сработала инерция: издатели объявили новый роман Хэррис “ужастиком”. Напрасно: в результате широкая читательская аудитория по-настоящему заметила его - и распознала в нем то, чем он является, - лишь при переиздании в 2004 году, когда “Шоколад” уже экранизировали, Хэррис обрела мировую популярность, а книги ее печатались и допечатывали миллионными тиражами.

Этот роман сложно не заметить - и не восхититься. Хэррис написала его, вдохновляясь “Женщиной в белом” Уилки Коллинза, но в большей степени - историей жизни английского писателя, искусствоведа и критика Джона Раскина (первый брак с Эффи Грей, через шесть лет расторгнутый под предлогом импотенции мужа; любовь к одиннадцатилетней Роуз ла Туш - когда той исполнилось семнадцать, пятидесятилетний Раскин предложил ей руку и сердце, однако был отвергнут ее родителями, а затем и ею самой). Болезненная Эффи у Хэррис воплотила их обеих - Эффи Грей и Роуз ла Туш, подавляемую мужем несчастную женщину и бесплотного идеального ребенка, совершенный объект любви и поклонения.

Роман получился с двойным дном. Готический викторианский Лондон, художники и критики, выставки, муки творчества. Привидения, галлюцинации, страстная любовь на кладбище, месть и смерть. Но, как всегда у Хэррис, роман не об этом. “Меня завораживают изумительные двойные стандарты викторианской морали, - говорила Хэррис, - и бесконечно развлекает, когда прекраснодушные политики говорят о “возврате к старым добрым викторианским ценностям”. Целую культуру викторианской узаконенной педофилии (замаскированной под идеализм)

историки скромненько приукрасили, как и весьма специфические викторианские взгляды на секс, ныне возродившиеся в страсти индустрии моды к инфантильным тонюсеньким моделям. Я хотела до некоторой степени рассказать об этом и посмотреть, что получится, если такой идеал воплотится в реальной личности". История о привидениях? Возможно. На самом же деле - прямой и жесткий взгляд в глубины идеализированной эпохи, дабы вывернуть наизнанку человеческие души, содрать мишуру и снова доказать: все отнюдь не такое, как чудится на первый взгляд. Все гораздо страшнее.

Анастасия Грызунова, координатор серии

Об авторе

Джоанн Хэррис родилась 3 июля 1964 года в Йоркшире, в семье англичанина и француженки. В Колледже Святой Катарины в Кембридже изучала современные и средневековые языки. После окончания университета работала продавцом, затем 15 лет преподавала французский язык в школе для мальчиков в Лидсе, вела курс французской литературы в университете Шеффилда. Первая книга Джоанн Хэррис "Семя зла" была опубликована в 1989 году, но особого успеха не имела. Второй роман "Спи, бледная сестра" вышел в 1993 году. В 1999 году ее третий роман, мистическая мелодрама "Шоколад", вошел в шорт-лист премии "Уитбред", Голливуд купил права на экранизацию, и одноименный фильм Лассе Халлстрома (с Жюльетт Бинош, Джонни Деппом, Альфредом Молиной и Джуди Денч в главных ролях) был номинирован на "Оскар" в пяти категориях и на "Золотой глобус" - в четырех. Среди других книг Джоанн Хэррис - "Ежевичное вино" (2000), "Пять четвертинок апельсина" (2001), "Святые глупцы" (2003). Ее книги опубликованы более чем в 40 странах.

Ее любимые писатели - Рэй Брэдбери, Мервин Пик, Анджела Картер, П.Г. Вудхаус, Джон Мортимер, Кристофер Фаулер, Дорис Лессинг, Жюль Верн, Эдгар Аллан По, Саки, Ги де Мопассан, Артюр Рембо и Александр Дюма.

Увлечения Джоанн Хэррис - "бездельничать, пребывать в праздности,

гулять, бренчать на гитаре, дразнить священников и по-тихому подрывать систему”, хотя еще она любит ставить в тупик. Также среди ее хобби - аморальность, бунт, колдовство, вооруженные ограбления и чай с печеньем. Не обязательно откажется от предложения, если оно касается экзотических путешествий, шампанского или желтых бриллиантов “Графф”. Джоанн Хэррис играет на бас-гитаре в группе, которую организовала в 16 лет. Живет в Йоркшире с мужем и дочерью.

Веб-сайты Джоанн Хэррис - http://www.joanneharris.com/ и http://www.joanneharris.co.uk/

Пресса и коллеги о романе “Спи, бледная сестра”

Не просто роман - неотступная роскошная фантазия в дымке лауданума.

Кристофер Фаулер, автор “Спанки”, “Верхнего мира” и “Темного аншлага”

Роман темный и таинственный…. Эта книга заворожит ценителей готического романа и поклонников поздних работ Джоанн Хэррис. В “Спи, бледная сестра” повествование раскрывается во всей своей чувственности и элегантности.

Library Journal

Страницы листаются стремительно, их гонят внезапные повороты сюжета в потоке призрачных видений и недопустимого секса. Эта готическая история - одна из лучших в своем жанре.

Publishers Weekly

Финал озадачит вас, ибо персонажи раскрывают свои секреты в манере XIX века - не обязательно сообщая всю правду. Это не счастливая книга, однако эта история завораживает и уносит за собой.

CRDodson.com

Кевин Патри Махоуни: Насколько фигура Джона Раскина повлияла на “Спи, бледная сестра”? Как и Генри Честер, он ведь тоже женился на своей Эффи?

Джоанн Хэррис: Я очень пристально думала о Раскине, когда писала роман, - как и о ряде других викторианских писателях и художниках. Меня завораживают изумительные двойные стандарты викторианской морали - и бесконечно развлекает, когда прекраснодушные политики говорят о “возврате к старым добрым викторианским ценностям”. Целую культуру викторианской узаконенной педофилии (замаскированной под идеализм) историки скромненько приукрасили, как и весьма специфические викторианские взгляды на секс, ныне отраженные в страсти индустрии моды к инфантильным тонюсеньким моделям. Я хотела до некоторой степени рассказать об этом и посмотреть, что получится, если такой идеал воплотится в реальной личности.

Кевин Патрик Махоуни. Интервью Джоанн Хэррис, март 2000

Снова Кевину

Благодарности

Хочу поблагодарить всех, кто помог разбудить эту спящую книгу. Во-первых, Кристофера, которому она нравилась с самого начала; Серафину, Говарда и Бри; замечательного редактора Франческу и всех моих друзей из “TransworId”; Грэма Овендена за обложку, о которой я всегда мечтала;

книготорговцев, которые заботились о том, чтобы мои книги постоянно были на полках, и, наконец, всех поклонников моих предыдущих романов, которые писали, жаловались, настаивали, просили и требовали, чтобы эту книга допечатали.

Предисловие

Мало кому хочется поднимать мертвых. Особой осторожности заслуживают мертвые книги; на каждый затерянный клад попадается сотня крышечек от молочных бутылок, ждущих, когда их откопает беспечный старатель. Вот почему за последние десять лет я привыкла воспринимать книгу “Спи, бледная сестра” как останки ушедшего времени. Жарким летом 1993 года я дала жизнь дочери и книге. Одна выжила, другая - нет, и, с моей точки зрения, о соперничестве и речи не идет. За одну ночь мой мир изменился. Я стала другой, и внезапно мысль о публикации перестала меня волновать. К 2003 году книгу давно раскупили. Я ни разу не открыла ее после выхода, я о ней почти забыла.

Однако другие помнили. Некоторые ее прочитали, другие были книготорговцами или моими поклонниками, кому-то просто хотелось посмотреть, как автор “Шоколада” бросилась из английской готики во французское чревоугодие. Меня завалили просьбами прислать книгу. Несколько сотен экземпляров моментально разошлись на amazon.com. Моих издателей донимали письмами с просьбой переиздать книгу. Наконец мы решили попробовать. Я слегка отредактировала исходный текст - вероятно, меньше, чем следовало, но я быстро поняла, что для хирургического вмешательства пациент слишком слаб, - и исправила несколько мелких ошибок. В процессе я - к собственному удивлению - обнаружила, что мне все еще нравится эта история и ее герои. Несмотря ни на что, моя книга не умерла, только заснула. Я рада, что она получила второй шанс.

Вступление

Рукопись из наследия Генри Пола Честера

Январь 1881 г.

Я смотрю на свое имя и буквы, следующие за ним, и меня наполняет безбрежная пустота. Словно этот Генри Честер, художник, дважды выставлявшийся в Королевской академии, вовсе не я, а лишь невнятный плод чьего-то воображения, пробка от бутылки с джинном, утонченно-злым духом, что пронизывает мое существо и толкает в круговерть опасных приключений, на поиски бледного, испуганного призрака самого себя.

Мой джинн - пилюля хлорала, темная спутница моего сна, некогда ласковая, а ныне жестокая супруга. Однако мы слишком многое пережили вместе, мой джинн и я, чтобы сейчас расстаться. Мы вместе будем писать эту повесть, но как мало осталось у меня времени! Солнце опускается за горизонт, и, кажется мне, я уже слышу, как хлопают крылья черного ангела в самом темном углу комнаты. Она терпелива, но терпение ее не бесконечно.

Бог, самый изощренный мучитель, соблаговолит дать мне чуточку времени, чтобы я дописал историю, которую возьму с собой в холодную подземную обитель - конечно, не холоднее, чем этот труп, в котором я живу, чем пустыня моей души. О, он ревнив, этот Бог, столь безжалостны бывают лишь бессмертные. Когда я воззвал к Нему в своей мерзости и страданиях, Он улыбнулся и ответил словами, кои явлены были Моисею из неопалимой купины: “Я есмь Сущий”.[1] Я есть тот, кто есть. В его взгляде нет сострадания, нет нежности. Я не вижу в нем ни грядущего спасения, ни грозящего наказания - лишь бесконечное равнодушие, не обещающее ничего, кроме забвения. Но как жажду я этого! Слиться с землей, чтобы даже сей всевидящий взгляд не смог меня отыскать… И все же ребенок внутри меня плачет в темноте, а мое бедное разбитое тело умоляет продлить срок… Еще чуть-чуть, еще одна сказка, еще одна игра.

И черный ангел оставляет свою косу у двери и садится рядом со мной для последней партии в карты.

Я не должен писать после заката. Ночные слова лживы и тревожны,

однако именно ночью власть слов сильнее всего. По ночам Шехерезада плела свою тысячу и одну сказку, и каждая - дверь, в которую она ускользает снова и снова, а Смерть преследует ее по пятам, как голодный волк. Она знала власть слов. Если бы я не перестал искать идеальную женщину, мне следовало бы отправиться на поиски Шехерезады, высокой и тоненькой, с кожей цвета китайского чая. Ее глаза как ночь, она идет босиком, надменная язычница, не обремененная моралью и скромностью. И она коварна. Вновь и вновь она играет со смертью и выигрывает, и меняет обличье, и каждую ночь ее жестокий муж-людоед видит новую Шехерезаду, которая утром ускользает прочь. Каждое утро он просыпается и смотрит на нее в свете солнца, тихую и бледную после ночных трудов, и клянется, что больше его не проведут. Но едва опускаются сумерки, она снова плетет паутину своих фантазий, и он думает: “Еще один раз”…

В эту ночь Шехерезадой буду я.

Отшельник[2]

1

Не смотрите на меня так - это невыносимо! Вы думаете, как сильно я изменился. На картине вы видите молодого человека, у него чистый бледный лоб, темные кудри, спокойные глаза. И вы спрашиваете себя: неужели он - это я? Надменно выпяченная челюсть, высокие скулы, длинные тонкие пальцы будто намекают на таинственных экзотических предков, хотя потомок, несомненно, англичанин. Таким я был в тридцать девять - смотрите внимательно и запоминайте… Я мог бы быть кем-то из вас.

Мой отец был сельским священником в Оксфорде, мать - дочерью богатого оксфордширского землевладельца. Детство мое шло в беззаботном идиллическом уединении. Я помню, как пел в церковном хоре по воскресеньям, и цветной свет дождем из лепестков лился сквозь витражи на белые одежды хористов…

Черный ангел - она, кажется, слегка шевельнулась, и в ее глазах мне чудится взгляд безжалостного всепонимающего Бога. Не время теперь тосковать по несуществующему прошлому, Генри Пол Честер. Он ждет от тебя правды, а не вымысла. Бога хочешь одурачить?

Как нелепо, что меня до сих пор тянет обманывать. Меня, жившего только во лжи больше сорока лет. Правда - горькая настойка, как не хочется откупоривать ее в эту последнюю встречу. И все же я есмь сущий. Я впервые осмелился присвоить Божьи слова. Это не приукрашенная байка. Таков Генри Честер. Судите меня, если хотите. Я есть тот, кто есть.

Не было, разумеется, никакого идиллического детства. Ранних лет в памяти не осталось, воспоминания начинаются лет с семи-восьми - гнусные, беспокойные воспоминания. Уже тогда я чувствовал, что внутри меня растет змий. Я не помню времени, когда бы не осознавал свою вину, свой грех - его не спрятать и под белейшими покровами. Он рождал во мне нечистые помыслы, он побуждал меня смеяться в церкви, он заставлял врать отцу, держа пальцы накрест, чтобы ложь “не считалась”.

На стене каждой комнаты в нашем доме были стихи из Библии, вышитые моей матерью. Я и сейчас помню их, особенно тот, из моей комнаты, что так отчетливо выделялся на белой стене против кровати: “Я ЕСМЬ СУЩИЙ”. Шли годы моего отрочества, лето сменяло весну, а осень - лето. Я смотрел на эту строчку и в минуты покоя, и в минуты одиноких раздумий о своих пороках и иногда, во сне, взывал к жестокому безразличному Богу. Но ответ всегда был один, он вышит вечными стежками в закоулках моей памяти: “Я ЕСМЬ СУЩИЙ”.

Мой отец был Божьим человеком, но пугал меня даже больше, чем сам Бог. Его проницательные черные глаза могли заглянуть в тайные уголки моей преступной души. Он судил так же безжалостно и бесстрастно, как Господь, он был незапятнан человеческой добротой. Всю любовь, на которую он был способен, отец изливал на свою коллекцию механических игрушек. Он был, можно сказать, антикваром, и целую комнату заполнил игрушками: от простеньких деревянных неваляшек до фантастически точной копии китайской шарманки с сотней прыгающих карликов внутри.

Мне, конечно, не дозволялось играть с ними - слишком ценные вещицы для ребенка, - но танцующую Коломбину я запомнил. Она была из тонкого

фарфора, ростом почти с трехлетнего ребенка. В одну из редких минут непринужденности отец поведал мне, что ее сделал слепой французский мастер в годы дореволюционного упадка. Гладя ее по безупречной щеке, он рассказывал, как когда-то она принадлежала незаконнорожденному отпрыску одного испорченного короля, как потом начался террор, как покатились вперемешку головы безбожников и невинных, и куклу позабыли среди пыльных портьер. Коломбину украла бедная женщина, которой невыносимо было думать, что ее сломают и изуродуют санкюлоты. Ребенок этой женщины умер от голода, и она уложила куклу в кроватку в своей убогой лачуге, качала ее и пела колыбельные, пока ее, безумную, истощенную и одинокую, не забрали в психиатрическую лечебницу умирать.

А Коломбина уцелела. В год, когда я родился, она попала в парижский антикварный магазин. Отец зашел туда, возвращаясь из Лурда, и тут же купил ее, хотя шелковое платье истлело, а глаза провалились от небрежения и грубости. Увидев, как она танцует, он сразу понял, что Коломбина особенная. Едва в ее спине поворачивали ключ, она начинала двигаться, вначале неловко, но постепенно приобретая нечеловеческую грацию, она поднимала руки, сгибала колени, наклонялась, демонстрируя округлую гладкость фарфоровых лодыжек. Месяцы любовной реставрации вернули ей красоту, и она заняла место в коллекции отца, блистая в бело-голубом атласном платье между индийской музыкальной шкатулкой и персидским клоуном.

Мне никогда не разрешали ее заводить. Иногда, лежа ночью без сна, я слышал музыку из-за закрытой двери, тихую, нежную, почти чувственную… Образ отца в ночной рубашке, танцующего с Коломбиной в руках, почему-то не давал мне покоя. Я представлял, как он держит ее, гадал, осмеливается ли запустить руки под кружево ее юбок…

Мать я почти не видел. Ей часто нездоровилось, и она много времени проводила в своей спальне, куда мне не разрешалось заходить. Она была прекрасной и загадочной, с темными волосами и фиалковыми глазами. Помню, как однажды сунул голову в запретную комнату и увидел зеркало, украшения, шарфы, гору великолепных нарядов на постели. В воздухе витал аромат сирени - так пахла мама, когда наклонялась поцеловать меня на ночь, так пахло ее белье, в которое я зарывался лицом, когда горничная развешивала его на веревке.

Нянька говорила, что моя мать - писаная красавица. Мать вышла замуж против воли родителей и с тех пор не общалась с семьей. Может, поэтому она иногда смотрела на меня с каким-то настороженным презрением, может, поэтому ей никогда не хотелось приласкать меня или взять на руки. Как бы то ни было, я ее боготворил. Она всегда казалась такой недосягаемой, такой изысканной и безупречной, что я не смел выразить обожание, раздавленный собственной ничтожностью. Никогда я не винил мать за то, что она заставила меня сделать; долгие годы я проклинал лишь свое порочное сердце, как, должно быть, Адам клял змия за непослушание Евы.

Мне было двенадцать. Я еще пел в хоре, но мой голос уже достиг той почти нечеловеческой чистоты, что предвещает конец детства. Стоял август. То лето было особенно прекрасным: долгие сонные дни в голубой дымке, полные чувственных ароматов и томности. Я играл в саду с друзьями, было жарко и хотелось пить, волосы у меня торчали дыбом, как у дикаря, коленки позеленели от травы. Я тихонько пробрался в дом - хотел быстренько переодеться, пока нянька не заметила, в каком я виде.

В доме никого не было, кроме горничной на кухне, - отец в церкви готовился к вечерней службе, мама гуляла у реки, - и я побежал наверх, к себе. Остановившись на лестнице, я увидел, что дверь в мамину комнату приоткрыта. Помню, как смотрел на дверную ручку из бело-голубого фарфора, разрисованную цветами. Аромат сирени тянулся из прохладной темноты, и почти вопреки своей воле я сделал шаг и заглянул внутрь. Никого не видно. Виновато озираясь, я толкнул дверь и вошел, убеждая себя, что, раз дверь открыта, меня нельзя обвинить во вторжении. Впервые в жизни я оказался один в спальне матери.

Целую минуту я просто рассматривал ряды флаконов и безделушек на зеркале, затем осмелился потрогать шелковый шарф, кружево юбки, тонкую ткань сорочки. Я был очарован всеми ее вещами, таинственными бутылочками и баночками, расческами и щетками, в которых остались ее волосы. Казалось, комната и есть моя мама, ее пойманная сущность. Казалось, сумей я постичь каждую деталь этой комнаты - и узнаю, как рассказать ей, насколько я ее люблю, подобрать слова, которые она поймет.

Протягивая руку к своему отражению в зеркале, я случайно опрокинул

пузырек, и воздух наполнился пьянящим ароматом жасмина и жимолости. Я хотел скорей подобрать склянку, но вместо этого рассыпал пудру по туалетному столику. Однако запах так странно подействовал на меня, что я вовсе не испугался, а лишь тихонько хихикнул про себя. Мама еще не скоро вернется. Отец в церкви. Что плохого, если я немножко осмотрюсь? И, разглядывая вещи матери в ее отсутствие, я ощутил возбуждение, ощутил власть. Янтарное ожерелье подмигнуло мне в полумраке. Повинуясь порыву, я надел его. Прозрачный шарф, легкий как вздох, коснулся моей голой руки, я поднес его к губам и словно ощутил ее кожу, ее благоухание на своем лице.

Я впервые испытал удивительное покалывание во всем теле, постепенно оно сосредоточилось в точке сильнейшего напряжения; растущее трение, вызвавшее в сознании едва узнаваемые образы похоти. Я пытался убедить себя, что это все из-за комнаты. Шарф хотел нежно обернуться вокруг моей шеи. Браслеты сами оказались у меня на запястьях. Я снял рубашку и взглянул на себя в зеркало, а потом, не задумываясь, снял и брюки. На маминой кровати лежала накидка, изящная прозрачная вещица из шелка и пены кружев. Я завернулся в нее, лаская тонкую ткань, воображая, как она касалась ее кожи, представляя, как она выглядела…

Мне стадо дурно, закружилась голова, густой аромат из опрокинутого флакона настиг меня, как невидимая армия суккубов, я слышал хлопанье их крыльев. Тогда я и понял, что принадлежу дьяволу. Что-то нечеловеческое заставляло меня продолжать, и, хотя я знал, что совершаю смертный грех, я не чувствовал вины. Я чувствовал бессмертие. Казалось, руками, что сжимали и тискали накидку, владел демонический разум. Я резвился в какой-то бешеной, исступленной радости… потом вдруг застыл в полнейшем бессилии, скорчившись от наслаждения, которого раньше не мог и представить. На секунду я оказался выше облаков, выше самого Бога… а затем пал, как Люцифер, вновь став маленьким мальчиком, и лежал на ковре, на смятом изорванном шелке накидки, и украшения нелепо болтались на моих тощих запястьях.

Миг тупого безразличия. А потом чудовищность содеянного градом обрушилась на меня, колени подогнулись, и я заплакал в паническом ужасе и дрожащими руками потянулся к своей одежде. Схватив накидку, я скомкал ее и запихнул под рубашку. Подобрав ботинки, я кинулся в свою комнату и спрятал накидку в дымоходе за выпавшим камнем, поклявшись

сжечь ее, когда нянька разведет огонь.

Паника слегка утихла, я не торопясь умылся, переоделся и десять минут пролежал на кровати, чтобы унять дрожь. Меня переполняло странное облегчение: я избежал немедленного разоблачения. Страх и вина превратились в радостное возбуждение - даже если меня накажут за то, что я ходил в комнату матери, наихудшего никогда не узнают. Это мой секрет, он свернулся в сердце моем подобно змию. Он рос внутри меня и даже сейчас продолжает расти.

Конечно, случившееся не осталось незамеченным: меня выдали рассыпанная пудра, пролитые духи - ну, и пропажа накидки. Лишь в этом я признался отцу: что зашел в комнату из любопытства, что нечаянно наступил на кружевную ткань, порвал ее и, чтобы избежать наказания, выбросил ее в пруд. Он поверил мне, даже похвалил за честность (как же смеялся и ликовал дьявол во мне!), и, хотя меня выпороли за безрассудный поступок, облегчение и даже восторг не исчезли. Отец, такой всемогущий, вдруг потерял власть: я его одурачил, солгал, а он и не понял. Что же до матери, возможно, она о чем-то догадывалась, потому что пару раз замечал я, как она странно смотрит на меня. Тем не менее она ни разу не заговорила об этом происшествии, и, очевидно, вскоре оно было забыто.

Я же так и не сжег накидку, спрятанную в дымоходе, и иногда, оставшись один, доставал ее из тайника и трогал складки шелка, пока, наконец, годы и дым, поднимавшийся по трубе, не превратили ее в ломкий коричневый пергамент, и она не рассыпалась в прах, как пригоршня осенних листьев.

Мать умерла, когда мне было четырнадцать, через два года после рождения моего брата Уильяма. Ее чудесная спальня превратилась в больничную палату, заполненную венками из цветов, а она сама - в бледную худую тень, и однако оставалась прекрасной до конца.

Отец проводил с ней все время, лицо его было непроницаемо. Однажды, проходя мимо комнаты, я услышал его безудержные рыдания и насмешливо скривился - я гордился тем, что ничего не чувствую.

Ее похоронили на церковном кладбище, прямо у входа в церковь, чтобы

отец видел могилу, встречая прихожан. Я терялся в догадках: как этот суровый, богобоязненный человек женился на таком нежном, земном создании. Мысль, что его обуревали неведомые мне страсти, тревожила меня, и я старался выкинуть ее из головы.

Мне было двадцать пять, когда умер отец. Я путешествовал по Европе и узнал, лишь вернувшись в Англию. В ту зиму он вроде бы простудился, запустил болезнь (он крайне редко топил в доме, разве что в сильные морозы), не соблюдал постельный режим и в один прекрасный день свалился прямо в церкви. Начался жар, и отец умер, не приходя в сознание, оставив мне приличное наследство и необъяснимое ощущение, что теперь, мертвый, он сможет следить за каждым моим движением.

Я переехал в Лондон. Я весьма недурно рисовал и желал стать художником. Открыв для себя Британский музей и Королевскую академию искусств, я с головой ушел в живопись и скульптуру. Я намеревался создать себе имя, и, сняв студию в Кеннингтоне, пять лет работал над картинами для своей первой выставки. В основном я писал аллегорические портреты, черпая идеи в произведениях Шекспира и классической мифологии, работая обычно маслом - это необходимо для тщательной проработки деталей, которая мне так нравилась. Один гость, пришедший взглянуть на картины, заметил, что мой стиль “весьма напоминает прерафаэлитов”. Вдохновившись, я стал намеренно пестовать эту схожесть, заимствуя сюжеты из поэзии Россетти,[3] хотя сам он отнюдь не казался мне человеком, которому следовало бы подражать.

Основная проблема заключалась в поиске моделей: у меня было мало знакомых в Лондоне, и после весьма неловкого случая в Хеймаркете я не решался обращаться к подходящим на вид женщинам с предложением работы. Мужчин писать не хотелось, в женщинах я видел куда больше поэзии - точнее, в особом типе женщин. Я дал объявление в “Тайме”, но из двадцати откликнувшихся претенденток лишь одну или двух можно было условно назвать красивыми и уж вовсе ни одну - “приличной”. Но пока они не раскрывали своих вульгарных ртов, я не жаловался и теперь, оглядываясь на свои ранние работы, с трудом могу поверить, что у очаровательной Джульетты был незаконнорожденный ребенок, а невинная Золушка любила приложиться к бутылке джина. В те дни я узнал о женщинах больше, чем когда-либо хотел знать. Я слушал их болтовню, видел их развращенность, читал их грязные мысли и презирал, несмотря на

хорошенькие личики.

Некоторые пробовали соблазнить меня своими дешевыми уловками, но в те времена я держал своего внутреннего змия под контролем: каждое воскресенье я ходил в церковь, днем работал в студии, а вечерами отдыхал в респектабельном клубе. У меня было несколько приятелей, но я редко испытывал нужду в компании. Ведь у меня было искусство. Я даже вообразил, что женщины не имеют надо мной власти, что я наконец обуздал порывы грешной плоти. Вот на таком самомнении Господь и колесует грешников. Но время бежит, и я должен перепрыгнуть еще через три года, к тому моменту, когда мне исполнилось тридцать три, в тот ясный осенний день, когда я встретил свою Немезиду.

Одно время я писал детей - найти красивого ребенка, которого мать готова отпускать на несколько часов в день, не составляло труда. Я платил им по шиллингу в час - больше, чем некоторые из этих женщин зарабатывали сами. Итак, я, как обычно, гулял по парку и вдруг заметил женщину с ребенком - некрасивую особу в черном и маленькую девочку лет десяти, чье лицо было столь поразительно, что я остановился, не в силах отвести глаз.

Худенькая девочка, закутанная в уродливую черную пелерину, словно с чужого плеча, двигалась с необычным для своего возраста изяществом, но более всего меня потряс цвет ее волос - скорее белые, чем золотистые, и на мгновение она показалась маленькой старухой, подкидышем, оставленным эльфами среди веселых румяных ребятишек. У нее было заостренное почти бесцветное лицо, большие бездонные глаза, не по-детски пухлые, но бледные губы и удивительно трагичный вид.

Я сразу понял, что она должна стать моей натурщицей: ее лицо обещало бесконечное разнообразие выражений, каждое движение было законченным шедевром. Глядя на нее, я знал, что этот ребенок станет моим спасением. Ее невинность тронула меня не меньше, чем ее призрачная красота, и когда я подбежал к ним, в глазах у меня стояли слезы. От нахлынувших чувств я в первый миг даже не мог говорить.

Девочку звали Эффи, унылая женщина была ее теткой. Эффи жила над крошечной шляпной мастерской в переулке Кранбурн с теткой и матерью, которые были, что называется, приличными. Мать, миссис Шелбек, -

вдова, находившаяся в стесненных обстоятельствах. Эта визгливая назойливая женщина ничем не походила на дочь. Предложенная мной плата в размере одного шиллинга в час была принята без какой-либо скромности и стеснения, обычно выказываемыми в благородных семьях. Подозреваю, предложи я половину этой суммы, ее приняли бы с той же готовностью - а я бы с радостью предложил вдвое больше.

Эффи пришла ко мне в студию - как подобает, в сопровождении тетки - в ту же неделю, и все утро я рисовал ее с различных ракурсов: в профиль, в три четверти, анфас, с поднятой головой, с опущенной… каждый набросок прелестнее предыдущего. Она великолепно позировала: не вертелась, не ерзала, как другие дети, не болтала и не улыбалась. Казалось, студия и сам я внушали ей благоговейный страх, она с почтительным изумлением тайком изучала меня. Потом пришла снова, а на третий раз - уже одна, без тетки.

Первая моя картина с ней называлась “Сон сестры”, как стихотворение Россетти, и на ее создание ушло два месяца - совсем небольшое полотно, однако я тешил себя мыслью, что сумел передать взгляд Эффи. На картине она лежала в узкой детской кроватке, на белой стене над ней - распятие, а рядом на прикроватном столике, - ваза с ветвями остролиста, символ Рождества. Брат сидит на полу у кровати, зарывшись головой в одеяло, а мать в черном стоит у изголовья, закрыв лицо руками. Эффи - центр картины, остальные фигуры темные и безликие, а она - в белой кружевной сорочке, которую я специально купил для этой работы, волосы рассыпаны по подушке. Одна обнаженная рука безвольно вытянута вдоль тела, другую Эффи по-детски подложила под щеку. Свет, льющийся в окно, преобразил ее, обещая избавление в смерти, чистоту и невинность тем, кто умирает в юности. Эта тема была созвучна моему сердцу, и мне суждено было повторить ее еще много раз в последующие семь лет. Иногда мне не хотелось отпускать ее домой вечерами: она так быстро росла, что я боялся потерять хоть час ее общества.

Эффи говорила мало, она была тихой малышкой, не знавшей заносчивости и тщеславия, присущих ее ровесницам. Она читала с жадностью, особенно поэзию: Теннисона, Китса, Байрона, Шекспира - все это едва ли подходило для ребенка, хотя ее матери, похоже, было все равно. Однажды я решился поговорить об этом с Эффи, и, к моей радости, она прислушалась к советам. Я объяснил ей, что поэзия - превосходное

чтение для, скажем, молодого человека, но она чересчур сложна для впечатлительной девочки. Слишком часто мотивы ее непристойны, а страсти чрезмерны. Я предложил ей несколько хороших, полезных книг, и был счастлив, когда она покорно их прочла. В ней не было своенравия; казалось, она создана воплощением всех женских добродетелей, без единого недостатка, присущего этому полу.

Я никогда не стремился оставаться холостяком, но мои профессиональные отношения с женщинами приучили меня не доверять им, и я уже сомневался, найду ли когда-нибудь ту, "одну из тысячи", добродетельную и послушную. Однако чем больше я общался с Эффи, тем больше очаровывали меня ее красота и ласковый нрав, и я понял, что идеал можно сотворить.

В Эффи не было грязи - она была абсолютно чиста. Я не сомневался, что если сумею выпестовать черты ее характера, если буду с отеческой заботой следить за ее развитием, то взращу нечто редкое и чудесное. Я бы защитил ее от остального мира, воспитал себе ровню. Я буду лепить свой идеал, а потом, когда все будет готово… И тут нахлынуло воспоминание о маленьком мальчике в комнате, полной запретных чудес, а воздух будто наполнился тонким ностальгическим ароматом жасмина. Впервые этот образ не был искажен чувством вины: я знал, что меня спасет чистота Эффи. В ней не было ничего мирского, ничего чувственного - холодная беззаботность подлинной невинности. В ней обрету я спасение.

Я нашел ей частных учителей (мне хотелось оградить ее от контактов с другими детьми), покупал ей одежду и книги. Я нанял приличную домработницу для ее матери и тетки, чтобы Эффи не приходилось тратить время, помогая по дому. Я сдружился с ее нудной матерью, чтобы почаще бывать в их доме в переулке Кранбурн, и помогал им деньгами.

Теперь я писал Эффи почти непрерывно, вспоминая об остальных моделях, только если они требовались в качестве статисток. Я сосредоточился на Эффи: двенадцатилетняя Эффи, подросшая, в очаровательных белых платьях и голубых лентах, которые ее мать покупала по моему совету; Эффи в тринадцать, четырнадцать лет, фигура изящная, как у танцовщицы; в пятнадцать, глаза и губы стали выразительнее, лицо повзрослело; в шестнадцать, светлые волосы аккуратно уложены венцом, ротик нежно очерчен, под тяжелыми веками

прекрасные глаза цвета дождя, кожа такая тонкая, что кажется, будто под глазами у нее синяки.

Наверное, я рисовал и писал Эффи не меньше сотни раз: она была Золушкой, Марией, юной послушницей в “Цветке страсти”, Беатриче на небесах, Джульеттой в гробу, Офелией, плетущей венок из лилий, Маленькой Нищенкой в лохмотьях. Последним ее портретом того времени стала “Спящая красавица”, композицией очень похожая на “Сон сестры”: Эффи снова вся в белом, как невеста или послушница, на той же детской кроватке, но волосы гораздо длиннее (я всегда убеждал ее не стричь их), спадают на пол, в вековую пыль. С потолка льются солнечные лучи, усики плюща заползли в комнату через окно. Скелет в доспехах, увитый всепроникающим плющом, словно предупреждает о том, как опасно тревожить спящую невинность. Лицо Эффи обращено к свету, она улыбается во сне и не подозревает, какое опустошение окружает ее.

Я больше не мог ждать. Пришло время разрушить сплетенные мной чары, что заставляли ее ждать меня все эти годы. Я понимал, что она очень юна, но еще год - и я могу потерять ее навсегда.

Ее мать нисколько не удивилась, что я хочу жениться на ее дочери. А готовность, с которой она дала согласие, подтвердила, что она предвидела такую возможность. В конце концов, я был богат и, если Эффи выйдет за меня, я, разумеется, должен буду помогать ее родным, к тому же мне было почти сорок, а ей - только семнадцать. Когда я умру, все мое состояние перейдет к ней. Тетка (кислая старая дева, чьей единственной подкупающей чертой была всепоглощающая привязанность к Эффи) не одобряла этого решения. Она считала, что Эффи слишком молода, слишком ранима, она не осознает, что потребуется от нее после свадьбы. Ее возражения меня не волновали. Я заботился лишь об Эффи. Она была моей, я взрастил ее рядом с собой, как плющ на стволе дуба.

К алтарю она пошла в том самом старинном вышитом платье, в котором позировала для “Спящей красавицы”.

Звезда[4]

2

”Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух - противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.

Если же вы духом водитесь, то вы не под законом.

Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда…”

Его слова плыли черной вереницей, и я была рада, что перед службой приняла опиумную настойку. Мигрень почти прошла, оставив после себя темную прохладную пустоту, куда падали все мои мысли, далекие, как звезды.

”… гнев, распри, разногласия, ереси…”[5]

Я улыбнулась себе в своем тихом мире. Стихи звучали жестоко, но все равно оставались поэзией, неодолимой, как языческие песенки, что я распевала, прыгая со скакалкой на улице много-много лет назад, до того, как вышла замуж за мистера Честера.

Прыг да скок,

Кругом, кругом,

И бегом, бегом, бегом

Я вспомнила эти строки, и сердце защемило от тоски по безвозвратно ушедшим временам, когда мама была здорова, папа жив, и мы все вместе читали стихи в библиотеке нашего старого дома, еще до переулка Кранбурн. Тогда поход в церковь был праздником, поводом петь и веселиться. Боль усилилась, я сжала руки и прикусила губу, чтобы

отогнать обморок. Уильям, сидевший слева от меня, состроил сочувственную мину, но я не подняла головы - мистеру Честеру не понравилось бы, если бы я улыбнулась в церкви. Над головой священника солнце освещало святого Себастьяна, пронзенного стрелами.

Прыг да скок…

Лицо святого было спокойно и равнодушно, как у Генри.

И вдруг я падаю, в панике взмахивая руками, открыв рот в немом ужасе… но я падаю вверх, к высокому своду церкви, я вижу позолоту и орнаменты, и холодное мерцание глаз святого Себастьяна… Падение замедлилось. Голова закружилась, когда я взглянула вниз, на головы прихожан, и ужас уступил место благоговению и эйфории. Как я оказалась здесь? Может, я умерла и покинула тело, не осознавая этого? Или я сплю? Я прыгала и танцевала в воздухе, громко вскрикивая, кружась над лысой головой священника, словно ангел на острие иглы. Никто не слышал меня.

Испытывая свои новые возможности, я пронеслась, невидимая, над рядами темных голов, постепенно понимая, что слух и зрение необычайно обострились и каждая деталь видна с удивительной четкостью. Я видела даже слова священника, что поднимались к небу, словно дым из фабричной трубы. Я видела уныние паствы, изредка нарушаемое ясным лучом детской невнимательности. Присмотревшись, я поняла, что могу заглянуть внутрь людей - я видела их сущность, как солнечный свет сквозь витражи. Под маской плоти пожилая женщина с кислым лицом и острым языком цвела призрачным великолепием; ребенок излучал чистую радость; молодая темноволосая женщина была ужасным колодцем мрака и смерти. Испугавшись того, что увидела в этой девушке, я изо всех сил рванула вверх.

Из-под церковного свода я разглядывала собственное брошенное тело: бледное личико в темном провале капора, побелевшие губы, голубые веки опущены. Мне хотелось презирать себя - тонкую штучку, маленькую, незначительную. Лучше смотреть на мистера Честера, на его красивое суровое лицо, или на Уильяма, на его светлые волосы, спадающие на глаза.

- Марта!

Голос прозвенел в церкви, и я с любопытством оглянулась, но другие прихожане никак не отреагировали.

- Марта!

На этот раз голос звучал очень настойчиво, но священник не прервал проповеди. Только я слышала. Внизу я увидела лишь склоненные головы и сложенные на коленях руки.

В дверях церкви, запрокинув голову, словно присматриваясь к чему-то, стояла женщина. Я успела разглядеть ее лицо, волну медных кудрей под легкомысленной золотой шляпкой, и тут кто-то позвал меня по имени.

- Эффи! - Уильям повернулся к моему безжизненному телу и, увидев, что я в глубоком обмороке, стал развязывать мой чепчик. Все еще вне тела, я с интересом наблюдала, как он ищет нюхательную соль в моей сумочке. Милый Уильям! Такой неуклюжий и искренний. Такой непохожий на брата.

Генри тоже встал, губы плотно сжаты; зыбь любопытства пробежала по скамье. Он молча поднял меня и, в сопровождении Уильяма, повлек по проходу. Некоторые уставились вслед, другие лишь снисходительно улыбнулись друг другу и вновь сосредоточились на службе. В конце концов, учитывая положение миссис Честер, в обмороке нет ничего необычного.

Прыг да скок…

У меня вдруг закружилась голова. Снова встретившись глазами с бедным, пронзенным стрелами святым Себастьяном, я почувствовала странную боль в животе, словно что-то падало. Кругом, кругом, кругом…

Осознав, что происходит, я попыталась сопротивляться, но тщетно. “Я не хочу обратно! - протестовал мой разум. - Не хочу…”

Я смутно помню, что, падая, встретилась взглядом с женщиной в золотой шляпке. Ее губы двигались, произнося незнакомое имя: “Марта”… Потом наступила темнота.

Надо мной нависло лицо Генри, его руки двигались, ослабляя шнуровку корсажа, и, плывя между сном и явью, я рассматривала чистые, четкие черты его лица, прямые брови, внимательные глаза, волосы намного темнее, чем у брата, и очень коротко остриженные. Уильям неуверенно топтался сзади. Увидев, что я открыла глаза, он подскочил с нюхательной солью.

- Эффи? Как ты… Генри повернулся к нему.

- Не стой тут как дурак! - с холодной яростью рявкнул он. - Найди извозчика. Живо! - И Уильям ушел, бросив последний взгляд на меня через плечо. - Этот мальчишка слишком много о тебе думает, - добавил Генри. - И не скрывает этого… - Он вдруг оборвал сам себя. - Ты можешь стоять? Я кивнула.

- Это ребенок?

- Не думаю. - Мне и в голову не пришло рассказать ему о странном происшествии в церкви. Я знала, как раздражают его мои “причуды”.

Я попыталась сесть в экипаж, но вдруг снова подступила тошнота, и я чуть не упала. Генри обнял меня за талию и легко подсадил внутрь. Искоса взглянув на его напряженный профиль, я уловила его отвращение и страх. В ту минуту я почти поняла, что он боится меня, ощутила глубину его смятения, но догадка поблекла прежде, чем я осознала ее, и со мной вновь случился обморок.

3

Конечно, она потеряла нашего ребенка. Она спала в объятиях опиума, когда акушерка унесла его и завернула в саван. Я не захотел взглянуть на сына. Узнав, что жена идет на поправку, я отправился в студию работать. Мы жили в Хайгейте, и я нарочно снял студию в нескольких милях от дома. Это давало мне чувство уединения, необходимое для работы; кроме того, свет там был чистый и холодный, как в монастыре, и мои картины, свободно развешанные по беленым стенам, светились, будто пойманные

бабочки под стеклом. Здесь я был Верховным жрецом, а Эффи - моей прислужницей, ее милое личико смотрело с ярких полотен и бледных пастелей, и толстых пачек рисунков на коричневом пергаменте; Эффи моего сердца, нетронутая проклятием нашего жара и нашей плоти. В ту ночь - уже не в первый раз - я спал в студии, на узкой кровати, той самой, где она позировала для “Сна сестры” и “Спящей красавицы”. Хрустящие крахмальные простыни остужали мою пылающую кожу, и я смог наконец испытать удовлетворение.

Я вернулся на следующий день в десять. Слуги сказали, что врач ушел рано утром. Тэбби Гонт, наша экономка, сидела с Эффи почти всю ночь и поила ее опиумом и теплой водой. Когда я вошел в комнату больной, Тэбби подняла глаза и отложила рубашку, которую подшивала. Она поспешно встала и поправила чепец на непослушных седых волосах; вид у нее был усталый, глаза красные, но улыбка - открытая, как у ребенка.

- Юная леди спит, мистер Честер, сэр, - прошептала она. - Доктор говорит, она немного ослабла, но жара нет, благодарение богу. Он сказал, несколько дней в постели.

Я кивнул:

- Спасибо, Тэбби. Принесите миссис Честер горячего шоколада.

Я повернулся к постели, на которой лежала Эффи. Ее светлые волосы рассыпались по одеялу и подушкам, во сне она подложила руку под щеку, словно маленькая девочка. Мне с трудом верилось, что ей восемнадцать и она только что разрешилась первым ребенком. Я невольно содрогнулся от этой мысли. Вспоминая, как она выглядела, как ощущалось ее беременное тело под одеждой, когда я прикасался к ней, я чувствовал себя нечистым, тревога наполняла мою душу. Лучше видеть ее вот так, в постели, тонкая рука прикрывает глаза, Эффи учащенно дышит, сорочка вздымается и опадает, тонкий изгиб грудей (это слово растревожило меня даже в мыслях, и я гневно его отбросил) едва различим.

Нежность внезапно переполнила меня, и я целомудренно коснулся ее волос.

- Эффи?

С тихим стоном она пыталась проснуться. До меня донесся ее аромат, острый запах талька, жара и шоколада, запах ее детства. Ее глаза открылись и пристально уставились на меня, и она вдруг села, резко, виновато, словно школьник, заснувший на уроке.

- Я… мистер Честер! Я улыбнулся.

- Все в порядке, моя дорогая. Не двигайся. Ты еще очень слаба. Тэбби сейчас принесет тебе теплое питье.

Глаза Эффи наполнились слезами.

- Простите, - нерешительно сказала она. - Я упала в обморок… ну, в церкви.

- Все в порядке. Просто ложись тихонько. Вот так, я посижу рядом и буду держать тебя за руку. Так ведь лучше? - Я присел на кровать и подложил ей под спину подушку. Обняв ее за плечи, я увидел, как лицо ее успокоилось и на губах появилась мечтательная улыбка. Все еще в полусне, она пробормотала:

- Так хорошо, очень хорошо. Прямо как раньше… как раньше, до того, как мы поженились.

Я невольно напрягся, и, когда смысл сказанного проник в ее лихорадочные мысли, Эффи вздрогнула от ужаса.

- Ребенок! Что с ребенком?

Я невольно отпрянул. Думать об этом было невыносимо.

- Генри, пожалуйста, скажи мне! Пожалуйста, Генри!

- Не называй меня так! - рявкнул я, вскакивая, но, взяв себя в руки, заговорил с прежней лаской: - Постарайся понять, Эффи. Ребенок был болен. Он не мог выжить. Слишком маленький.

Громкий безудержный вопль вырвался из уст Эффи. Я взял ее за руки, не то умоляя, не то браня.

- Ты слишком молода, чтобы иметь ребенка. Все это было неправильно. Это была ошибка. Это…

- Не-еееет!

- Прекрати шуметь!

- Нее-е-ее-ееет!

- Прекрати! - Я потряс ее за плечи, и она инстинктивно подняла руки к лицу, глаза горели, щеки побелели от слез. На какой-то миг ее слезы показались мне столь эротичными, что я отвернулся, сердито покраснев. Я сказал мягче:

- Эффи, это к лучшему. Дорогая, теперь все может быть как раньше. Не плачь, Эффи. Просто ты слишком хрупкая, чтобы носить ребенка, вот и все. Ты слишком молода. Вот. - Я потянулся за стаканом и пузырьком с опиумом и отмерил шесть капель в воду. - Выпей, это успокоит нервы.

Я терпеливо держал стакан, пока Эффи пила, цепляясь за мою руку и глотая слезы вперемешку с лекарством. Я чувствовал, как ее тело постепенно расслабляется, и наконец она обмякла в моих руках.

- Вот умница. Теперь лучше?

Эффи сонно кивнула и уткнулась головой в мой согнутый локоть. Она пошевелилась, и в ноздри ударил резкий запах жасмина. Возможно, мне причудилось, не знаю - ощущение было таким мимолетным.

Девятка мечей[6]

4

Я проболела несколько недель. Зимняя погода препятствовала моему

выздоровлению, я подхватила простуду, не успев оправиться после преждевременного рождения ребенка, и провела в постели еще некоторое время. Помню сочувственные гримасы на лицах, склонявшихся надо мной, но сердце мое замерзло; я хотела поблагодарить всех за беспокойство, но в словах не было никакого смысла. Тэбби (она жила с нами на Кранбурн, еще когда я была совсем маленькой) ухаживала за мной и качала головой, и поила меня бульоном; юная Эм, горничная, расчесывала мои волосы и одевала меня в прелестные кружевные ночные сорочки, и сплетничала о своей семье и сестрах в далеком Йоркшире; садовник Эдвин время от времени присылал несколько ранних крокусов или нарциссов со своих драгоценных клумб и ворчал, что "они подкрасят щечки молодой госпожи". Но даже их доброта не могла меня расшевелить. Я сидела у камина, завернувшись в толстую шаль, иногда с вышиванием, но чаще просто уставившись на огонь.

Уильям, который мог бы разбудить меня, вернулся в Оксфорд, где его ждала должность младшего научного сотрудника, и теперь разрывался между радостью от вознаграждения за долгие годы учебы и тревогой, что оставил меня в столь подавленном состоянии.

Генри был само внимание: почти целый месяц ко мне не пускали посетителей - он говорил, что никому не позволит меня расстраивать, - и он ни разу не уходил к себе в студию. Генри работал дома над дюжинами эскизов к моим портретам, но мне, некогда очарованной его работами, теперь было все равно. Раньше мне нравилось, как он меня рисует, выделяя глаза и подчеркивая правильность черт, но теперь его искусство оставляло меня равнодушной, и я удивлялась, что когда-то считала его талантливым.

Его картины, развешанные, как трофеи, по всем свободным стенам в каждой комнате, вызывали у меня отвращение. Но хуже всех была "Маленькая нищенка" в спальне, написанная, когда мне было всего тринадцать, - эта картина преследовала меня, как мой призрак. Лондонские трущобы воспроизведены в мельчайших деталях, от пара над тротуарами до сажи, опускающейся с мутного неба. Тощий кот обнюхивает дохлую птицу в канаве. Радом сидит умирающая девочка, босая, одетая лишь в рубаху, ее длинные волосы свисают до земли. Разбитая чашка для подаяний лежит радом на мостовой, лицо воздето к небу, и на нем играет случайный луч света. На раме, созданной по эскизам художника, выгравирована строфа из его собственного одноименного стихотворения:

Невинная, нетронутая лаской,

Свободная от грез земной Любви,

Оставь покровы смертной, слабой плоти

И, озаряясь, в выси воспари.

Небесные к тебе склонятся духи,

Хоть ты и выйдешь к ним из темноты,

А рядом на престоле Всемогущий,

И в вечной радости Его невеста - ты.

Когда-то я восхищалась мистером Честером - у него так легко получалось писать настоящие стихи. Я не терпела критики в его адрес, плакала в сердцах, когда мистер Раскин[7] нелестно отозвался о его первой выставке. Я смутно помнила то время, когда поклонялась ему, берегла каждое написанное им слово, каждый выброшенный рисунок. Я помню свое благоговение и признательность, когда он предложил нанять мне учителей, радость, охватившую меня, когда я услышала, о чем мама говорит с Генри в библиотеке. Тетушка Мэй не одобряла брака с человеком настолько старше меня. Но маму ослепили мысли о благах, которыми мистер Честер мог обеспечить ее дочь, а меня - меня ослепил сам мистер Честер. В семнадцать лет я вышла за него замуж.

Вышла за него замуж!

Я яростно схватилась за иголку, нижний стежок - раз, верхний стежок - два, меня вдруг переполнила ненависть и злоба. Вышивка по рисунку Генри была наполовину готова: яркие насыщенные цвета, спящая красавица на увитом розами ложе. И хотя работа была не закончена, лицо

спящей девушки уже напоминало мое.

Верхний стежок - раз, нижний стежок - два… Я вонзала иголку, уже не заботясь о стежках, с растущей злостью прокалывала ткань, пронзая нежную вышивку золотой нитью. Забывшись, я плакала вслух, без слез - первобытный хрип, который при иных обстоятельствах привел бы меня в ужас.

- Что с вами, мисс Эффи? - От испуга Тэбби обратилась ко мне по-старому.

Вырванная из яростного транса, я вздрогнула и подняла голову. Пухлое добродушное лицо Тэбби расстроенно сморщилось.

- О, что вы наделали! Ваши бедные ручки… и ваша прелестная вышивка! Ох, мэм!

Я с удивлением заметила на руках кровь от дюжины уколов. Кровавые следы были и на рукоделии, лицо спящей девушки испорчено. Я уронила пяльцы и попыталась улыбнуться.

- О боже, - ровно произнесла я. - Какая я неловкая. - Тэбби начала что-то говорить, глаза ее наполнились слезами. - Нет-нет, Тэбби, со мной все в порядке, спасибо. Пойду вымою руки.

- Но, мэм, вы, конечно, примете опиумную настойку! Доктор…

- Тэбби, будь так добра, убери мое рукоделие. Сегодня оно мне больше не понадобится.

- Да, мэм, - вяло ответила Тэбби, но не двинулась выполнять приказание, пока я не вышла, спотыкаясь, из комнаты. Я нащупала дверную ручку окровавленными руками, точно лунатик, совершивший убийство.

Я была нездорова почти два месяца, пока наконец доктор не решил, что я достаточно поправилась и могу принимать посетителей. Не то чтобы их было много: мама заходила поболтать о нарядах и уверить меня, что я еще успею нарожать детей, дважды меня навещала тетушка Мэй и обсуждала

привычные дела с непривычной для нее мягкостью. Дорогая тетя Мэй! Если бы она только знала, как мне хотелось поговорить с ней! Но я понимала, что, начав, должна буду выплеснуть на нее все, рассказать о том, в чем не готова была признаться даже себе, - и потому я молчала и притворялась, что счастлива и что в этом холодном и унылом здании я - дома. Конечно, мне не удалось обмануть тетушку Мэй, но ради меня она старалась скрывать неприязнь к Генри и роняла короткие натянутые фразы, выпрямившись в кресле.

Генри любил ее не больше, чем она его, ядовито отмечая, что ее визиты определенно меня утомляют. Тетя ответила какой-то колкостью. Торжествуя, Генри заявил, что, пожалуй, ей стоит воздержаться от посещения этого дома, пока она не научится разговаривать вежливо, и что он не намерен заставлять свою жену выслушивать подобное. Тетушку Мэй втянули в неосмотрительные препирательства и погребли под градом взаимных упреков. Я смотрела в окно на удаляющийся маленький серый силуэт на фоне мрачного неба, и понимала, что желание Генри исполнилось. Я была только его, навсегда.

Пришел март, и хотя по-прежнему было очень холодно, все-таки светило солнце, и в воздухе чувствовался намек на скорую весну. Из гостиной открывается прекрасный вид на сад с прудом и аккуратными клумбами, и в то утро я позировала Генри у широкого эркера. Я была еще очень бледна, но яркое солнце согревало мои щеки и распущенные волосы, и я понимала, что довольна и благополучна.

Ах, если бы я была сейчас в саду, чтобы прохладный ветер шевелил юбки, чтобы влажная трава касалась лодыжек. Мне хотелось вдохнуть запах земли, лечь на нее, впиться в нее, кататься по траве, словно играющая кошка…

- Эффи, не шевелись! - Окрик Генри вернул меня в реальность. - Повернись в три четверти, пожалуйста, и смотри, чтобы цимбалы не падали, я за них, знаешь ли, немало заплатил. Вот, так лучше. Не забывай, если это вообще возможно, я хочу, чтобы картина была готова к выставке, а времени осталось не много.

Я приняла нужную позу и поправила инструмент на коленях. Последняя идея Генри - “Дева с цимбалами”.[8] Он работал над картиной уже четыре

недели; я на ней предстану в виде таинственной девушки из поэмы Кольриджа. Генри она виделась так: “Девочка-подросток, вся в белом, сидит на садовой скамейке, поджав под себя ногу, трогательно погруженная в свои музыкальные занятия. За ней простирается лес, а вдали - сказочная гора”.

Я знала стихотворение наизусть и нередко воображала “абиссинскую деву”. Я осмелилась сказать, что, по-моему, она должна выглядеть куда ярче и экзотичнее, чем безжизненная девочка, которую я изображаю, но ответ мистера Честера ясно дал понять, сколь невысокого мнения он о моем вкусе - художественном, литературном или каком бы то ни было. Мои опыты в живописи и поэзии были тому подтверждением. И все же я помню кое-что, еще до того, как Генри запретил мне тратить время на то, к чему у меня не было никаких талантов; помню, что смотрела на холст, как на яростный звездный водоворот, и чувствовала восторг - восторг и зарождающуюся страсть.

Страсть?

Первая ночь нашего супружества, когда мистер Честер пришел ко мне и в глазах его я увидела вину и волнение, научила меня всему, что следовало знать о страсти. Мой невинный пыл моментально остудил его возбуждение; при виде моего тела он упал на колени не от счастья, но от раскаяния. С тех пор его акт любви был актом покаяния для нас обоих - холодное неудобное соитие, будто сошлись два локомотива. После зачатия ребенка прекратилось даже это.

Я этого не понимала. Папа всегда говорил мне, что в физическом акте любви между мужчиной и женщиной нет вреда, он говорил, что это награда Бога за произведение потомства. Он часто повторял, что мы - существа чувствующие, невинные до тех пор, пока дурные мысли не нарушат этой невинности. Наш первородный грех заключался не в поиске знания, но в том стыде, который испытали Адам и Ева от своей наготы. Этот стыд изгнал их из райского сада, и тот же стыд не пускает нас в сад до сих пор.

Бедный папа! Он бы никогда не понял ледяного презрения на лице Генри, когда тот отпрянул от меня.

- Женщина, неужто совсем нет в тебе стыда? - воскликнул он.

Стыд? Я не знала его, пока не узнала Генри.

И все же во мне жил огонь, который не смогли погасить ни смерть ребенка, ни холод супруга. Иногда, сквозь ледяную пелену, что окутывала мою жизнь, я чувствовала шевеление чего-то иного, почти пугающего. Наблюдая за лицом Генри, когда он рисовал меня, я вдруг испытала отвращение. Я хотела бросить цимбалы на пол, прыгать, танцевать нагой под весенним солнцем, ничего не стыдясь. Не в силах побороть желание, я вскочила на ноги и отчаянно закричала во весь голос… Но Генри меня не слышал. Он все так же самодовольно рассматривал набросок, на секунду бросая взгляд на что-то позади меня и снова возвращаясь к рисунку. Я резко повернулась и увидела саму себя, в той же позе, с цимбалами на коленях.

Какое облегчение, какой восторг. Я никому не рассказывала о том случае в церкви, хотя часто думала о нем, убеждаясь, что причиной всему был опиум и вряд ли подобное повторится. Но в этот раз я уже целый день не принимала свои капли, я не была больна, не испытывала тошнотворного головокружения, как тогда. Я осторожно оглядела себя; мое новое “тело” было белой обнаженной копией того, что я временно покинула. Казалось, оно испускало призрачный серебристый свет. Я чувствовала ворс ковра под ногами и свежий воздух, ласкающий кожу. Меня переполняли энергия и возбуждение, все чувства обострились и обрели новые измерения вне суеты тела.

Я осторожно приблизилась к своему физическому телу, гадая, затянет ли меня назад, если я до него дотронусь. Рука прошла сквозь одежду и плоть, не встретив сопротивления. На миг я оказалась в странном, пограничном состоянии, тело, словно полуспущенная ночная сорочка, обвивалось вокруг моей настоящей, живой сущности. И я заставила себя вернуться. Какое-то мгновение мир неохотно приспосабливался ко мне, но затем я снова выпрыгнула, ликуя от того, что теперь, кажется, способна проделывать этот трюк, когда вздумается. Уверенность моя росла, и я беспечно пересекла комнату. Подталкиваемая новым желанием проказничать, я стала выписывать пируэты вокруг головы Генри, но ничто не отвлекало его от рисования. Спустившись, я подбежала к окну и выглянула на улицу, я была почти готова выпрыгнуть сквозь стекло, но боялась слишком

удаляться от тела. Быстро обернувшись, я убедилась, что все в порядке, и, отбросив осторожность и все свои земные ноши, прошла сквозь стекло в сад.

Так должно быть, гусеница мечтает о полете, такие сны видит куколка насекомого в темной шелковой колыбели.

А я? В какое хрупкое смертоносное создание вылупится моя куколка?

Буду ли я летать?

Или жалить?

5

Знаете, она лжет. Я никогда не был суров с ней, никогда. Я любил ее больше, чем любая женщина имеет право быть любимой: я поклонялся ей, отдал за нее свою душу. Я дал ей все, чего она хотела: свадьбу в белом платье, свой красивый дом, свое искусство, свою поэзию. В день, когда она вышла за меня замуж, я был счастливейшим из живущих.

Она все испортила, как до нее это сделала Ева в Эдеме. Я усердно занимался ее воспитанием, но семя уже было в ней. Мне следовало знать.

Что она вам сказала? Что я отталкивал ее? Что был холоден? Я помню, как она ждала меня в нашей спальне после свадебного торжества: вся в белом, с распущенными волосами, разбросанными по подушкам, по спинке кровати, подметавшими пол. На миг мне показалось, что она спит. Я подкрался, боясь разбудить ее, и невыносимая нежность разлилась по моему телу. Больше всего мне хотелось лечь с ней рядом, вдыхать ее аромат, запах сирени, исходящий от ее волос. Благословенный миг: во мне не было вожделения, только желание сна, ее сладости и невинности, и когда я положил голову на подушку рядом ней, в глазах моих стояли слезы.

На секунду все застыло, потом она открыла глаза. Я увидел собственное отражение, как в ведьмином хрустальном шаре, крохотную соринку на ее

зрачках. Холодными бледными руками она обвила мою шею. Сам того не желая, я ответил. Прежде я даже ни разу не целовал ее, и теперь, когда ее губы встретились с моими, я окунулся в нее, лаская ее волосы и нежные груди…

Я должен был тогда умереть: не рожден мужчина, чтобы терпеть ее блаженство и ее муку. Я чувствовал жар сквозь тонкую ткань ее ночной сорочки, отклик моей пробуждающейся плоти… и вдруг перенесся назад в тот день, в комнату матери - снова запах жасмина и неистовое, дьявольское возбуждение, овладевшее мною тогда, преследующее меня до сих пор. Я не мог двинуться. Не мог даже отвернуться. Наверное, я закричал от отчаяния и отвращения к себе. Эффи вцепилась в меня как Фурия. Когда я попытался сбросить ее, она обхватила меня и прижала к подушке, обвивая длинными ногами, впиваясь в мои губы.

Я чувствовал соль на ее губах, тонул в ней, ее волосы лезли мне в рот, в глаза, оплетали меня, словно паутина чудовищной паучьей богини. Она сбросила ночную сорочку, будто змея - кожу, и оседлала меня, превратившись в ужасную кентаврессу, откинув голову вопреки скромности и благопристойности. Какое-то мгновение я не мог делать ничего - только отвечать, во мне не осталось ни одной мысли - только похоть.

Опомнившись, я с ужасом вжался в матрас: куда делась моя девочка-нищенка, моя спящая красавица, моя бледная сестра? Куда делся ребенок, которого я воспитал? Она была взрослой и горела темным пламенем желания. Она закрыла глаза, и мне удалось разрушить чары. Я оттолкнул ее со всей жестокостью, на какую способны были мои ослабевшие члены. Ее глаза распахнулись, и я снова едва не утонул в их глубине, но, собрав остатки рассудка, отвернулся.

Она была бесстыдна. Эта девочка отказала мне в последней надежде на спасение, и я с горечью это осознавал. Я ощущал соль ее поцелуя во рту, ее прикосновение на коже и проклинал слабую грешную плоть. Я проклинал и ее, Еву моего падения: проклинал ее белую кожу и бездонные глаза, и волосы, что заставили меня обезуметь от желания. Слезы струились по моим щекам; я опустился на колени и стал молиться о прощении. Но Бог покинул меня, лишь демоны моей похоти резвились в темноте. Эффи не понимала, почему я отвернулся от нее, и пыталась слезами и ласками

отвлечь меня от покаяния.

- Что не так? - мягко спросила она, и если бы я не знал, что и она одержима тем же демоном, я мог бы поклясться, что она чиста. Голос ее дрожал, как у маленькой девочки, а руки обвивали мою шею с той же нежностью и любовью, как когда-то, когда ей было десять лет.

Я не осмелился ответить и, оттолкнув ее, яростно стиснул кулаки.

- Пожалуйста… Генри… - Впервые она назвала меня по имени, и от намека на близость, что скрывался в этом обращении, я покаянно застыл.

- Не называй меня так!

Растерявшись, она нашла мою руку, пытаясь успокоить то ли меня, то ли себя, не знаю.

- Но…

- Молчи! Разве ты еще не достаточно натворила?

Возможно, она действительно не знала, какой непоправимый вред причинила. Я чувствовал ее замешательство и ненавидел ее за попранную, поруганную невинность. Она заплакала, и я возненавидел ее еще сильнее. Лучше бы ей умереть, чем устраивать эту похотливую схватку в жаркой ночи! Лучше бы ей умереть, бешено твердил я. Ее бесстыдство уничтожило мою маленькую девочку в ту самую ночь, когда она должна была стать моей. Она прокляла нас обоих, и теперь она будет со мной до конца своей жизни - живое напоминание о гибели всех моих иллюзий.

- Я не понимаю. Что я сделала не так? - В темноте голос Эффи звучал так искренне, так беззащитно.

Я горько рассмеялся.

- Я думал, ты такая чистая. Я думал, пусть все остальные женщины - даже моя собственная мать - шлюхи, по крайней мере тебя это не запятнало.

- Я не…

- Слушай! - рявкнул я. - Я видел, как ты росла. Я держал тебя вдали от остальных детей. Я защищал тебя. Где ты этому научилась? Кто тебя научил? Когда я писал с тебя Марию и Джульетту, и Монастырский цветок, ты уже тогда по ночам извивалась в постели, грезя о любовнике? Ты гляделась в зеркало майской ночью и видела, как оттуда он смотрит на тебя? - Я встряхнул ее за плечи. - Скажи мне!

Она вырвалась из моих рук, дрожа. Но даже тогда ее обнаженное тело возбуждало меня, и я набросил на нее одеяло.

- Прикройся, ради бога! - закричал я, кусая губы, чтобы справиться с истерикой.

Она натянула одеяло до плеч, ее огромные глаза были непроницаемы.

- Я не понимаю, - наконец сказала она. - Я думала, ты меня любишь. Почему ты боишься сделать меня своей женой?

- Я не боюсь! - резко и зло ответил я. - Мы столько могли бы разделить с тобой. Зачем попирать все это ради одного-единственного акта? Моя любовь к тебе чиста, чиста, как любовь ребенка к матери. Ты же превращаешь ее в нечто постыдное.

- Но то, что приносит удовольствие… - начала Эффи.

- Нет! - перебил я. - Это не истинная, незапятнанная радость чистого супружества. Она может существовать только в Боге. Плоть - территория дьявола, а все его удовольствия суть грязь и порок. Эффи, верь мне. Мы выше этого. Я хочу сохранить тебя невинной. Я хочу сохранить тебя прекрасной.

Но она отвернулась к стене, кутаясь в одеяло.

Валет монет[9]

6

Валет червей, дорогой мой, червей или сердец. Будьте любезны, величайте меня надлежащим именем. Даже у валетов есть гордость, знаете ли. Немало сердец у меня про запас. Одно для любовницы - это раз. Второе - в подарок почтенной мадам. А третье - на паперти нищей отдам,[10] но, заметьте, только для того, чтобы ее утешить. А что они дали мне взамен? Несколько вздохов, перепихон на скорую руку и столько слез, что ими можно было ванну наполнить. Женщины! Вечная моя погибель, но я не могу без них. Клянусь, в аду я буду флиртовать с маленькими дьяволицами - люблю погорячее. Что такое?

А, нуда - история. Вижу, я вам неприятен. Но вы выпустили меня на сцену, и пока что я не собираюсь уходить. Кури свою трубку, старик, и не мешай. Позвольте представиться.

Мозес Зэкери Харпер, поэт, немного художник, грешник, дамский угодник, гедонист, валет червей и туз жезлов, некогда любивший и потерявший миссис Юфимию Честер.

А что же добрый Генри?

Скажем, возникли непредвиденные осложнения, возможно, женщина (кто знает?)… быть может, доля правды в шутке, отпущенной в адрес праведного мистера Честера. Достаточно будет слова “холодность”, профессиональная холодность. Мистеру Раскину понравилась моя картина “Содом и Гоморра”, и он благосклонно отозвался о ней в прессе. Что это было за полотно! Три сотни тел, сплетенных в восторженных объятиях! И каждый дюйм женской плоти отвоевывал территорию! Благочестивый мистер Честер презирал меня от всего сердца, но завидовал моим связям. По правде говоря, связей-то не было - ну, то есть, с той стороны супружеской постели, где они пользительнее, - хоть мне и удалось выудить из-под кружевных юбок пару-тройку никчемных одолжений.

Вообразите наш разговор за чаем.

- Не хотите ли чашку чая, мистер Харпер? Я слышал, ваша выставка прошла с некоторым успехом… - Лицо у бедного Генри постное, как у старой девы. Ваш покорный слуга одет небрежно - никакой шляпы, рубашка расстегнута, - отмеривает продуманные оскорбления (“Мне

кажется, я вижу влияние сэра Джошуа Рейнолдса[11] в той последней работе, мой дорогой друг…”). Признаюсь, я был жалом в его плоти. Бедный Генри не был рожден художником, он не обладал артистическим темпераментом и вместо этого демонстрировал удручающую склонность жить непорочно, ходить в церковь и тому подобное - я никогда не упускал случая съязвить на этот счет.

Представьте мое удивление, когда, вернувшись из долгой заграничной поездки, я узнал, что он женился! Сначала я развеселился, потом не поверил. О, он по-своему привлекателен, но любая женщина, обладающая хоть граммом здравого смысла, поймет, что в нем не больше страсти, чем в куске бекона. Что, впрочем, лишь доказывает, что у большинства женщин этого грамма здравого смысла нет.

В конце концов мне стало ужасно любопытно. Хотелось посмотреть, что за заблудший образчик слабого пола попался в его ловушку. Простая девушка, думал я, несомненно, оплот местной церкви и умеет рисовать акварели. Я навел справки в артистических кругах и узнал, что Генри женат уже почти год, что жена его крайне болезненна и что в январе она разрешилась мертвым ребенком. По общему мнению, она была весьма красива какой-то особой, необычной красотой. Мне сказали, что Генри готовит выставку, приуроченную к годовщине их свадьбы, и, понимая, что это, пожалуй, единственный способ сделать так, чтобы старый синий чулок меня принял, я вознамерился посетить это мероприятие.

Он решил устроить выставку в своем доме в Хайгейте, на Кромвель-сквер - по-моему, ошибка. Следовало бы снять небольшую галерею - где-нибудь на Чатем-плейс, к примеру. Но ему бы никогда не хватило духа выставляться под самым носом у своих прерафаэлитских кумиров. К тому же он с самого начала нацелился на выставку в Академии, я слишком хорошо знал его и не ожидал, что он согласится на что-нибудь поскромнее. Как положено, объявление напечатали в “Таймс”, затем разослали робкие приглашения влиятельным критикам и художникам (меня в списке, разумеется, не было).

Я пришел около двенадцати, позавтракав в ресторанчике неподалеку. Подходя к дому, я заметил, что у ворот топчутся несколько человек, будто не понимая, ждут их или нет. Я узнал Холи Ханта и Морриса - он сердито хмурился в ответ на какое-то замечание Ханта, - а рядом с ним миссис

Моррис, словно сошедшая с полотна Россетти; на мой вкус, она как-то чересчур. Однако Генри будет доволен, лишь бы ему не пришлось с ними разговаривать: он не выносит эксцентриков и грубиянов, а судя по тому, что я слышал о Моррисе, он не жалует напыщенных ослов вроде Генри.

Заметив своих друзей, которые только явились, я присоединился к ним, не переставая удивляться, зачем они пожаловали на это мероприятие. Он - молодой поэт-неудачник по имени Фингласс, она - его муза Дженни. Я ухмыльнулся, услышав, как он представляет ее старой склочнице экономке, поджавшей губы, как “миссис Фингласс”, - экономка умудрилась ответить взглядом скептическим и вежливым одновременно, и мы зашли в дом.

Как же это типично для Генри Честера - устроить выставку a domicile,[12] не успела жена оправиться от тяжелой болезни, подумал я, оказавшись внутри. Я уверен, он оскорбился бы до глубины души, если бы кто-то ему на это указал. Я знал, что за человек Генри: все его натурщицы в один голос твердили, что, хотя платил он неплохо, за мольбертом он был “сущий тиран”, приходил в бешенство, если девушка всего лишь меняла позу, забывал, что им необходимо отдыхать, и вдобавок ко всему читал нравоучения этим несчастным созданиям, большинство из которых оказались на улице вовсе не по своей вине и выбирали эту работу как более высокооплачиваемую и уважаемую форму проституции.

Всего собралось около дюжины посетителей - некоторые рассматривали холсты в рамах в коридоре, но большинство переместились в гостиную, где была выставлена основная часть работ. В центре Генри многословно вещал что-то маленькому кружку восторженных ничтожеств, потягивающих херес и фруктовую наливку. Генри взглянул на меня, когда я вошел, и поприветствовал коротким кивком. Я победно улыбнулся, налил себе хересу и лениво двинулся к картинам - как я и ожидал, абсолютно бездарным.

В этом человеке не было огня: картины тусклые, причудливые, но безжизненные, и сентиментальность его заурядной души так же очевидна, как и недостаток страсти. Пожалуй, писать он умел, и натурщица мне показалась вполне интересной, но, к сожалению, довольно бесцветной. Очевидно, это была его постоянная модель: ее лицо смотрело на меня почти из каждой рамы. Странное маленькое создание, она была далека от

современных стандартов красоты - детской фигуркой и бледными распущенными волосами напоминала средневековых дев. Может, любимая племянница? Я изучил подписи к картинам: “Джульетта в гробнице”, “Навсикая”, “Маленькая нищенка”, “Холодное венчание”… Неудивительно, что девочка так печальна - на каждом холсте она изображалась в какой-то жуткой, мрачной роли… умирающая, мертвая, больная, слепая, брошенная… худенькая и жалкая, точно мертвый ребенок, Джульетта, завернутая в саван, нищенка в обносках, испуганная и потерянная Персефона в шелках и бархате.

От критических раздумий меня отвлек скрип двери. В изумлении я увидел на пороге девушку с картин Генри. Я узнал ее черты, но Генри показал ее далеко не с лучшей стороны. Восхитительное существо, похожее на серебряную березку, с чудесной тоненькой талией, изящными нежными пальчиками с длинными ногтями и ротиком, готовым расцвести от поцелуя. В скромном платье из серой фланели она выглядела совсем девочкой. Я предположил, что это племянница или даже профессиональная натурщица, которую он где-то раздобыл. В тот момент мысль о миссис Честер даже не пришла мне в голову, и я совершенно невинно поприветствовал Красотку:

- Меня зовут Моз Харпер. Как поживаете?

Она покраснела и что-то пробормотала, оглядываясь по сторонам большими испуганными глазами, словно боялась, что кто-то увидит ее со мной. Может, Генри предупреждал ее обо мне. Я улыбнулся.

- Генри напрасно пытался написать вас, - сказал я. - Я всегда считал, что это неправильно - улучшать природу. Могу я спросить, как вас зовут?

Еще один осторожный взгляд на Генри, но тот все еще был занят беседой.

- Эффи Честер. Я… - Снова нервный взгляд.

- Вы родственница Генри? Как интересно. Надеюсь, не из рассудительной ветви семейства?

Еще один взгляд. Красотка решительно опустила голову и что-то пробормотала без тени жеманства. Я понял, что действительно смутил ее,

и, решив, что тут попахивает синим чулком, сменил тему.

- Я великий почитатель работ Генри, - смело соврал я. - Можно сказать, я его коллега… его последователь.

Фиалковые глаза моргнули, не то удивленно, не то насмешливо:

- Это правда?

Чертова кокетка, она смеялась надо мной! Да, именно смех светился в этих глазах, и лицо ее неожиданно засияло. Я ухмыльнулся:

- Нет, не правда. Вы разочарованы?

Она покачала головой.

- Мне не нравится его стиль. Но в исходном материале я не нахожу никаких недостатков. Бедный Генри - рисовальщик, а не художник. Дайте ему красивое спелое яблоко, и он поместит его на фоне экрана из шелка и попробует нарисовать. Пустая трата времени. Ни яблоко, ни зрители не оценят его усилий.

Ее это озадачило, но заинтересовало. Она перестала оглядываться на Генри всякий раз, когда хотела что-то сказать.

- Ну а что вы бы сделали? - осмелела она.

- Я? Я думаю, чтобы писать жизнь, нужно эту жизнь знать. Яблоки надо есть, а не рисовать. - Я лукаво подмигнул ей и улыбнулся. - А прекрасные юные девушки похожи на яблоки.

- О! - Она прикрыла рот ладонью и перевела взгляд с меня на Честера - он только что узрел Холмана Ханта среди своих гостей и был поглощен серьезным разговором.

Она отвернулась почти в панике. Нет, она не кокетка, совсем наоборот. Я взял ее за руку, ласково развернул к себе.

- Простите меня. Я пошутил. Больше не буду вас дразнить.

Она взглянула на меня, пытаясь понять, говорю ли я правду.

- Я бы поклялся честью, но у меня ее нет, - сказал я. - Наверное, Генри предостерегал вас на мой счет. Да?

Она молча покачала головой, вовсе замкнувшись.

- Нет, наверное, не предостерегал. Скажите, вам нравится быть натурщицей? Интересно, Генри делится вами со своими друзьями? Нет? Мудрый Генри. Боже, теперь-то в чем дело?

Она снова отвернулась, но я успел прочесть подлинное страдание на ее лице. Теребя мягкую ткань платья, она вдруг сказала тихо, но настойчиво:

- Пожалуйста, мистер Харпер…

- Что такое? - Я колебался между раздражением и беспокойством.

- Пожалуйста, не говорите о натурщицах! Не говорите о несчастных картинах. Все спрашивают о картинах. Я их ненавижу!

Это уже интересно. Я заговорщически понизил голос:

- Вообще-то я тоже.

Она невольно хихикнула, и взгляд ее уже не был взглядом раненой лани.

- Я ненавижу каждый день делать одно и то же, - продолжала она, словно во сне. - Всегда быть хорошей, тихой, вышивать, сидеть в красивых позах, когда на самом деле я хочу… - Она снова замолчала, должно быть, поняв, что едва не переступила границ приличия.

- Но, наверное, он вам неплохо платит, - предположил я.

- Деньги! - Презрение было столь очевидно, что я отбросил всякие мысли о том, что она профессиональная натурщица.

- К сожалению, я не обладаю вашим здоровым к ним пренебрежением, - весело сказал я. - А уж тем более мои кредиторы.

Она снова хихикнула.

- Да, но вы же мужчина, - неожиданно серьезно произнесла она. - Вы можете делать что хотите. Вам не… - Ее голос печально стих.

- А чего бы вы хотели? - спросил я.

Она секунду смотрела на меня, и я почти разглядел что-то в ее взгляде… будто намек на призрачную страсть. Всего секунду - и лицо ее снова побледнело.

- Ничего.

Я открыл было рот, но почувствовал, что кто-то стоит рядом. Повернувшись, я увидел, что Генри, безупречно рассчитав время, наконец-то оставил Ханта общаться с другими гостями. Девушка напряглась, лицо ее застыло, и я подумал: что за власть Генри имеет над ней, если она перед ним так трепещет. И это не просто трепет - в ее глазах появился чуть ли не ужас.

- Добрый день, мистер Харпер, - со скрупулезной вежливостью произнес Генри. - Вижу, вы ознакомились с моими полотнами.

- Конечно, - ответил я. - И хотя они, безусловно, недурны, я не мог не заметить, что они едва ли передают все очарование натурщицы.

Этого говорить не следовало. Спокойные глаза Генри сузились, и он смерил меня ледяным взглядом. Голос его заметно похолодел, когда он наконец представил ее:

- Мистер Харпер, это моя жена, миссис Честер. Вы, должно быть, заметили, что я не лишен обаяния - так вот, всю его силу я направил на то, чтобы свести на нет свои прежние faux pas[13] и произвести хорошее впечатление. Через пару минут бесстыдной лести Генри снова растаял. Заметив, как девушка-березка смотрит на меня, я поклялся, что отдам ей свое сердце. По крайней мере, на время.

В первую очередь мне требовался доступ к Красотке. Поверьте, чтобы соблазнить замужнюю женщину, нужны терпение и стратегия, а также прочная позиция в стане врага. Я не мог представить, каким образом такому распутнику, как я, удастся проникнуть в ее жизнь и в ее душу. Терпение, Моз, думал я. Нам предстоят часы светских бесед!

Во время разговора я предпринимал всевозможные попытки соблазнить, но не жену, а мужа. Я восхищался Холманом Хантом, которым, как я знал, восхищается Генри; сокрушался о новых декадентских тенденциях у Россетти; рассказывал о своей жизни за границей; проявлял интерес к новому полотну Генри (ужасная идея, под стать всем его предыдущим ужасным идеям); и, наконец, выразил желание, чтобы он написал меня.

- Портрет? - Генри был весь внимание.

- Да… - нерешительно и с должной скромностью ответил я. - Или исторический сюжет, что-нибудь средневековое…или библейские мотивы… По правде, я об этом еще не думал. Однако я уже давно восхищаюсь вашим стилем, вы же знаете, а после этой на редкость удачной выставки… На днях я сказал о ней Суинберну[14] - на самом деле это он подкинул мысль о портрете.

Это было легко: я знал, что такой пуританин, как Генри, вряд ли станет разговаривать с человеком вроде Суинберна, чтобы проверить мои слова, но ему, как и мне, было известно об отношениях между Суинберном и Россетти. От самодовольства он раздулся как на дрожжах. Он пристально разглядывал мое лицо.

- Красивые черты, если позволите, - протянул он. - Не стыдно будет перенести их на холст. Анфас, что скажете? Или в три четверти?

Я было осклабился, но быстро сменил плотоядную ухмылку на улыбку.

- Я в ваших руках, - сказал я.

7

Когда дверь открылась и я впервые увидела его, я поняла, что он увидел меня. Не это тело, но меня истинную, обнаженную и беспомощную. Мысль пугала и будоражила одновременно. На миг мне захотелось танцевать перед незнакомцем, выставляя напоказ бесстыдство, переполнявшее бледную оболочку тела, которую я могла отбросить когда угодно,

незамеченная мужем.

Не могу объяснить эту странную игривость, что овладела мной. Возможно, ощущения мои обострились из-за недавней болезни или из-за опиумной настойки, которую я приняла накануне от головной боли, но, впервые увидев Моза Харпера, я поняла, что он - воистину плотское создание, подчиняется лишь собственным желаниям и стремится к удовольствию. Наблюдая за ним, разговаривая с ним под невнимательным взглядом мужа, я убедилась, что он - все, чем я не была. Он, будто солнце, излучал энергию, самоуверенность, независимость. Но главное - в нем не было стыда, абсолютно никакого, и это бесстыдство непреодолимо влекло меня. Он коснулся моей руки, его тихий ласковый голос таил обещание наслаждения, и я почувствовала, как горят щеки, но не от стыда.

Я тайком разглядывала его, когда он беседовал с Генри. Не помню ни одного слова, но тембр его голоса заставлял меня блаженно трепетать. Он был лет на десять младше Генри: угловатая фигура, заостренные черты и насмешливая гримаса, длинные волосы экстравагантно и старомодно перевязаны над загривком. Одет намеренно небрежно, даже для утреннего визита, - и без шляпы. Мне понравились его глаза, голубые и прищуренные, словно он все время смеялся, и легкая, насмешливая улыбка. Уверена, он заметил, что я наблюдаю за ним, но лишь улыбнулся и продолжил разговор.

Меня поразило, что он заказал портрет моему мужу. Тот считал Моза Харпера нахалом и бездельником, годным лишь на то, чтобы писать мерзости, бессмысленные и безвкусные. А теперь Генри снисходительно вещал, что Моз - “юный проказник”, и путешествия по свету “безусловно, положительно на нем сказались”, и однажды он, несомненно, станет “прекрасным художником”, поскольку работам его присуща “четкость линий и некоторая оригинальность стиля”.

Несколько дней Генри размышлял над портретом, то предлагая, то отвергая различные сюжеты, типа “Юного Соломона” или “Якобита”. Моз составил собственный список, включавший “Прометея”, “Адама в Саду” (которого Генри отверг из-за, как он выразился, “степени скромности, которая потребна для подобного сюжета”) и “Игроков в карты”.

Последний пункт заинтересовал Генри, и позже он встретился с Мозом в

студии, чтобы все обсудить. Моз сказал, что идею ему подсказало стихотворение французского поэта Бодлера (я не была знакома с его произведениями, но мне говорили, что они весьма шокируют, и меня вовсе не удивляет, что Бодлер - любимый поэт Моза), в котором:

Le beau valet de coeur et la dame de pique

Causent sinistrement de leurs amours defunts.[15]

Эти строки вызвали у Моза какие-то воспоминания, он видел на холсте “дешевое парижское кафе, на полу опилки, бутылки абсента на столе. За столом сидит молодой человек, в руках у него червовый валет; красавица рядом с ним только что пошла с дамы пик”.

Генри не сразу увлекся этим сюжетом - счел его слишком низменным. Сам он хотел писать Моза в средневековом платье, “сидит под простыми солнечными часами, играет на виоле; позади него садится солнце, а мимо следует конная процессия - дамы держат в руках музыкальные инструменты, лица их скрыты вуалями”. Картина должна была называться “Плач менестреля”.

Моз вежливо отклонил предложение. Он не представлял себя в обличье средневекового менестреля. К тому же надо было думать и о заднем плане. На средневековый пейзаж и всадниц могут уйти месяцы. Куда проще выбрать темный интерьер и сконцентрироваться на самом портрете, не так ли?

Довод был весьма разумный, и Генри нехотя согласился. Если работа будет выполнена со вкусом, с сюжетом можно смириться. Он был решительно против того, чтобы гравировать на раме французское стихотворение, но Моз заверил его, что это вовсе необязательно. Генри начал строить планы насчет нового полотна, забросив на время “Деву с цимбалами”, к моему несказанному облегчению.

Не знаю, какую плату Моз пообещал Генри за картину, но муж был полон надежд. Конечно, Моз, используя свои связи, устроит так, что ее

выставят в Королевской академии, и это поспособствует развитию карьеры Генри. Мне было все равно. Наш с Генри доход не зависел от его картин. Заработанные деньги служили для самоудовлетворения, были доказательством его таланта. Меня же его новая картина интересовала лишь потому, что долгая работа с натуры давала мне возможность видеться с Мозом почти каждый день.

8

Мне никогда не нравился Моз Харпер. Весьма опасный и расчетливый тип; поговаривали, что он замешан в бесчисленных темных делишках, от подделок до шантажа, однако эти слухи, которые по необъяснимым причинам вели к еще большему успеху у женщин, так и остались слухами.

Лично я считал его ничтожным человечишкой, не обладающим нравственными устоями и еще в меньшей степени - хорошими манерами, за исключением тех случаев, когда он прилагал усилия, чтобы произвести впечатление. Он был в каком-то смысле художник, однако те работы, что я видел, как картины, так и стихи, казалось, имели целью шокировать публику, и только. В его работе не было ни гармонии, ни правды жизни; он получал удовольствие от гротеска, абсурда и вульгарности.

Хоть я и не люблю сомнительную компанию, я понимал, что приобретенные им связи могут быть мне полезны. Кроме того, моя идея портрета была превосходна, и картина, весьма вероятно, привлекла бы внимание Академии. Я уже представил на рассмотрение “Маленькую нищенку” и “Спящую красавицу” - отзывы критиков вдохновляли, хотя “Таймс” осудила мой выбор натурщицы, назвав ее “безжизненной”, и посоветовала расширить набор сюжетов. Потому я оставил текущую работу и немедленно принялся за этюды, хотя столь тесный контакт с Харпером претил мне - ввиду его репутации я не хотел, чтобы Эффи с ним общалась. Не то чтобы она стала потворствовать его ухаживаниям, вы понимаете, но меня бесила мысль о том, что он будет смотреть на нее, унижая, желая ее.

Однако выбора у меня было: Эффи снова болела, и я устроил небольшую

студию наверху. Харпер, как правило, сидел в саду или в гостиной, и я делал наброски с разных ракурсов, а Эффи вышивала или читала, и, казалось, была вполне довольна нашей молчаливой компанией. Она не проявляла никакого интереса к Харперу, но это едва ли меня успокаивало. Возможно, я был бы терпеливее, проявляй она чуть больше живости.

Эффи не могла думать ни о чем, кроме своих книг. Несколько дней назад я застал ее за чтением совершенно неподобающего романа, отвратительной вещицы, написанной некой Эллис Белл,[16] - “Грозовой перевал” или какая-то подобная чепуха. Из-за этой чертовой книги она заработала очередную мигрень, и когда я забрал томик - я желал Эффи только добра, неблагодарное создание, - она посмела устроить мне гневную истерику, кричала, что я, видите ли, не имею права забирать ее книги! Она рыдала и вела себя как испорченный ребенок, каковым, собственно, и была. Ее смогла успокоить только основательная доза опиумной настойки, и следующие несколько дней Эффи провела в постели - она была слишком слаба и раздражена, чтобы встать. Когда она почти выздоровела, я сообщил ей, что уже давно подозревал: она слишком много читает и от этого у нее появляются причуды. Мне не нравилась эта порожденная ленью болезненность, которую и поощряли книги. Я сказал Эффи, что не возражаю против полезных христианских книг, но запретил романы и вообще все, кроме самой легкой поэзии. Она и так была слишком эмоционально неустойчива.

Что бы она вам ни говорила, я не был злым. Видя ее неуравновешенность, я поощрял ее к занятиям, подобающим молодой женщине. Вышивка лежала нетронутой неделями, и я заставил Эффи снова взяться за рукоделие. Не ради себя, нет - ради нее. Я знал, что ей хотелось иметь талант, подобный моему. Ребенком она часто пробовала рисовать сцены из любимых стихотворений, но я всегда был честен с Эффи, я не льстил ей, чтобы завоевать привязанность, но говорил суровую правду: женщины, как правило, не созданы для творчества, у них кроткие, домашние таланты.

Но она была упряма и упорно продолжала малевать - говорила, что рисует то, о чем грезит. Грезы! Я сказал, что ей следует меньше грезить и уделять больше внимания своим супружеским обязанностям.

Видите, я действительно заботился о ней. Я слишком сильно любил ее,

чтобы позволить ей обольщаться тщеславными надеждами. Я так долго хранил ее чистоту, жил с ее несовершенством, прощал за злое семя, что она несла в себе, подобно всем женщинам. А что она давала мне взамен? Мигрени, капризы, глупость и ложь. Да не обманет вас, как меня, ее невинное личико! Как и моя мать, она была отравлена, бутон ее распускающейся юности запятнан изнутри. Но разве я мог предвидеть? Господь в своей безжалостной ревности поместил ее на моем пути, дабы испытать меня. Пустите одну женщину, всего лишь одну, в Царство Небесное, и, клянусь, она низвергнет всех святых одного за другим: ангелов, архангелов - всех.

Будь она проклята! Из-за нее я стал таким, каким вы меня видите сейчас, - ущербным, падшим ангелом, несущим змеиное семя в своих застывших недрах. Разрежьте яблоко и увидите внутри Звезду, в которой покоятся семена проклятия. Бог знал это уже тогда, всезнающий и всевидящий. Как он, должно быть, смеялся, вынимая ребро из тела спящего Адама! Даже сейчас мне кажется, что я слышу его смех… и в темноте плюю и проклинаю свет. Двадцать гранов хлорала, чтобы купить Твое молчание.

9

Две недели я довольствовалась тем, что смотрела на него и ждала. Моз являлся мне в снах, наполняя их волшебными фантазиями. Просыпаясь, я каждый день видела его. Я жила в теплом и прекрасном забытьи, как спящая принцесса, ждущая поцелуя, и безоговорочно ему доверяла. Я видела, как он смотрит на меня. Я знала, что он придет за мной.

Шли дни, Генри снова стал работать в студии. Он уже сделал достаточно этюдов и торопился перенести сюжет на холст. Он раздумывал, не использовать ли меня в качестве натурщицы для Дамы Пик, но Моз, незаметно мне подмигнув, резко возразил, что я “не в его вкусе”. Генри не знал, оскорбиться ему или успокоиться, он лишь слегка улыбнулся тонкими губами и обещал “поразмыслить об этом”. Моз ходил с ним в студию, и некоторое время мы не виделись, но образ его никогда не покидал моих дум.

С каждым днем я чувствовала себя все лучше и принимала все меньше опиумной настойки, которую приносил Генри. Однажды вечером он обнаружил, что я выбросила лекарство, и страшно рассердился. Как же я поправлюсь, кричал он, если не слушаюсь его? Я должна пить лекарство трижды в день, как хорошая девочка, а иначе у меня опять появятся нездоровые фантазии, ночные кошмары, и я буду годна лишь на то, чтобы бездельничать. У меня хрупкое здоровье, говорил он, а разум ослаблен болезнью. Я должна хотя бы попытаться не быть для него обузой, особенно теперь, когда его работы наконец завоевывают признание.

Я покорно согласилась, пообещала каждый день гулять до церкви и обратно и регулярно принимать лекарство. С тех пор я всегда следила, чтобы уровень настойки в бутылочке равномерно уменьшался, - я поливала ею араукарию на лестнице трижды в день. Генри ни о чем не подозревал. Из студии он возвращался почти веселым, работа над картиной шла очень хорошо, хотя и медленно, сообщал он мне, а Моз позирует ему часа по три в день. Генри работал до вечера. Становилось все теплее, и после обеда я совершала долгие прогулки по кладбищу. Пару раз Тэбби составляла мне компанию, но у нее было слишком много работы по дому, чтобы постоянно меня сопровождать. К тому же я сказала ей, что хожу только до церкви, со мной не может ничего случиться, и теперь, когда зима закончилась, я чувствую себя гораздо лучше. Три или четыре раза я ходила одной дорогой - от Кромвель-сквер, по переулку Свейнз-лейн и вниз с холма на кладбище, к церкви святого Михаила. С того дня, как у меня случилось видение, - того самого дня, когда я потеряла ребенка, - я чувствовала странную связь с этой церковью, мне хотелось пойти туда одной и вновь пережить эту целеустремленность, это откровение. Но я ни разу не возвращалась - только по воскресеньям, вместе с Генри. После того как Уильям отправился в Оксфорд, за мной присматривали еще строже. Я не осмеливалась ни на секунду снять маску.

Но теперь я была будто на каникулах. Отлучки из дома доставляли мне куда больше удовольствия, чем я осмеливалась признать, и я заставила Генри поверить, что гуляю только потому, что он мне велел. Если бы он знал, как много эти прогулки значат для меня, он бы, конечно, прекратил их. Я хранила свой секрет и свою радость, а внутри меня прыгало и смеялось что-то дикое и бешеное. Несколько раз я попробовала зайти в церковь, но не решалась - слишком людно: туристы, крещения, свадьбы… а однажды - похороны, и все скамьи были заполнены плакальщиками,

одетыми в черное, поющими мрачные гимны под унылые звуки органа.

Я отшатнулась от приоткрытой двери, смущенная и почему-то напуганная, когда меня настигла волна звука. В растерянности я едва не сшибла вазу с белыми хризантемами у входа. Одна женщина обернулась на шум и пристально уставилась на меня, почти с угрозой. Я беспомощно взмахнула рукой, извиняясь, и попятилась, но внезапно колени мои подогнулись. Взглянув вверх, я увидела, что свод неумолимо приближается ко мне, и лицо святого Себастьяна вдруг оказалось совсем рядом - он улыбался, скаля зубы…

Только не сейчас, подумала я, отчаянно стараясь сохранять равновесие. Исступленно оглядываясь, я заметила, что женщина все так же пристально смотрит на меня, будто узнала. Вдалеке голос произнес полузнакомое имя. Накатила беспричинная паника, и я повернулась, вырвавшись из транса, и выбежала, хлопнув тяжелой дверью. Споткнувшись и изо всех сил стараясь не упасть, я у подножия лестницы налетела на человека в черном. Его руки плотно обхватили меня. Окончательно лишившись сил, я хотела было звать на помощь, но, взглянув в лицо незнакомца, поняла, что это Моз.

- Миссис Честер! - Похоже, он удивился, увидев меня, и немедленно разжал объятия. Его раскаяние казалось почти искренним, если бы не озорной блеск в глазах. - Мне очень жаль, что я вас так напугал. Пожалуйста, простите меня.

Я постаралась взять себя в руки.

- Все в порядке, - произнесла я. - Это… не ваша вина. Я пошла в церковь - а там поминальная служба. Это… - И нескладно закончила: - Надеюсь, я не ушибла вас.

Он засмеялся, но тут же прищурился с некоторым беспокойством.

- Так вы все-таки потрясены, не так ли? - спросил он. - Вы такая бледная. Присядьте-ка на минутку.

Приобняв за плечи, он повел меня к скамейке в нескольких ярдах.

- О, вы совсем замерзли! - воскликнул он, взяв меня за руки.

Не успела я и слова сказать, он снял пальто и набросил мне на плечи. Я нерешительно запротестовала, но он был такой веселый и непринужденный, и так уютно было сидеть на скамейке, прижавшись к нему и вдыхая табачно-шерстяной запах его пальто. Если бы он меня поцеловал, я знаю, что ответила бы со всей искренностью, без малейших угрызений.

10

Я следовал за ней почти целую неделю, прежде чем сделать первый шаг. Она была нелегкой добычей, и действовать следовало осторожно, чтобы не отпугнуть девочку. А еще эта трогательная доверчивость - после того случая я встречался с ней каждый день, и уже через неделю она называла меня Моз и держала за руку, как ребенок. Если бы я не знал, что она замужем, мог бы поклясться, что она девственница.

Не похоже на меня, говорите вы? Ну, я и сам не мог этого объяснить. Наверное, все дело было в новизне, я играл роль принца, хотя так долго был валетом… а кроме того, она была красива.

Мужчина способен влюбиться. Но только не я.

И все же в ней было нечто - холодное и бесконечно плотское одновременно, совсем не девичье, будившее во мне какие-то спящие чувства. Совершенно новые переживания: я был точно алкоголик, что впервые пробует медовый детский напиток, давно испортив себе вкус крепким спиртным. Подобно ему, я медленно смаковал новизну, незнакомую сладость. Она не умела отличать хорошее от дурного, она следовала за мной, куда бы мне ни захотелось ее повести, и дрожала от удовольствия, когда я прикасался к ней, и впитывала каждое мое слово. С ней я говорил куда больше, чем с любой другой женщиной - я забывался и рассказывал о своих стихах и картинах, о мечтах и чаяниях. Обычно мы встречались на кладбище. Удобно - огромное запутанное пространство, полно укромных мест. В один холодный пасмурный вечер, когда Генри работал допоздна, мы встретились у ливанского кедра. Вокруг ни души, а во мне - дьявол. От Эффи так хорошо пахло - розами и белым хлебом.

Щеки ее раскраснелись на холоде, ветер развевал волосы, и тонкие пряди спадали на ее лицо. В тот миг я принадлежал ей.

Тогда я впервые поцеловал ее в губы, напрочь позабыв о стратегии наступления. Она стояла у склепа, и я прижал ее к стене. Ее шляпка упала - я не обратил внимания, - ее волосы, расплетясь, овевали мое лицо. Я потянул их и, ласково перебирая, пытался набрать воздуха, словно ныряльщик перед очередным погружением. Не такого поцелуя она, должно быть, ожидала - она тихонько вскрикнула и поднесла руки ко рту, лицо ее стало пунцовым, а глаза - большими, как блюдца. Осознав, что этот опрометчивый порыв, скорее всего, свел на нет все мои труды, я выругался. А затем снова выругался, ругая себя за ругань.

Придя в себя, я отшатнулся и упал на колени, играя роль Раскаивающегося Любовника. Я очень сожалел, я не мог выразить словами, как сожалею о том, что напугал ее, я готов понести суровейшее наказание. Я поддался минутной слабости, но я так люблю ее, я так мечтал поцеловать ее, с тех самых пор, как увидел, что потерял власть над собой. Ведь я не каменный - но что с того? Я напугал и оскорбил ее. Меня следует высечь.

Может, я слегка переборщил, но эта техника раньше прекрасно срабатывала с замужними женщинами - я тщательно изучил ее на страницах “Сувенира”,[17] и, Бог свидетель, в этот раз кое-что из сказанного было почти правдой. Я осторожно поднял глаза - проверить, заглотнула ли она наживку. К моему изумлению, она сотрясалась от хохота - не злого, но неудержимого. Увидев, что я смотрю на нее, она снова расхохоталась.

Маленькая Эфф мгновенно выросла в моих глазах. Я встал и печально улыбнулся.

- Ну, попробовать-то стоило, - сказал я, пожимая плечами. Эффи покачала головой и снова засмеялась.

- Ах, Моз, - произнесла она. - Ты лицемер! Тебе нужно играть в театре.

Я решил применить другую тактику - Нераскаявшегося Любовника.

- Я и сам об этом подумывал, - сказал я. - Знаешь, обычно это

срабатывает. - Я рискнул обезоруживающе улыбнуться и добавил: - Ну, ладно. Я не сожалею.

- Так лучше, - ответила Эффи. - В это я верю.

- Тогда поверь и еще кое во что, - сказал я. - Я люблю тебя. - Как она могла не поверить? В тот момент я и сам почти верил. - Я люблю тебя, и мне невыносимо видеть, что ты замужем за этим высокопарным ослом. Он не считает тебя женщиной, он думает, ты его игрушка, его девочка-нищенка, его маленький болезненный падший ангел. Эффи, тебе нужен я, тебе нужно научиться жить и наслаждаться жизнью.

Я говорил почти искренно. Я чуть было даже самого себя не убедил. Я взглянул на нее, чтобы узнать, какова реакция на сей раз, и наши взгляды встретились. Она шагнула ко мне так решительно, что я едва не попятился. Почти отрешенно поднесла она холодные руки к моему лицу. Ее поцелуй был нежен, и я ощутил соль на ее коже. Я сдерживался, позволяя ее пальцам изучать мое лицо, шею, волосы. Она мягко оттеснила меня к склепу. Я услышал, как позади отворилась калитка, и Эффи втолкнула меня внутрь. Усыпальница - крохотная часовенка с витражным окошком в дальней стене; калитка скрывала от любопытных глаз стул, молельную скамью и алтарь. Там вполне могли укрыться двое. Я закрыл глаза и протянул к Эффи руки.

Калитка захлопнулась прямо передо мной.

Я тут же открыл глаза: дерзкая девчонка улыбалась мне сквозь решетку. Я засмеялся и толкнул дверь, но защелка была снаружи.

- Эффи!

- Тебе страшно, правда? - спросила она.

- Эффи, выпусти меня!

- Ты взаперти и не можешь вырваться на волю? Вот так я чувствую себя с Генри. Он не хочет, чтобы я была живая. Он хочет, чтобы я была тихая и холодная, как труп. Ты не знаешь, каково это, Моз. Он заставляет меня принимать опий, чтобы я была смирной и послушной, но внутри мне хочется кричать, кусаться, бегать по дому голой, как дикарка!

Ее страсть и ненависть - вы не представляете, как будоражили они мой измученный вкус. Но меня терзало беспокойство: не слишком ли горяча она для меня? На миг я подумал, не отказаться ли от всей этой затеи, но искушение было слишком велико. Рыча как тигр, я стал покусывать ее пальцы через решетку. Она громко рассмеялась - словно птица вскрикнула на болотах.

- Ты не предашь меня, Моз. - Это было утверждение. Я покачал головой. - Если предашь, я приведу тебя сюда и закопаю здесь навечно. - Она лишь отчасти шутила. Я поцеловал ее пальцы. - Обещаю.

В сумерках я услышал, как она подняла защелку и вошла ко мне в склеп. Ее плащ упал на пол, за ним коричневое фланелевое платье. В сорочке она казалась призраком, ее прикосновение жгло, как горящая сера. Неопытность свою она с лихвой компенсировала пылом. Говорю вам, я почти испугался. Она царапалась, кусалась, набрасывалась на меня, пожирала меня своей страстью, и в темноте я не мог понять, кричит она от муки или удовольствия. На мою осторожную нежность она отвечала неистовой свирепостью. Все было жестоко и быстро - как убийство. А потом она плакала, но, мне кажется, вовсе не от горя.

В ней была тайна, приводившая меня в священный трепет, подобного мне не доводилось испытать ни с одной женщиной. Непостижимо, но она словно очистила меня.

Я знаю, что вы думаете.

Думаете, я влюбился в девчонку. Нет, не влюбился. Но в тот вечер - заметьте, только в тот вечер, - я пережил то, что глубже краткой страсти, изведанной мною с другими женщинами. Казалось, наша встреча что-то раскрыла внутри меня. Я не был влюблен в нее, однако, вернувшись в тот вечер домой, не мог уснуть. Весь в ушибах и царапинах, точно после битвы, я всю ночь просидел у огня, думая об Эффи, потягивая вино, глядя в огонь, будто в ее глаза. Но сколько бы я ни пил, я не мог погасить жажду, разбуженную во мне ее обжигающим прикосновением, и целый бордель шлюх не утолил бы мое желание.

11

Мне повезло, что Генри не было дома. Я вернулась в начале восьмого, а он обычно приходил из студии к ужину. Входя через заднюю дверь, я услышала, как Тэбби напевает в кухне, и поняла, что мистера Честера еще нет. Я прокралась наверх, к себе в комнату, чтобы переодеться, и решила сменить мятое фланелевое платье на белое хлопковое с голубым поясом - я из него почти выросла, но это любимое платье мужа. Торопливо одеваясь, я думала, заметит ли Генри разницу, ясно читавшуюся на моем лице, - разорванную пелену, так долго скрывавшую меня от мира живых. Я сидела перед зеркалом, унимая дрожь, пока не убедилась, что следы прикосновений моего любовника - следы, алеющие на каждом дюйме моего тела, - существовали только в моем воображении.

Я посмотрела на “Маленькую нищенку”, висящую на стене, и не сдержала смеха. Со мной едва не случилась истерика, дыхание перехватило, когда я взглянула в тусклые незрячие глаза ребенка, который никогда не был мной. Я никогда не была девочкой-нищенкой Генри, нет - даже до того, как выросла из детства. Портрет настоящей меня спрятан на дне корзинки с рукоделием. Лицо с алой печатью. Спящая красавица, ныне разбуженная и отмеченная новым проклятием. Ни Генри, ни кто другой больше не смогут меня усыпить.

Раздался стук, я вскочила на ноги и обернулась: в дверях стоял Генри, лицо непроницаемо. Я невольно вздрогнула от мрачного предчувствия и, чтобы скрыть смятение, принялась расчесывать волосы, тщательно, не торопясь. Тише, тише, засыпай… как русалка из стихотворения.[18] Прикасаясь к волосам, я осмелела, будто задержавшаяся в них частица силы и уверенности моего возлюбленного передалась мне. Генри прошел в комнату и заговорил, против обыкновения, дружелюбно:

- Эффи, дорогая моя, ты сегодня очень хорошо выглядишь, просто отлично. Ты принимала лекарство?

Я кивнула, не доверяя собственному голосу. Генри одобрительно кивнул в ответ.

- Я определенно вижу улучшение. Щечки румяные. Превосходно! - Он

собственнически погладил меня по лицу, и мне стоило чудовищных усилий не отпрянуть в омерзении - после жгучих прикосновений любовника мысль о холодных ласках Генри была невыносима.

- Должно быть, ужин почти готов? - спросила я, разделяя волосы на пряди и заплетая их.

- Да, Тэбби приготовила пирог с дичью и тушеный пастернак. - Он нахмурился, увидев мое отражение в зеркале. - Не закалывай волосы, - сказал он. - Оставь так, заплети лентой, как раньше. - Он взял голубую ленту с туалетного столика, аккуратно вплел ее в волосы и завязал большим бантом сзади. - Вот она, моя девочка, - улыбнулся он. - Встань.

Я встряхнула юбками и глянула на отражение в зеркале, все еще так похожее на неподвижное отражение в раме, на “Маленькую нищенку”.

- Безупречно, - сказал Генри.

И хотя стоял май, а в камине горел огонь, меня пробил озноб.

За ужином самообладание постепенно возвращалось ко мне. Я съела почти целый кусок пирога, немного овощей и маленькую порцию рейнского крема на десерт и только затем с фальшивой бодростью заявила, что не смогу больше проглотить ни крошки. Генри пребывал в благостном расположении духа. Он в одиночку разделался с бутылкой вина, хотя обычно пил немного, затем последовали два бокала портвейна с сигарой - он не то чтобы опьянел, но явно был навеселе.

Необъяснимая тревога терзала меня: я бы предпочла его равнодушие вместо этих знаков внимания, что он оказывал мне. Он налил мне вина, которое я не хотела пить, расточал комплименты по поводу моего наряда и прически, поцеловал мои пальцы, когда мы встали из-за стола, и, раскуривая сигару, попросил сыграть на фортепьяно и спеть ему.

Я не слишком хорошо играю - знаю три-четыре отрывка и столько же песен, но в тот вечер Генри был очарован моим репертуаром и заставил три раза спеть “Приходи ко мне в беседку”. Лишь когда я пожаловалась на усталость, он позволил мне присесть. Он вдруг стал очень заботлив - я должна была положить ноги к нему на колени и сидеть с закрытыми глазами, вдыхая соль с лавандой. Я утверждала, что вполне здорова, просто

немного устала, но Генри ничего не хотел слышать, и тогда, утомленная его вниманием, я сказала, что у меня разболелась голова, и попросила разрешения отправиться в постель.

- Бедная малышка, конечно же, иди, - ответил Генри с тем же добродушием. - Прими лекарство, и Тэбби принесет тебе горячего молока.

Я была рада уйти, несмотря на горячее молоко, и, зная, что иначе не засну, выпила несколько капель опиумной настойки из ненавистной бутылочки. Сняв белое платье, я переоделась в кружевную ночную рубашку. Когда я расчесывала перед сном волосы, раздался стук в дверь.

- Входи, Тэбби, - произнесла я, не оборачиваясь, но, услышав тяжелую поступь, столь отличную от быстрых легких шагов Тэбби, резко оглянулась и второй раз за вечер увидела Генри, стоящего на пороге, - в руках поднос со стаканом молока и печеньем.

- Это для моей дорогой девочки, - шутливо сказал он, но я успела заметить что-то хитрое, виноватое в его взгляде, и кровь застыла в жилах. - Нет-нет, - сказал он, когда я шагнула к кровати. - Побудь со мной. Сядь ко мне на колени и пей молоко, как раньше. - Он замолчал, и за его широкой улыбкой вновь промелькнула эта вороватость.

- Я замерзну, - возмутилась я. - И я не хочу никакого молока, у меня так болит голова.

- Не капризничай, - посоветовал он. - Я разожгу огонь, ты примешь немного опия с молоком, и совсем скоро тебе станет лучше. - Он потянулся за пузырьком на камине.

- Нет! Я уже пила, - сказала я, но Генри не обратил внимания на мой протест. Он отмерил три капли настойки в молоко и протянул мне стакан.

- Генри…

- Не смей так меня называть! - Шутливый тон на мгновение исчез, поднос со стаканом и печеньем дрогнул, и молока плеснуло через край. Генри заметил, но промолчал. Губы его сжались: он ненавидел любое расточительство и грязь, но голос его был по-прежнему спокоен. - Неуклюжая девчонка! Ну, хватит, не заставляй меня сердиться. Будь

паинькой, выпей молоко и посиди у меня на коленях. Я попыталась улыбнуться:

- Да, мистер Честер.

Он не разжимал губ, пока я не выпила все молоко, и лишь тогда расслабился. Он небрежно опустил поднос на пол и обнял меня. Я постаралась не напрягаться, чувствуя тошнотворную тяжесть молока в желудке. Голова кружилась, сотни следов объятий Моза - точно пылающие уста, вопящие в гневе и ярости от того, что этот человек осмеливается трогать меня руками. Тело мое наконец подтвердило то, что разум боялся признать: я ненавидела мужчину, за которого вышла и которому принадлежала по закону и долгу. Я его ненавидела.

- Не волнуйся, - прошептал он, водя пальцами по моему позвоночнику сквозь ткань сорочки. - Вот так, хорошая девочка. Сладенькая Эффи.

Торопливо, дрожащими руками, он расстегивал пуговицы моей сорочки. Волна отвращения накрыла меня, и я безвольно отдалась его прикосновениям, ни на секунду не прекращая молиться дикому языческому богу, которого Моз разбудил во мне, о том, чтобы это поскорее закончилось, чтобы он ушел, чтобы я могла провалиться в опиумный колодец и забыть о его тошнотворных виноватых объятиях.

Я очнулась, словно от глубокого обморока, увидела, что дневной свет пробивается сквозь шторы, и неловко выбралась из кровати, чтобы открыть окно. Воздух был свеж и влажен, я протянула руки к солнцу и почувствовала, как силы возвращаются в мои дрожащие члены. Я тщательно вымыла все тело и, переодевшись в чистое белье и серое фланелевое платье, нашла в себе смелость спуститься к завтраку. Еще не было и половины седьмого, а Генри встает поздно, значит, за столом его не будет, думала я, и я смогу собраться с мыслями после того, что произошло вчера вечером, - нельзя, чтобы Генри понял, что творится в моей душе и какую власть он имеет надо мной.

Тэбби приготовила яйца с беконом, но я не смогла проглотить ни кусочка. Лишь выпила горячего шоколада, чтобы ублажить Тэбби - иначе она сказала бы Генри, что мне нездоровится. Я потягивала шоколад и

ждала у окна, листая стихи и наблюдая, как встает солнце. Генри явился в восемь, одетый в черное, словно собирался в церковь. Он прошел мимо меня без единого слова, уселся за стол, щедро положил себе бекона, яиц, тостов и почек и развернул “Морнинг Пост”. Он завтракал в тишине, изредка нарушаемой шорохом газеты. Почти не притронувшись к еде, он встал, педантично сложил газету и поднял на меня глаза.

- Доброе утро, - спокойно сказала я, переворачивая страницу.

Вместо ответа Генри лишь сжал губы - он всегда так делал, если злился или если кто-то ему возражал. С чего ему злиться, я не знала, однако ему были свойственны частые перемены настроения, и я уже давно перестала пытаться их понять. Он шагнул ко мне, взглянул на книгу, которую я читала, и нахмурился.

- Любовная лирика! - желчно произнес он. - Я ожидал, что вам, мадам, учитывая образование, которое я позаботился вам дать, хватит здравого смысла, уж сколько там его отмерил вам Бог, не тратить время на подобную чепуху!

Я торопливо закрыла книгу, но было уже поздно.

- Разве я не даю вам все, что вы хотите? Разве вам чего-то не хватает: платьев, юбок, чепчиков? Разве я не оставался с вами, когда вы болели, не мирился с вашими капризами, истериками и мигренями?.. - Резкий голос становился все пронзительней, острый, как струнная проволока.

Я осторожно кивнула.

- Любовная лирика! - горько сказал Генри. - Значит, все женщины одинаковы? Неужто ни одна не избежала проклятия всего женского рода? “Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел”.[19] Разве я такой плохой учитель? Почему ученица, которую я считал неподвластной слабостям своего пола, тратит время на причудливые фантазии? Дай это мне!

Взяв книгу, он мстительно бросил ее в огонь.

- Конечно, - язвительно добавил он. - Ваша мать - модистка, она привыкла потакать слабостям высшего света. Должно быть, никто не

позаботился наставить вас. Хорошенький священник был ваш отец, если позволял вам забивать голову подобными нелепостями. Должно быть, он считал этот опасный вздор романтичным.

Я знаю, нужно было молчать, избежать ссоры, но омерзение предыдущей ночи еще жило во мне, и при виде Шелли, Шекспира и Теннисона, охваченных языками пламени, я не сдержала гнева.

- Мой отец был хорошим человеком, - яростно заявила я. - Иногда мне кажется, что он рядом, наблюдает. Наблюдает за нами. - Я заметила, что Генри напрягся. - Интересно, что он думает, - тихо продолжила я. - Интересно, что он видит. Лицо Генри будто сжалось в кулак, и я взорвалась:

- Как смеешь ты жечь мои книги! Как смеешь ты читать мне нравоучения и обращаться со мной как с ребенком! Как ты можешь, ведь ночью… - Я прервалась, стиснув зубы, чтобы не закричать во весь голос о своей тайной ненависти.

- Ночью… - Он понизил голос.

Я вызывающе вздернула подбородок: - Да!

Он знал, что я имела в виду.

- Я не святой, Эффи, - глухо сказал он. - Я знаю, что слаб, как и все мужчины. Но это ты - ты подталкиваешь меня. Я стараюсь сохранить в тебе чистоту. Господи боже мой, как я стараюсь. Прошлой ночью все это было из-за тебя: я видел, как ты смотрела на меня, причесываясь, я видел розы на твоих щеках. Ты решила соблазнить меня, и я сдался, ибо я слаб. Но я все равно люблю тебя и потому стараюсь, чтобы ты оставалась чиста и невинна, как в тот день, когда я встретил тебя в парке. - Он повернулся ко мне и схватил за руки. - Ты казалась ангельским ребенком. Но уже тогда я догадался, что ты послана искушать меня. Я знаю, ты не виновата, Эффи, это твоя природа - Бог создал женщин слабыми и испорченными, полными вероломства. Но ради меня ты должна бороться с этим, отринуть грех и впустить Господа в свое сердце. О, как я люблю тебя, Эффи! Не сопротивляйся чистоте моей любви. Прими ее и мою власть, словно от любящего отца. Доверяй моему глубокому знанию мира и уважай меня, как уважала бы своего бедного покойного отца. Хорошо?

Сжимая мои руки, он смотрел мне в глаза с такой искренностью, и такова была власть многих лет послушания, что я смиренно кивнула.

- Вот и умница. А теперь ты должна попросить у меня прощения за грех гневливости, Эффи.

Мгновение я колебалась, пытаясь вернуть бунтарский дух, бесстыдство, уверенность, которую ощутила с Мозом на кладбище. Но все ушло вместе со вспышкой неповиновения, я чувствовала себя слабой, и слезы легко защипали глаза.

- Простите. Простите, что нагрубила вам, мистер Честер, - бормотала я, а слезы текли по щекам.

- Хорошая девочка, - торжествующе сказал он. - Что, еще плачешь? Ну хватит. Видишь, я был прав насчет этих стишков - от них ты грустишь и капризничаешь. Теперь вытри глаза, и я попрошу Тэбби принести лекарство.

Полчаса спустя Генри ушел, а я лежала в постели - глаза мои были сухими, но душу заволокло безразличное отчаяние. Глядя на пузырек с опием на столике у кровати, я на мгновение подумала о величайшем грехе против Духа Святого. Если бы не Моз, если бы не любовь и ненависть в моем сердце, я могла бы здесь и сейчас совершить страшнейшее из убийств. Жизнь растянулась передо мной, словно отражение в ярмарочной зеркальной комнате, я увидела свое лицо в юности, в зрелом возрасте, в старости - унылые трофеи, украшающие стены в доме Генри, в то время как он все больше отнимал меня у меня самой. Мне хотелось содрать с себя кожу, освободить создание, которым я была, когда танцевала обнаженной в лучах света… Если бы не Моз, я бы это сделала, и с радостью.

12

Я зашел в свой клуб “Дерево какао” для позднего завтрака - не мог есть, когда Эффи таращилась на меня своими темными ранеными глазами, словно я в чем-то виноват! Она понятия не имела, чем я ради нее

пожертвовал, понятия не имела о мучениях, которые я выносил ради нее. Впрочем, ей было все равно. Ее интересовали только чертовы книжки. Прищурившись, я старался сосредоточиться на “Таймс”, но строки сливались, и я не мог читать - перед глазами стояло ее лицо, губы, гримаса ужаса, исказившая черты, когда я ее поцеловал…

Будь прокляты ее игры! Слишком поздно притворяться непорочной, я видел ее лживую сущность насквозь. Лишь ради нее я ходил в тот дом на Крук-стрит - ради нее. Чтобы оградить ее запятнанную чистоту. Мужчина может бывать в таких местах и не должен угрызаться - в конце концов, это все равно что ходить в клуб, в закрытый мужской клуб. У меня были инстинкты, черт бы ее побрал, как у любого мужчины; лучше уж удовлетворять их с какой-нибудь шлюхой с Хеймаркета, чем с моей маленькой девочкой. Но вчера ночью в ней было что-то особое, что-то необычное - чувственная, разгоряченная, возбужденная… розовеющие щеки, кожа и волосы пахнут травой и кедром… Она хотела соблазнить меня. Я знал это.

Просто нелепо, что я должен чувствовать себя нечистым. Нелепо, что она пытается обвинять меня. Я медленно пил кофе, наслаждаясь запахом дорогой кожи и сигар в теплом воздухе, под приглушенные голоса - мужские голоса. В то утро меня тошнило от одной мысли о женщинах. Я был рад, что сжег ее глупую книжку. Позже переберу книжные полки и найду остальные.

- Мистер Честер?

Я вскочил, и кофе пролился на блюдце в руке. Человек, обратившийся ко мне, был строен и светловолос, с пронзительными серыми глазами за круглыми очками.

- Прошу прощения, что побеспокоил вас, - с улыбкой произнес он. - На днях я был на вашей выставке и весьма впечатлен. - Он говорил быстро и отчетливо, сверкая белоснежными зубами. - Доктор Рассел, - подсказал он. - Фрэнсис Рассел, автор “Теории и практики гипноза” и “Исследования истерии”.

Имя действительно было мне знакомо. Лицо, впрочем, тоже. Должно быть, видел на выставке.

- Не хотите ли присоединиться ко мне и выпить чего-нибудь покрепче? - предложил Рассел.

Я отодвинул полупустую кофейную чашку.

- Обычно я не пью спиртного, - сказал я. - Но чашка горячего кофе пришлась бы кстати. Я… немного устал.

Рассел кивнул.

- Бремя артистичной натуры, - сказал он. - Бессонница, головные боли, проблемы с пищеварением… Многие мои пациенты жалуются на подобные симптомы.

- Понимаю. - Я и правда понял. Человек просто-напросто предлагал свои услуги. Эта мысль почему-то успокаивала. А я уж было подумал, не скрывается ли за его нарочито дружеским обращением что-то зловещее. Злясь на себя за подобные мысли, я тепло ему улыбнулся. - И что же вы обычно рекомендуете в таких случаях? - спросил я.

Мы некоторое время поговорили. Рассел был интересным собеседником, хорошо разбирался в искусстве и литературе. Мы затронули тему наркотических веществ: их значение для искусства символистов, их применение для лечения взвинченных нервов. Я упомянул об Эффи, и он заверил меня, что настойка опия, особенно для молодой чувствительной женщины, - лучшее средство от депрессии. Весьма здравомыслящий молодой человек этот Фрэнсис Рассел. Проведя час в его обществе, я понял, что могу затронуть деликатный вопрос капризов Эффи. Конечно, я не стал рассказывать ему обо всем, а лишь намекнул, что у моей жены бывают странные фантазии и беспричинные недомогания. К моему удовлетворению, доктор поставил такой же диагноз, как и я. Неясное чувство вины - словно я каким-то образом был причастен к действиям Эффи вчера ночью - исчезало по мере того, как я узнавал, что такие переживания - не редкость. Рассел объяснил мне, что здесь уместен термин “эмпатия” и что мне не следует расстраиваться из-за своих естественных реакций.

Из “Дерева какао” мы вышли приятелями. Мы обменялись визитками и договорились снова встретиться, и в куда более радужном настроении я наконец отправился в студию на встречу с Мозесом Харпером, уверенный,

что в Расселе обрел союзника, орудие борьбы с вымышленными призраками своей вины. На моей стороне была наука.

13

Около месяца наши встречи проходили то на кладбище, то у меня дома. Эффи была человеком настроения: иногда взвинчена и напряжена, иногда весела и беззаботна, но главное - всегда разная. Это проявлялось и в том, как она любила меня, - казалось, я сплю с десятком женщин. Должно быть, этим она и удерживала меня так долго - мне крайне легко наскучить, знаете ли.

Она рассказывала мне, что во сне путешествует по всему миру, иногда описывала странные далекие места, в которых побывала, и плакала над их утраченной красотой. Еще она говорила, что может покидать свое тело и наблюдать за людьми, а они об этом даже не подозревают; она описывала свое физическое наслаждение при этом и уговаривала попробовать. Она верила, что если я научусь этому фокусу, мы сможем заниматься любовью вне тел и соединимся навсегда. Естественно, у меня ни разу не получилось, хоть я и пытался, прибегнув к опиуму и чувствуя себя круглым дураком, что поверил ей. Она же и впрямь в это верила, как верила всему, что я ей говорил. Своими рассказами я мог заставить ее дрожать, бледнеть, плакать, смеяться или вспыхивать от гнева, и получал от этого какое-то невинное удовольствие. Я рассказывал ей сказки о богах и привидениях, о ведьмах и вампирах, сказки из своего раннего детства, и поражался ее детскому голоду и даром растрачиваемым способностям учиться.

Как я уже говорил, это было новое переживание, и всякий раз она обезоруживала меня. Однако настоящий ее талант, как у всех женщин, заключался в способности чувствовать, и иногда я даже жалел Генри Честера, не способного оценить всю страсть, сокрытую в бедной маленькой Эффи.

Перемена произошла в тот день, когда я решил отвести ее на передвижную ярмарку, расположившуюся на Айлингтон-роуд. Все женщины любят ярмарки - там продают безделушки, там можно заглянуть

в Тоннель Любви, там гадалки предсказывают встречу с темноволосым красавцем, там много детей. Что же до меня, я слышал, там выставляют богатое собрание человеческих “экспонатов”, а против паноптикума я не могу устоять с самого детства. Они всегда меня очаровывали, эти бедные уродцы, игрушки невнимательного Бога. Очевидно, в Китае эти шоу приносят неплохой доход, а природа не поставляет достаточно “чудес”, и многодетные семьи продают младенцев на ярмарки, где их уродуют, а затем демонстрируют на потеху публике. Младенцев - обычно девочек, они как-то не в чести, - специально калечат, помещая в тесные клетки, где у них деформируются руки-ноги. Через несколько лет такого существования из них получаются комично атрофированные создания - гномы, которых так любят дети.

Я рассказал об этом Эффи по пути на ярмарку, а потом целых пятнадцать минут не мог ее успокоить. Как, всхлипывала она, о, как же они могут быть такими жестокими, такими бесчеловечными? Нарочно такое создавать! Можно ли представить себе, какую невероятную ненависть должно испытывать такое существо… Тут она разрыдалась, и кучер с упреком уставился на меня сквозь стекло. Я как мог убеждал ее, что на этой ярмарке искусственных уродцев нет, что все они на самом деле ошибки природы и хорошо зарабатывают своим ремеслом. Кроме того, там будут и другие развлечения: я куплю ей ленты у коробейника и, если она захочет, горячий имбирный пряник. Внутри же я кривился и обещал себе не рассказывать ей больше о Китае.

На ярмарке Эффи повеселела и заинтересовалась тем, что творится вокруг. Торговцы разноцветными побрякушками, старик-шарманщик с танцующей обезьяной в красном пальто, жонглеры и акробаты, пожиратель огня, девушки-цыганки, танцующие под дудки и бубны.

Она задержалась возле танцовщиц, пристально разглядывая девушку примерно ее возраста, смуглую, босую, с распущенными иссиня-черными цыганскими волосами и звенящими браслетам на лодыжках - красивых лодыжках, надо сказать. На ней было платье с золотым шитьем, алые юбки и множество ожерелий. Эффи была очарована.

- Моз, - прошептала она, когда девушка перестала танцевать. - По-моему, она - самая красивая женщина, какую я когда-либо видела.

- Не такая красивая, как ты, - попробовал возразить я, беря ее за руку.

Она нахмурилась и раздраженно покачала головой.

- Не говори глупостей, - заявила она. - Я же правда так думаю.

Женщины! Иногда им не угодишь. Я хотел идти дальше, начиналось шоу уродов, и зазывала расписывал чудесного Адольфа, Человека-Торса, - но Эффи все смотрела на цыганку. Она пошла к выцветшему голубому с золотом навесу на обочине, зазывала объявлял, что “Шехерезада, Принцесса Таинственного Востока” будет предсказывать судьбу при помощи “магических карт Таро и хрустального шара”. Я увидел, как загорелись глаза Эффи, и подчинился неизбежному. Через силу улыбнувшись, я сказал:

- Наверное, хочешь узнать свою судьбу?

Она кивнула, ее лицо оживилось в предвкушении.

- Как ты думаешь, она настоящая принцесса?

- Почти наверняка, - очень серьезно ответил я, и Эффи восторженно вздохнула. - Должно быть, ее прокляла злая ведьма, и теперь она должна жить в нищете, - продолжал я. - Она потеряла память и скрывает свои магические способности, притворяясь ярмарочной шарлатанкой. Но по ночам она превращается в серебряную лебедь и во сне летает туда, где никто, кроме нее, никогда не бывал.

- Да ты надо мной смеешься, - запротестовала она.

- Вовсе нет.

Но Эффи было не до того.

- А знаешь, мне никогда не гадали. Генри говорит, это все прикрытие для черной магии. Он говорит, что в Средние века за такое вешали и правильно делали.

- Ханжа твой Генри, - фыркнул я.

- Да мне все равно, что он говорит, - решительно заявила Эффи. - Подождешь меня здесь? Я ненадолго.

Лишь бы дама была довольна. Я уселся на пенек и стал ждать.

Верховная жрица[20]

14

В шатре было жарко; освещался он лишь небольшой красной лампой на столе. Цыганка сидела на табурете, тасуя колоду карт. Когда я вошла, цыганка улыбнулась и жестом пригласила меня присесть. Я на миг отпрянула - удивилась, что это не та женщина, которая танцевала. Эта была старше, голова повязана шарфом, черные глаза густо подведены. Я озадаченно уставилась на предмет, накрытый темной тканью, что лежал на столе. Поймав мой взгляд, немолодая “Шехерезада” указала на предмет сильной, все еще прекрасной рукой.

- Хрустальный шар, - объяснила она. Голос был ровный и приятный, но с акцентом. - Если не накрывать, он теряет силу. Снимите колоду, пожалуйста.

- Я… А где девушка, которая танцевала? - нерешительно спросила я. - Я думала, это она будет предсказывать судьбу.

- Моя дочь, - коротко сказала она. - Мы с ней вместе работаем. Пожалуйста, снимите карты.

Она протянула мне колоду, и я задержала ее в руках. Карты были тяжелые, на вид очень старые и лоснились не от грязи, но от бесчисленных почтительных прикосновений. Я вернула их неохотно - хотела рассмотреть поближе. Цыганка стала спиралью раскладывать карты по столу.

- Отшельник, - начала Шехерезада. - И десятка жезлов. Подавление. Этот

человек говорит о добродетели, но у него есть постыдный секрет. Семерка кубков - распущенность. И девятка мечей - жестокость и убийство. Теперь Влюбленные - но тут сверху валет монет. Он принесет тебе радость и горе, потому что в руках у него двойка кубков и Башня. А кто у нас на Колеснице? Верховная Жрица, она опирается на десятку мечей, что предрекает гибель, и туз кубков - большую удачу. Ты станешь доверять ей, и она спасет тебя, но чаша, которую она предложит, полна горечи. Ее колесницей правят валет и Шут, а под колесами - туз жезлов и Повешенный. В руках она несет Справедливость и двойку кубков, что предвещает Любовь, однако внутри кубков - Перемены и Смерть. - Она замолчала, словно забыв о моем присутствии, и тихо заговорила сама с собой по-цыгански.

- А дальше что-нибудь есть? - спросила я через некоторое время, увидев, что она глубоко задумалась.

Замявшись, Шехерезада кивнула. Она как-то странно посмотрела на меня, затем подошла, быстро поцеловала в лоб и сделала какой-то знак тремя пальцами левой руки.

- У тебя необычная, магическая судьба, та dordi, - сказала она. - Лучше сама посмотри. - Она аккуратно сняла покров с хрустального шара и пододвинула его ко мне.

На миг я перестала понимать, где нахожусь. Свет причудливо играл в хрустале, и мне казалось, будто я покинула тело и смотрю откуда-то сверху на знакомую сцену, персонажи которой будто сошли с карт Таро: девушка сидит за столом, цыганка смотрит на разложенные перед ней карты. Внезапно голова стала легкой-легкой, почти закружилась, меня разбирал беспричинный смех, но в тоже время я смутно тревожилась, словно боролась с утраченными воспоминаниями.

”Когда нам вновь сойтись втроем?”[21] - спросила я себя и безудержно расхохоталась, будто вспомнила отчаянно смешную шутку.

И вдруг меня захлестнуло отчаяние, столь же внезапное, как и веселье, слезы подступили к глазам, изображение в шаре расплывалось. Я испугалась, растерялась, но не могла вспомнить, что меня напугало, и, дрожа, смотрела на затуманенную поверхность шара.

Шехерезада вполголоса напевала что-то нежное:

Aux marches du palais…

Aux marches du palais…

’У a une si belle fille, Ionla…

’У a une si belle fille…[22]

Я старалась удержаться в теле, не упасть в хрустальный шар, но притяжение было слишком сильным. Я не чувствовала ни рук, ни ног, не видела ничего, кроме мутной поверхности, но вот туман начал рассеиваться. Шехерезада пела, то громче, то тише, протяжный мотив всего из трех нот. Ритм завораживал, и я ощутила, как легко покидаю тело, восприятие исказилось, все кружилось и вертелось. Подчиняясь звуку, я выплыла сквозь темноту из шатра и воздушным шариком стала подниматься в небо.

Издалека я слышала голос Шехерезады, она нежно приговаривала:

- Шш, шшш… все хорошо. Видишь шарики? Смотри на шарики.

Откуда она знает, о чем я думаю, смутно удивилась я, а потом с наивным детским восторгом вспомнила: она ведь Шехерезада, Принцесса таинственного Востока. Я хихикнула.

- Спи, маленькая, - шептала она. - Сегодня твой день рожденья, и будут шарики, я обещаю. Ты их видишь?

Они плавали вокруг меня, разноцветные, сверкающие на солнце. Я кивнула. Из дальнего далека я услышала свой сонный ответ.

Я видела шатер внизу, Моза на пеньке, слышала крики коробейников, расхваливающих свой товар: “Горячие имбирные пряники!”, “Ленты и банты!”, “Лакричные палочки!”. Аромат свежих пирогов смешивался с

запахом сахарной ваты и животных. Я бесцельно парила, как сказочный летучий корабль, и вдруг почувствовала, что меня мягко тянет к алому шатру. Над входом растянули транспарант с надписью “С ДНЕМ РОЖДЕНЬЯ, МАРТА!”, украшенный воздушными шарами, и мне показалось, что изнутри я слышу музыку, шарманку или, может, заводную игрушку. Я медленно спускалась.

Коснувшись земли, я обнаружила, что солнце скрылось. Стало холодно, яркий транспарант испарился, а на его месте висело маленькое потрепанное объявление, гласившее:

Галерея гротеска!

Удивительная коллекция восковых фигур убийц, монстров и ошибок природы

Ноги вели меня ко входу в шатер, веселье стремительно улетучивалось. Я замерзла, вялый, болезненный озноб прервал мои восторженные мечты о полете и бросил на землю, в темноту. На моих глазах полог шатра сам собой поднялся; я не в силах была побороть зловещего притяжения. Я чуяла душный смрад гнилой соломы, слишком долго не видевшей солнца, зловоние старой заплесневелой одежды и резкий запах воска. Я вошла и, когда глаза привыкли к темноте, увидела, что кроме меня там никого нет; вдоль стен шатра, который оказался куда просторнее, чем я думала, за деревянными ограждениями располагались экспонаты в натуральную величину. Я не могла понять, что же меня так напугало сначала. Фигуры были из воска, их члены скреплялись с помощью конского волоса и китового уса, а одежда была приклеена к телам. Вместо крови - красная краска, и даже виселица в известной сцене повешения никогда не использовалась для реальной казни. Но я вдруг поверила, что все это настоящее, что Берк и Хэйр[23] в углу ждут именно меня, жадно глазея из-под тонких восковых масок…

Я шагнула назад, коря себя за детский беспричинный ужас, и громко вскрикнула, наткнувшись на экспонат за спиной. Даже в этом бестелесном состоянии я вздрогнула, коснувшись деревянного заграждения, и резко обернулась. Экспозицию окружала ограда из досок и проволоки; на прибитой к дереву табличке я прочла:

ОТШЕЛЬНИК

Пожалуйста, не трогайте экспонаты

Я подошла ближе, щурясь от неровного света, и увидела, что это крохотная спаленка, как будто детская: узкая кровать, накрытая лоскутным одеялом, маленький табурет, прикроватная тумбочка, несколько цветных эстампов - у меня в детстве были такие же. На тумбочке стеклянная ваза с ноготками, а около кровати - множество завернутых подарков. У открытого окна на сквозняке колыхались воздушные шарики.

Но почему мне показалось, что там темно? Свет лился из окна на голые половицы - вечерний свет, озаряющий яркую комнатку теплым розовым сиянием. У кровати сидел мужчина, конечно же, чтобы пожелать спокойной ночи своей дочурке в ночной рубашке, сжимающей в руке плюшевую игрушку. На вид ей лет десять, длинные черные очень прямые волосы обрамляли ее серьезное заостренное личико. Лица мужчины не видно - он сидел спиной; но его коренастая фигура, квадратная челюсть и скованная поза казались смутно знакомыми. Я с любопытством придвинулась, озадаченная тем, что эту уютную домашнюю сцену показывают в Галерее гротеска.

Когда я сделала шаг, голова девочки дернулась в мою сторону, и я отпрыгнула, подавив крик. Девочка снова застыла, ее глаза остановились на мне и смотрели пристально - я с трудом верила, что это всего лишь кукла из воска и конского волоса. Неохотно я снова шагнула вперед, ругая себя за то, что испугалась какого-то механизма. В Лондонском музее восковых фигур были похожие устройства, приводимые в действие, когда кто-то наступал на пластину в полу: посетители проходили мимо, и экспонаты начинали двигаться. Я стала разглядывать пол в поисках секретной пластины.

Вот! Когда я встала на определенное место, она снова задвигалась, повернула голову в сторону мужчины плавным, мягким движением, которое едва ли могло быть механическим. Волосы упали ей на лицо, и она нервно откинула их назад, а другой рукой вцепилась в плотную хлопковую

ткань сорочки. Я вдруг поверила, что, несмотря на обманчивое название "экспонат", это живые актеры, разыгрывающие для меня какую-то жуткую шараду, и внезапно рассердилась на свою нервозность - но в то же время страшное чувство предопределенности овладело мной. Я знала, что сейчас увижу, словно это мои собственные воспоминания. Беспокойство росло; я коснулась проволоки, отделявшей меня от комнатки, и настойчиво позвала девочку: - Малышка!

Ребенок не отреагировал, но осторожно двинулся к кровати. Я позвала громче:

- Малышка! Иди сюда! - Я услышала, как в моем голосе зазвенела истерика, но ведь девочка могла быть механической куклой. Я попробовала позвать еще раз, а потом зашла за ограждение. Неожиданно закружилась голова; падая, я протянула руки к детской фигурке, словно моля о помощи…

Мне было десять лет, снова десять, и, как всегда по воскресеньям, я пришла повидаться с мамой. Я любила маму, и мне было жаль, что нельзя проводить с ней каждый день, но я знала, что это невозможно: маме нужно работать, и она не хотела, чтобы я мешала. Интересно, кем она работает? Мне нравился мамин дом, такой роскошный, и везде красивые вещи: индийские статуэтки слонов и египетские гардины, и персидские ковры, как в "Тысяче и одной ночи". Когда я вырасту, я, может быть, смогу переехать сюда и все время жить с мамой, а не с тетей Эммой - только тетя Эмма была вовсе не моей тетей, она была школьной учительницей, и она недолюбливала маму. Не то чтобы она что-то такое говорила, но я видела, с какой странной гримасой она обычно произносила "твоя бедная мать" - словно только что проглотила рыбий жир. Мама никогда не поила меня рыбьим жиром. Наоборот, она всегда разрешала мне обедать с ней, а не в детской с малышами, и на столе были пирожные и варенье, а иногда красное вино, разбавленное водой.

Порой красивые девушки, которые жили вместе с мамой, приходили вниз и разговаривали со мной. Мне это нравилось, они были такие добрые, угощали меня имбирными пряниками и конфетами, а еще они носили самые красивые в мире платья и украшения. Тетя Эмма не должна была знать об этом; много лет назад, когда я была совсем маленькой, я о чем-то проговорилась, и она ужасно рассердилась и сказала: "У этой женщины,

видно, совсем нет стыда, раз она позволяет ребенку бывать в таком месте и общаться с этими потерянными созданиями!" Я попыталась сказать, что они вовсе не потеряны, у них каждый день много гостей, но она была очень зла и не слушала, поэтому теперь я вообще ничего не рассказываю. Так безопасней.

Но сегодня мама сказала, что мне нужно пораньше лечь спать: она ждала гостей. Я не против. Иногда я делаю вид, что иду спать, а потом, когда мама думает, что я в постели, прокрадываюсь вниз и смотрю на красивых леди и гостей сквозь перила. Я веду себя очень тихо, и никто меня никогда не замечает. Ну, почти никогда. До сегодняшнего вечера.

Вообще он был очень добрый, тот джентльмен - пообещал, что не расскажет маме. Он даже и не знал, что у мамы есть дочка, и, кажется, удивился, но был очень добр. Он сказал, что мне очень идет эта ночная рубашка и если я буду хорошей девочкой, он придет уложить меня в постель и расскажет сказку.

Но теперь я не так уверена. У него странный вид, и он так пристально смотрит на меня - зря я пригласила его сюда. Он меня пугает. Я спросила: "Ты расскажешь мне сказку?", но он, кажется, не слушает. Он просто смотрит на меня очень странно. Мне вдруг захотелось, чтобы здесь была мама. Но если я позову ее, она узнает, что я выходила из комнаты… Он подходит ко мне, протягивая руки - может, он просто поцелует меня на ночь и уйдет?

"Что мать, что дочь", - шепчет он, притягивая меня к себе, но я не понимаю, что он имеет в виду. Он странно пахнет - чем-то соленым, как река после дождя, и у него очень холодные губы. Я пытаюсь оттолкнуть его, я не понимаю почему, но мне страшно, когда он целует меня - так мужчины целуют взрослых теть.

Я говорю "нет!", но он лишь смеется и говорит "иди сюда" и еще что-то, чего я не понимаю. Он такой сильный, что я не могу шевельнуть руками, чтобы оттолкнуть его. Я бы его укусила, но я знаю, что он мамин гость, а мне так хочется, чтобы мама любила меня и позвала жить с ней. Я не хочу быть маленькой. Но я едва могу дышать. Я пытаюсь сказать: "Хватит, вы меня слишком сильно держите", но слова не идут. Он вдруг толкает меня на кровать. Он такой тяжелый, я боюсь, что он меня раздавит. Он начинает

стаскивать с меня ночную рубашку. Теперь мне удается чуть вскрикнуть, но он зажимает мне рот рукой. Я начинаю сопротивляться - пусть маленькая, неважно, мне все равно, что мама узнает, мне все равно, что тетя Эмма… Получилось впиться зубами в его руку, я кусаю изо всех сил. Вкус ужасный - пот и одеколон, но он ругается и отпускает меня. Я набираю воздуха и кричу:

- Мама!

Он снова чертыхается и больно бьет меня по лицу. Я снова кричу, и он хватает меня за шею. Он все время ругается, говорит: “Сука сука заткнись сука заткнись заткнись…” Мое лицо прижато к подушке, и я не могу дышать. Голова моя надулась как шарик. Кажется, она готова лопнуть, и я не могу кричать, не могу дышать, едва могу двинуться, потому что он на мне, и я не могу дышать, не могу дышать. Кажется, он отодвигается куда-то, далеко-далеко, и я едва чувствую подушку во рту, едва ощущаю запах крахмала и лаванды от плотного белья. Вдалеке раздается мамин голос. Она зовет меня:

- Марта?

Потом - ничего.

15

Я начинал терять терпение. Она сидит там целую вечность, можно было десять раз судьбу предсказать! А когда она наконец выйдет, платить чертовой цыганке придется мне. К тому же я порядком замерз, сидя на одном месте. Я встал и вошел в шатер.

На миг я растерялся - палатка казалась пещерой, на стенах плясали отражения факелов, я словно оказался в пирамиде какого-нибудь мертвого фараона. Потом глаза привыкли, и я понял, что это все равно просто маленькая палатка, захламленная обычными пожитками ярмарочных шарлатанов, а солнечный свет, льющийся внутрь, играет на обильной позолоте и стекле, вот и все. Эффи даже не вздрогнула, когда я отбросил

полог, она сидела спиной ко мне, безвольно свесив голову набок. “Шехерезады” и след простыл.

Заподозрив недоброе, я одним прыжком подскочил к Эффи. Я выкрикивал ее имя, тряс ее за плечи, но она обмякла, как тряпичная кукла, а глаза были открыты и пусты. Чертыхнувшись, я поднял ее со стула и вынес на солнце. Перед шатром на мои крики уже собралась небольшая толпа зевак. Не обращая внимания на их болтовню, я положил Эффи на траву и, убедившись, что у нее нет никаких видимых повреждений, высыпал содержимое ее сумочки в поисках нюхательной соли. Какая-то женщина сзади закричала - наверное, решила, стерва, что я граблю леди, потерявшую сознание, - и я грубо рявкнул на нее, отчего другая женщина охнула и потянулась за собственной бутылочкой с солью. Назойливый тип с армейскими усами потребовал объяснений, бледный юнец предложил бренди, которого у него не оказалось, а женщина с крашеными волосами попыталась привлечь к себе внимание, неубедительно изобразив обморок. Да уж, настоящий водевиль. Кто-то отправился за констеблем, и я раздумывал, не пришло ли время Мозу откланяться, но тут Эффи с ужасом уставилась на меня и пронзительно, безумно завопила в необъяснимом ужасе. Тут появился констебль.

Его приветствовали невообразимым гамом: женщину ограбили; вот этот человек напал на бедную даму средь бела дня; у нее был припадок; какое-то животное сбежало из шоу диких зверей и напугало дам - это следует запретить… Глаза констебля оживились, и он полез в карман за блокнотом.

С моей помощью Эффи села и теперь растерянно терла глаза.

- Все в порядке, - заорал я, стараясь перекричать галдеж. - Я… муж этой леди. Она потеряла сознание от жары.

Но я видел, что общественное мнение настроено против меня, и, предчувствуя необходимость долгих и малоприятных объяснений в полицейском участке, снова подумал, не следует ли мне просто исчезнуть сейчас, пока еще позволяют время и неразбериха. А Эффи - с ней все будет в порядке. В конце концов, она в какой-то мере сама виновата - не завизжи она так по-идиотски, я бы вполне сумел все уладить. А она из меня сделала прямо насильника. К тому же следовало подумать о Генри. Я уже почти решился, но тут заметил рядом женскую фигуру, и сквозь гул толпы

зазвенел знакомый чистый голос:

- Марта, дорогая моя, с тобой все в порядке? Я же просила тебя не переутомляться. Вот результат! - Я заметил блеск прищуренных ярких глаз и услышал ее настойчивый шепот: - Тихо ты, идиот! Ты что, мало натворил? - Я машинально подвинулся, и она заняла мое место рядом с Эффи, протягивая ей флакон с нюхательной солью и щебеча.

- Фанни! - беспомощно сказал я.

- Заткнись! - прошипела она.

- Ну, Марта, милая моя, ты можешь встать? Давай я тебе помогу. Вот так, держись за маму. Хорошо. Вот так, моя хорошая. - Все еще поддерживая смущенную Эффи за талию, Фанни повернулась к констеблю. Бедняга вконец растерялся. - Офицер, - резко сказала она. - Не могли бы мы попросить вас исполнить свой долг и разогнать это… это стадо, пока они еще больше не взволновали мою дочь?

Полицейский растерялся. Я видел, как он пытается сохранить остатки самоуверенности. Он по-прежнему смотрел на нас с подозрением, но Фанни явно подавила его своей личностью.

- Ну? - нетерпеливо сказала Фанни. - Неужели мы должны терпеть домогательства этих вульгарных зевак? Разве моя дочь - экспонат, чтобы ее разглядывать? - Она повернулась к толпе в роскошной праведной ярости. - Проваливайте! - скомандовала она. - Давайте, шевелитесь. Шевелитесь, я сказала!

Народ нехотя расходился, и лишь тип с усами стоял на своем.

- Я требую объяснить… - начал он. Фанни уперла руки в бока и шагнула вперед:

- Ну вот что…

Фанни сделала еще шаг. Их лица почти соприкоснулись. Она что-то очень тихо прошептала.

Усатый джентльмен подпрыгнул как ужаленный и заторопился прочь,

изредка оглядываясь на Фанни в почти суеверном страхе. Затем она снова подошла к нам, блистая беззаботной улыбкой.

- Вот так, офицер, - сказала она. - Так это делается. - Констебль топтался в нерешительности, и она продолжила: - Моя дочь очень чувствительна, офицер, ее может расстроить любая мелочь. Я предупреждала зятя, что не нужно водить ее на ярмарку, но он все делает наоборот. И поскольку он абсолютно не понимает, как обращаться с юной леди в интересном положении…

- А? - сказал констебль.

- Да. Моя дочь ждет ребенка, - сладко пропела Фанни.

Констебль покраснел и нацарапал какую-то бессмыслицу в блокноте. Стараясь не потерять лицо, он повернулся к Эффи:

- Весьма сожалею, мэм, - сказал он. - Я просто выполняю свой долг. Ведь вы - дочь этой леди?

Эффи кивнула.

- И супруга этого джентльмена?

- Разумеется.

- Не могли бы вы сообщить мне ваше имя, мадам? Эффи слегка вздрогнула. Я заметил, но констебль, кажется, нет - она моментально взяла себя в руки.

- Марта, - сказала она и повторила увереннее: - Марта. - И, с улыбкой повернувшись к Фанни, Эффи обняла ее за талию и внезапно рассмеялась, не понять почему.

Фанни Миллер много лет была частью моей жизни, и я уважал ее как ни одну другую женщину. На десять лет старше меня, она обладала особой тяжеловесной красотой, острым как бритва умом и была снедаема мужским честолюбием. Как и я, она перепробовала себя в различных

амплуа. Ее мать из деревенской девочки стала хеймаркетской потаскушкой и определила Фанни в эту древнейшую из профессий, едва той исполнилось тринадцать. Четыре года спустя мать умерла, и Фанни жила сама по себе, зубами и когтями сражаясь с миром, в который ее бросили. Она страстно хотела преуспеть и в последующие годы научилась читать, писать, чистить карманы, вскрывать замки, драться с помощью бритвенного лезвия или собственных кулаков, готовить лекарства и яды, говорить как леди - хотя она так и не смогла избавиться от корнуоллской картавости, полученной в наследство от матери, - и пить как мужчина. Помимо всего прочего, она научилась презирать мужчин, выведывать и использовать их слабости и вскоре сумела продвинуться от торговли собой до торговли другими.

Фанни заработала свой капитал десятком способов, как честных, так и не слишком: она пела в оперетте, предсказывала судьбу на бродячей ярмарке, продавала поддельные средства от ревматизма, шантажировала, воровала, мошенничала. Я познакомился с ней, когда у нее уже было собственное заведение и около дюжины девушек под началом. Красотки все без исключения - но ни одна не могла соперничать с Фанни, высокой, почти с меня ростом, с сильными округлыми руками, широкими плечами и колышущимися формами, свободными от корсетов и поясов. У нее были яркие кошачьи глаза цвета янтаря и копна медных волос, которые она собирала в сложный узел на затылке. Но Фанни не продавалась - ни за какую цену. Я, как дурак, настаивал - у каждой женщины есть своя цена и свой предел, по крайней мере, я так думал, - и она нанесла удар, с кошачьей грацией метнула в меня опасную бритву с рукоятью из слоновой кости, нарочно промахнувшись на полдюйма. Это было так быстро - я даже не заметил, как она достала бритву из кармана, - но я до сих пор помню, как она смотрела на меня, захлопывая чертову штуковину и пряча ее в юбки со словами: “Ты мне нравишься, Моз. Правда нравишься. Но если ты снова забудешься, я с тебя шкуру спущу. Понятно?” И ни малейшей дрожи в голосе, никакого учащенного сердцебиения.

Иногда я думаю, что если у Фанни Миллер когда-то и было сердце, она, должно быть, сбросила его по пути вместе с прочим бесполезным хламом. К тому времени, как мы познакомились, она, несомненно, уже была насквозь стальная. Я ни разу не видел, чтобы она колебалась. Никогда. А теперь она вернулась, мой личный демон, все такая же, лишь несколько седых прядей появилось в роскошных волосах, и взяла в свои руки мою

маленькую проблему.

Я был не слишком доволен, хотя Фанни, без сомнения, спасла меня от определенных неприятностей - наверное, я просто не люблю быть в долгу перед женщиной. К тому же я уже вел собственную игру с Эффи, и меня беспокоило, что Фанни будет об этом знать. Она из тех, кто любую ситуацию обращает к своей выгоде, и мне не понравилось, что Эффи почти инстинктивно цеплялась за нее, будто она и впрямь дочь. В любом случае, я молчал, пока мы наконец не ушли из парка и не оказались на Айлингтон-роуд, где я мог бы взять кэб и исчезнуть, пока не пришлось пускаться в утомительные объяснения. Я взглянул на Фанни, которая по-прежнему вела Эффи под руку, и стал осторожно подыскивать свою роль.

- Давненько не виделись, Фанни, - лениво сказал я. - Как поживаешь?

- День да ночь, сутки прочь, - с улыбкой ответила она.

- А как твое предприятие?

- Предприятие, скажем так, процветает. - Опять насмешливая улыбка, будто Фанни от меня что-то скрывала. - Она улыбнулась Эффи, их лица были неприлично близко. - Простите, мисс, если я вас там напугала, - бодро сказала она. - Но я видела, что вам не нужна суматоха, и подумала, вы вряд ли захотите, чтобы вас узнали. - Хитрый взгляд на меня искоса. Я беспокойно поежился. Что ей известно? В какую игру она играет?

- Наш ангел-хранитель, - прокомментировал я, стараясь говорить весело. - Эффи, это Эпифания Миллер. Фанни, это Эффи Честер.

- Знаю. Я знакома с вашим мужем, - сказала Фанни. Я напрягся, но Эффи не отреагировала.

- А, вы натурщица, - сказала она. Она все еще таращилась на Фанни с каким-то глупым упорством - впервые она вывела меня из себя. Я уже хотел съязвить, но она внезапно проснулась. - Почему вы меня так назвали?

- Как, моя дорогая? - спокойно спросила Фанни.

- Марта.

- Ах, это. Просто первое имя, которое пришло мне в голову.

Провалиться мне, если я знал, что она замышляет. Я не понимал, зачем она пытается подружиться с Эффи, которая так непохожа на нее, как только одна женщина может быть непохожа на другую, и тем более - зачем ей приглашать нас к себе. Но она пригласила, и, несмотря на мои мрачные гримасы, Эффи согласилась. Я был вне себя. Я знал, где живет Фанни, у нее был дом в Мэйда-Вейл, рядом с каналом, в нем располагались ее собственные комнаты и жилища примерно дюжины девушек, находившихся под ее покровительством, - не то место, где следовало бы показываться с Эффи, если я не хотел испортить с трудом налаженные отношения с Генри.

- Ну в самом деле, Эффи, по-моему, нам следует отвести тебя домой, как считаешь? - прямо спросил я.

- Глупости! - ответила Фанни. - Еще только три часа. Полно времени, успеем выпить чашку чая и перекусить.

- Я правда не думаю…

- Я бы хотела пойти, - с вызовом перебила Эффи. - Если Моз хочет уйти, пусть. Я скоро вернусь домой.

Черт бы побрал ее дерзость!

- Я не могу позволить тебе одной болтаться по Лондону!

- А я и не буду одна. Я буду с мисс Миллер.

Черт бы побрал мисс Миллер! Я видел, что Фанни наслаждается этой сценой, и был вынужден придержать язык и последовать за ними. С Эффи я разберусь потом. Я еще заставлю ее заплатить.

Моз был недоволен, что мы встретили Фанни. Он неохотно плелся сзади и хмурил брови, а его нетерпеливые жесты ясно давали понять: он хочет, чтобы мы с ним поскорее ушли. И я понимала, почему: несмотря на вдохновенное представление на ярмарке, Фанни вскоре забыла про благородный тон, и, хотя одежда ее была превосходного качества, кричащее платье из темно-красного бархата, шляпа с пером в тон, нитка жемчужин неправильных форм на длинной шее - все недвусмысленно намекало на то, что она авантюристка. Я знала, что Генри думает о женщинах, которые одеваются, ходят и говорят, как она, - и от этого она становилась еще притягательнее.

А Фанни была притягательна - меня с первого взгляда потянуло к ней. Едва увидев ее, я почувствовала, что у нее есть какой-то секрет, некое важное послание, о котором ее тело кричало моему, и, шагая рядом с ней, я не сомневалась, что и она разглядела нечто подобное во мне.

Фанни жила на Крук-стрит, недалеко от канала, на пересечении четырех переулков, которые расходились от ее дома подобно лучам звезды. В той части города было несколько старых домов в георгианском стиле, когда-то красивых и нарядных, а теперь тщетно пытавшихся скрыть нищету: одни были заброшены и скалились разбитыми окнами, в которых болтались обрывки древних штор, свежевыкрашенные безупречные фасады других казались театральными декорациями.

Дом Фанни был больше остальных, построенный из того же закопченного лондонского камня, но довольно чистый. Окна завешены плотными яркими шторами, на каждом подоконнике по горшку с геранью. В этом квартале дом лез в глаза своей сельской провинциальностью. На зеленой двери красовался блестящий медный молоточек, а на ступенях сидела огромная полосатая рыжая кошка. Мы подошли, и она мяукнула.

- Входи, Алекто, - сказала Фанни, открывая дверь, и кошка бесшумно скользнула в холл. - Прошу… - Фанни поманила меня за собой, и мы трое - Фанни, Моз и я - вошли в дом. Меня тут же окутал запах, что-то похожее на сандаловое дерево и корицу, и древесный дым, - казалось, его источали мебель и стены. Еще там были цветы, большущие вазы с цветами - малиновые, лиловые, золотые, они стояли на подставках в каждом углу. По стенам висели яркие гобелены, роскошные ковры устилали паркетный пол.

Казалось, я, как по волшебству, перенеслась в пещеру Аладдина, и в этой обстановке Фанни, отколовшая шляпу, снявшая перчатки и распустившая волосы, предстала невероятной красавицей, гигантской мифической Шехерезадой. Ни в облике ее, ни в манерах не осталось и малейшего намека на Хеймаркет - здесь она дома. Фанни провела нас по коридору, мимо широченной лестницы, в уютную гостиную, где уже горел огонь. Перед камином, точно Сфинксы, лежали еще две кошки.

Упав в одно из огромных мягких кресел, я моментально выскользнула из тела, увидела себя, чужую в этой теплой и чувственной обстановке, мертвенно-бледную, как из гроба, и чуть не закричала.

Когда мир снова сгустился, я, будто сквозь кривое стекло, увидела склонившееся надо мной лицо Моза, и отпрянула в необъяснимом отвращении, а комната вращалась вокруг меня, как хрустальный шар, и его глаза безжалостно смотрели в мои глаза.

- Милая девочка, у тебя больной вид. Выпей это. - Я прижалась к Фанни с отчаянной благодарностью, а она протянула мне напиток в медном кубке. Он был теплый и сладкий, как винный пунш, с отчетливым ароматом ванили и гвоздики.

Я попыталась улыбнуться.

- Спасибо, - произнесла я. - Я…

- Что это? - подозрительно спросил Моз.

- Мой собственный рецепт, - лениво ответила Фанни. - Всего лишь тонизирующее средство. Ты что, не доверяешь мне?

- Мне… намного лучше, - произнесла я, с удивлением понимая, что так оно и есть. - Я… прошу прощения, я…

- Чепуха! - возразила Фанни. - Никаких извинений в этом доме. Может, Генри и нравится эта глупая покорность, но я представить не могу ничего скучнее.

- О! - Я не знала, смеяться мне или обижаться на фанни за ее прямоту. И она назвала моего мужа по имени. Но в том, как она ответила мне, было

что-то правильное, и эта ее дружеская фамильярность, как ни странно, импонировала мне. Я неуверенно рассмеялась и залпом осушила кубок. Кошки, белая и полосато-коричневая, покинули теплое местечко у очага и подошли обнюхать мой подол. Я осторожно протянула руку и погладила их.

- Мегера и Тисифона, - представила их Фанни. - Кажется, ты им понравилась. Это большая честь, обычно они не очень ладят с незнакомыми людьми.

Я повторила имена.

- Мегера, Тисифона и Алекто.[24] Очень странные имена. Они что-нибудь значат?

- Мне нравятся древние мифы, - небрежно ответила Фанни.

- Можно… можно мне называть вас Фанни? - спросила я.

Она кивнула:

- Конечно. Не надо со мной церемонии разводить, - посоветовала она. - Я тебе в матери гожусь, хотя, конечно, почтенной дамой меня не назовешь. Выпей-ка еще. - Она вновь наполнила кубок и протянула мне. - Ну, а ты? - Она повернулась к Мозу. Тот, как упрямый ребенок, сидел на единственном в комнате стуле с прямой спинкой. - По-моему, тебе не помешает выпить.

- Нет.

- А мне кажется, стоит, - весело настаивала Фанни. - Может, хоть настроение поднимется.

Моз выдавил кислую улыбку и взял предложенный бокал.

- Спасибо.

- Кажется, ты не слишком рад меня видеть, - сказала Фанни. - Тебе, очевидно, нужно следить за своей репутацией. И все же, дорогой Моз, я бы никогда не подумала, что ты водишься с Генри Честером. Решил на

старости лет остепениться?

Моз беспокойно заерзал, а Фанни подмигнула мне и улыбнулась.

- Ну как я могла забыть, ты же у нас теперь благодетель мистера Честера, - добавила она. - Подумать только, ты подружился с Генри! Клянусь, ты станешь трезвенником еще до конца года.

Она резко повернулась ко мне.

- Дорогая, ты просто прелесть. - сказала она. - Как же ты запуталась! С одной стороны Генри Честер, с другой - Моз. Сцилла и Харибда. Будь осторожна: Моз - законченный негодяй, а Генри… ну, я надеюсь, Генри мы обе знаем. Мы можем стать подругами. Конечно, это их обоих взбесит - у мужчин такое странное представление о пристойности! Воображаю, как изумился бы Генри, если б узнал! Но Генри видит не дальше собственных холстов. Даже в твоих глазах, таких ясных и глубоких, он ничего не видит.

Голос у нее был веселый, а слова, как яркие рыбки на мелководье, рассыпались вокруг меня непонятными узорами. Полосатая кошка прыгнула мне на колени, и я с радостью отвлеклась и стала лениво перебирать ее шерсть. Я старалась сосредоточиться на том, что говорила Фанни, но у меня кружилась голова. Я сделала еще глоток, чтобы взбодриться, и сквозь туман нереальности, которым заволокло мир, увидела, что Моз весьма неприятно смотрит на меня. Я хотела что-нибудь сказать, но совсем не умела поддерживать светскую беседу и вместо какого-нибудь вежливого замечания выпалила первое, что пришло в голову:

- А это публичный дом? - На секунду я замерла, шокированная собственными словами, и покраснела с головы до пят. Я пролила напиток на платье и, чуть не расплакавшись, пролепетала: - Я… я… я…

Но Фанни смеялась. Низкий утробный хохот - так мог бы смеяться джинн из бутылки. Я видела, как она склоняется надо мной, и на миг все пропорции исказились: она была великаншей в шикарном бархатном платье, ужасной, приводящей в трепет, и когда она обняла меня, запах мускуса и специй, источаемый ее обильной плотью, ударил в ноздри. Я еще слышала ее смех, а к окружающему миру возвращалось равновесие, и истерика отступала.

- Дорогая моя, ты совершенно права, - хихикнув, сказала она. - Ты вносишь такую свежую струю! “А это публичный дом?” Моз, эта девочка - настоящее сокровище.

Я протестующе поерзала, все еще прижимаясь лицом к ее плечу.

- Ты дала ей слишком много пунша. Она к этому не привыкла. - Моз по-прежнему не одобрял происходящее, но я видела, что он невольно улыбается. Я тоже засмеялась, нервно, сквозь слезы.

И тут неожиданная мысль пронзила меня, и, под влиянием алкоголя в пунше и веселья неколебимой хозяйки дома, я ее озвучила:

- Но… вы сказали, что знаете моего мужа, - произнесла я. - Я… Вы ему позировали?

Фанни передернула плечами:

- Я не в его вкусе, милая. Но время от времени я нахожу тех, кто в его вкусе. И вообще-то не всегда для позирования.

- О… - Понадобилось время, чтобы я поняла сказанное. Генри неверен мне? После всех его пафосных речей и нравоучений? Генри тайно посещал дом Фанни? Я не знала, плакать мне или смеяться над этим чудовищным фарсом. По-моему, я засмеялась. Подумать только, все эти годы, что он был моим героем, моим Ланселотом, он крался в ее дом на Крук-стрит, как тать в ночи! Я смеялась, и смех мой был горек. Моз тоже удивился.

- Генри ходил сюда? - недоверчиво спросил он.

- Часто. И сейчас ходит. Каждый четверг, как часы.

- Ну, черт его побери! Никогда бы не подумал, что старый лицемер на такое способен. И он еще таскается в церковь по воскресеньям, дьявол, и ведь прикидывается святошей, да еще и мораль читает как ни в чем не бывало! Каких он любит, Фанни?

Фанни презрительно улыбнулась и хотела что-то сказать, но я ее перебила. Я вдруг поняла, что знаю ответ.

- Детей, - произнесла я бесцветным голосом. - Он любит детей. Он усаживает меня на колени и заставляет называть его “мистер Честер”. Он… - Тошнота подкатила к горлу, я замолчала и вдруг разрыдалась. Я впервые заговорила вслух о своей ненависти, стыде, отвращении. Припав к груди Фанни Миллер и заливая слезами ее бархатное платье, я необъяснимо чувствовала, что освобождаюсь.

Мы с Фанни проговорили довольно долго, и я узнала подробности истории. Она познакомилась с Генри - или с мистером Льюисом, как он представлялся прочим посетителям, - много лет назад, и с тех пор он регулярно к ней приходил. Иногда сидел в гостиной и пил пунш с другими гостями, но обычно избегал прочих членов ее “общества” и поднимался наверх с одной из девушек - всегда самой юной и наименее опытной. Он приходил по четвергам - предполагалось, что в этот день он бывает в клубе.

Я слушала этот рассказ об измене Генри спокойно и почти равнодушно. Я чувствовала, что весь мир мой рухнул, но инстинктивно скрывала это и беззаботно протягивала кубок, чтобы его вновь наполнили.

- Не пей ты больше! - раздраженно сказал Моз. - Уже поздно. Пора отвезти тебя домой.

Я покачала головой.

- Я бы хотела еще ненадолго остаться, - ответила я нарочито небрежно. - Генри вернется из студии толькс через несколько часов, и даже если я опоздаю, он никогда не догадается, где я была. - И я рассмеялась с горькой беспечностью. - Может быть, мне следует ему рассказать!

- Надеюсь, это была попытка сострить, - с опасным хладнокровием произнес Моз.

- Еще бы не надеялся. - Голос мой слегка дрогнул, и я добавила: - В твоих интересах сохранить расположение Генри. В конце концов, ты соблазняешь его жену, забыл? - Я старалась говорить легко и уверенно, как Фанни.

Презрение и злобу прочла я на его лице, но уже не могла остановиться.

- У тебя странные понятия о пристойности, - добавила я. - Вот что я тебе скажу: ты думаешь, человек может пойти на любое преступление, на предательство, главное - сохранить видимость приличия. Не думаю, что тебя волнует, страдаю ли я.

- Ты перевозбудилась, - холодно бросил он.

- Вовсе нет! - Я пронзительно рассмеялась. - Уверена, ты все знаешь о притворстве - ты ведь специалист.

- О чем ты?

Я вдруг засомневалась. В какой-то миг ярость переполнила меня, и я позволила ей вырваться… но теперь мне казалось, что эта злоба чужая, не моя - а того, кто гораздо сильнее и смелее… какого-то незнакомца.

Чего я хотела? Теперь это мнилось неясным остатком сна, исчезающим по мере того, как я просыпалась.

- Я… прости, Моз. Я не то хотела сказать. Пожалуйста, давай не будем так скоро уходить. - Но моя мольба не тронула Моза. Его голубые глаза превратились в узкие щелки, он резко отвернулся и ледяным тоном произнес:

- Ты знала, что я не хотел сюда идти. Я пришел ради тебя. Теперь уйди ради меня, или, клянусь Богом, я уйду один.

- Моз…

- Моз, дорогой мой, прояви хоть немного понимания, - насмешливо сказала Фанни. - Эффи весьма грубо привели в чувство, тебе не кажется? Или ты бы предпочел держать ее в блаженном неведении?

Моз посмотрел на нас с неприязнью.

- Я не позволю двум шлюхам мной командовать! - выплюнул он. - Эффи, я мирюсь с твоими слезами и вспышками раздражения. Сегодня меня чуть не арестовали из-за твоих истерик. Я люблю тебя так, как не любил ни одну женщину, но всему есть предел. Я не позволю плевать на себя, особенно под этой крышей. Ну, ты идешь домой?

Двум шлюхам. Слова камнем упали во мрак моих мыслей. Двум шлюхам… Он хотел взять меня за руку, но я оттолкнула его ладонь. Кошка злобно зашипела на него, спрыгнула с кресла и спряталась под комод.

- Не трогай меня!

- Эффи…

- Убирайся!

- Выслушай меня…

Я повернулась и пристально взглянула на него. Впервые я заметила напряженные складки вокруг рта, холодную пустоту в глазах.

- Убирайся, - сказала я. - Ты мне отвратителен. Я сама доберусь домой. Больше не хочу тебя видеть. Никогда.

На мгновение лицо его застыло, потом губы скривились.

- Ах ты маленькая дерзкая…

- Я сказала, убирайся!

- Ты за это заплатишь, - тихо и зло произнес он.

- Убирайся прочь!

Прошла неловкая минута, он стоял, не шелохнувшись, скрестив руки, словно защищаясь, и я чувствовала, что он боится, как будто ручная собачка вдруг научилась кусаться. Осознав его страх, я испытала такой восторг, что даже тошнота отступила, ликование переполняло мое тело, и чей-то жестокий голос внутри пел: “укуси, укуси, укуси, укуси, укуси…”. Передернув плечами, он развернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Я рухнула в кресло, и мой триумф утонул в отчаянных слезах.

Фанни позволила мне минутку поплакать, а потом ласково обняла за плечи:

- Ты его любишь, правда?

- Я…

- Ведь любишь?

- Кажется, да. Она кивнула.

- Лучше пойди за ним, моя милая, - сказала она. - Я знаю, что ты вернешься. Вот…

И она взяла полосатую кошку - та вернулась на свое место рядом со мной, как только Моз исчез за дверью, - и посадила ее мне на руки. - По-моему, ты понравилась Тисси. Возьми ее с собой, заботься о ней, и она станет тебе добрым другом. По твоим глазам видно, как ты одинока замужем за Генри Честером.

Я кивнула, крепко прижимая кошку к себе.

- Можно, я еще приду к вам?

- Конечно. Приходи, когда хочешь. До свиданья, Марта.

- Что вы сказали?

- Я сказала, до свиданья, моя милая.

- Мне послышалось, вы сказали…

- Шшш, - перебила она. - Теперь иди и помни мои слова. Береги себя.

Я заглянула в ее странные глаза, но увидела лишь отблески. По-прежнему улыбаясь, она взяла меня за локоть и мягко подтолкнула к выходу.

17

Сука. Сука! Обе они суки. Я возвращался домой, кипя от возмущения. Как она могла так несправедливо со мной обойтись! Я почти решился

прекратить всю затею, оставить ее для ее пуританина-мужа, и пусть оба катятся. Или, возможно, анонимное письмецо с интимными подробностями… это подольет масла в огонь. Я ее проучу. Но не только злоба терзала меня - я был в замешательстве. Дело ведь не только в мести, да? Не только. Дело в том, что я в ней ошибся, что Туз Жезлов выставил себя чистейшей воды Шутом - я недооценил мою маленькую Эффи, я глубоко заблуждался, думая, что она у меня в руках… А она бросила мне вызов прямо перед Фанни - именно перед Фанни!

Ну, раз она хочет Фанни, я устрою ей Фанни. Одно слово на ухо Генри, и он тут же с ней разведется. Что? Не верите? Несколько пикантных деталей - и один ее вид станет ему невыносим. Она останется без гроша, ей будет не к кому бежать - только не думайте, что мамаша примет ее назад после того безобразия, в которое она превратила устроенный матерью отличный брак. Пошло? Да. Ну и что? Значит, одна и без гроша, не к кому бежать - только к подружке Фанни. Всего через месяц она будет заманивать к Фанни гостей, как остальные девицы. И мне надо лишь… Ну, может быть, так и сделаю, когда устану от нее. Но пока я все еще хотел эту девчонку. Как ни крути, она была потрясающей, и к тому же не так уж плохо, что у нее обнаружился характер. Но Фанни! Вот что задевало.

О, она довольно быстро вернулась. Я знал, что ей не хватит духа долго мне противостоять, и не удивился, когда она выбежала из дома через пару минут после меня. Меня заботила не ее истеричная выходка, но то, как она и Фанни объединились против меня, почти инстинктивно, словно члены какого-то тайного женского общества. Мы возвращались на Кромвель-сквер в полном молчании, она осторожно поглядывала на меня из-под шляпки, а я смотрел вперед, погрузившись в горькие мысли. К тому времени, как мы добрались до Хайгейта, она украдкой зашмыгала носом - а мне сильно полегчало.

Не беда, думал я, Фанни ведь не всегда будет рядом и не сможет на нее влиять. Когда Эффи снова станет моей, я ее слегка припугну, она поплачет, и мы забудем этот инцидент. По крайней мере, на время.

Следующие день-два я изображал холодность. Я пропускал наши встречи на кладбище и проезжал мимо ее дома, возвращаясь из студии. В

конце недели Генри пригласил меня к ним на ужин. Я держался отстраненно, рассуждал об искусстве и политике и практически не замечал бедняжку Эфф. Она бледнела и время от времени метала в мою сторону беспокойные взгляды, но я не обращал внимания и весь вечер был чудовищно жизнерадостен, много пил, громко смеялся - но все же дал ей понять, что сердце мое разбито. Даже Кин[25] не смог бы сыграть эту роль виртуознее.

Отчего-то Эффи, казалось, раздражала Генри. В тех редких случаях, когда она осмеливалась вставить слово, он был нетерпим и язвителен, и лишь мое присутствие заставляло его сдерживаться. Уверен, если бы не я, он бы с ней непременно разругался. Я притворялся, что ничего не замечаю, и избегал ее взгляда.

За ужином Генри заявил, что женщину на портрете хочет писать с Эффи.

- Но, - сказал он, - мне нужна темноволосая натурщица. По-моему, у светловолосых моделей не достаточно текстуры для подобного холста. - Он помедлил. - Конечно, с Эффи можно было бы сделать основной эскиз - позу, лицо, - продолжил он. - А волосы я мог бы написать с другой натурщицы. - Казалось, он обдумывал эту мысль. - Осмелюсь сказать, это выход. Что думаете, Харпер?

Я кивнул, оценивающе рассматривая Эффи к ее явной неловкости.

- Я тут приметил ярмарку на Айлингтон-роуд, - невинно сказал я. - Вы без труда сможете найти там какую-нибудь цыганку с подходящими волосами. - Краем глаза я увидел, что Эффи вздрогнула при упоминании о ярмарке, и про себя ухмыльнулся.

- Я хочу как можно скорее приступить к женской фигуре, - продолжил Генри. - Сейчас еще прохладно, но когда начинается летняя жара, долгие часы работы в студии плохо сказываются на здоровье Эффи.

Эффи беспокойно заерзала, взяла вилку, потом снова положила ее, не притронувшись к еде.

- Я думала… - почти прошептала она.

- В чем дело? - Его нетерпение было просто-таки осязаемо. - Говори

громче, девочка.

- Я думала, ты сказал, мне больше не нужно ходить в студию. Мои головные боли…

- Я сказал, что тебе не нужно ходить, когда ты была больна. Сейчас ты не больна, и я не понимаю, почему я должен тратиться на натурщицу. Расходов и так хватает, а у меня есть ты.

Эффи неопределенно взмахнула рукой, словно отбрасывая это утверждение.

- А что до твоих головных болей - их легко можно вылечить опиумной настойкой. Вот что, Харпер, - сказал он, поворачиваясь ко мне и вновь принимая добродушный вид, - у меня в погребе есть чертовски хорошее бордо. Попробуйте, я должен узнать ваше мнение. - С этими словами он повернулся и оставил нас вдвоем. Едва дверь за ним закрылась, Эффи вскочила из-за стола. Она прижимала руки ко рту, в глазах стояли слезы. И я понял, что она снова всецело моя.

- Эффи, давай встретимся сегодня, - настойчиво зашептал я. - У ливанского кедра, в полночь.

Ее глаза расширились.

- Но, Моз…

- Если я тебе дорог, приходи, - зашипел я, прищурившись. - Если тебя не будет, я пойму, что не нужен тебе, - и поверь мне, я не умру.

В душе ухмыляясь, я фыркнул и отвел глаза, когда в комнату, словно по сигналу, вернулся Генри. Губы Эффи побелели, и она отвернулась, а я вдруг подумал, уж не больна ли она на самом деле. Но, перехватив ее взгляд, понял, что это лишь очередная игра. Поверьте мне, Эффи вовсе не невинная простушка, какой вы все ее считаете. Никто из вас не видит ее насквозь, ее темную скрытую сущность. В итоге Эффи всех оставила в дураках. Даже меня.

18

До встречи с Мозом я и не знала, сколь тусклой была моя жизнь. Теперь же я думала, что сойду с ума, если потеряю его. Воспоминание о причине ссоры в доме Фанни было столь смутным, что казалось, это произошло с какой-то другой девушкой, сильной, уверенной. Я напрасно ждала Моза в условленных местах, часами сидела у окна и смотрела на улицу - он не приходил. Даже поэзия в те дни не могла стать мне утешением. Я не находила себе места, вздрагивала, как кошка, и была не в состоянии заниматься чем-либо больше двух минут, а Генри кричал, что это мельтешение сводит его с ума.

Я принимала настойку опия, но вместо того, чтобы успокоить нервы, лекарство вводило меня в ступор: я хотела двинуться и не могла, хотела смотреть, обонять, говорить, но воспринимала мир сквозь пелену фантазий и грез наяву.

Тэбби готовила мне горячий шоколад и печенье, к которым я не притрагивалась. Я выходила из себя, просила оставить меня одну и тут же об этом жалела. Я обнимала ее и обещала выпить шоколад. Я просто устала, я не хотела ей грубить, она ведь понимает? От нее пахло камфарой и выпечкой, ее рука робко тянулась погладить меня по голове. Я представляла, что я снова на Кранбурн, а мама, Тэбби и тетя Мэй на кухне пекут печенье. Я цеплялась за ее рукав и дрожала от одиночества.

Генри был уверен, что я симулирую, чтобы не позировать. Он говорил, что мои головные боли - результат безделья; что я забросила вышивку; что уже неделю не показывалась в церкви в будние дни; что я своенравна и раздражительна, глупо блею в ответ на его вопросы и смехотворно неуклюжа с гостями. Тисси он тоже не одобрял, говорил, что это возмутительно, что я притащила в дом бродячую кошку без его разрешения, что это детская прихоть - позволять ей лежать на кровати ночью и у меня на коленях днем.

Словно желая доказать, что не собирается потакать мне из-за воображаемой болезни, Генри дважды за неделю пригласил гостей к ужину (а такое случалось крайне редко): сперва доктора по фамилии Рассел,

приятеля из клуба, худого человечка с умным лицом, который как-то странно разглядывал меня сквозь очки в проволочной оправе и рассуждал о маниях и фобиях; а затем Моза, с блестящими жестокими глазами, с улыбкой, ранившей как лезвие бритвы.

Когда Моз поставил мне этот ужасный ультиматум, нервы мои уже были на пределе, а одиночество стало нестерпимым. Я готова была сделать что угодно, лишь бы вернуть его - неважно, любил он меня или нет.

Вы наверняка считаете меня безвольным презренным существом. Да я и сама так думаю. Я прекрасно понимала, что меня наказывают за недолгий бунт в доме Фанни - если он хотел меня видеть, то легко мог сделать это днем, или хотя бы у себя дома. Он, без сомнения, полагал, что кладбище в полночь, тени, бродяги - прекрасные декорации для сцены нашего мучительного примирения. Догадываясь об этом, в глубине души я его почти ненавидела, но другая часть меня любила его и желала так страстно, что попроси он - я бы пошла в огонь.

Уйти из дома было несложно: Тэбби и Эм спали под самой крышей, в старой комнате для слуг, у Эдвина был свой домик на Хай-стрит, и он заканчивал работу с наступлением вечера, а Генри обычно ложился рано и спал как убитый. В половине двенадцатого я на цыпочках вышла из комнаты, прикрывая рукой огонек свечи. Я специально надела только темное фланелевое платье, без нижних юбок, чтобы не шуметь в коридоре. В полной тишине я спустилась по лестнице и пробралась в кухню. Ключи висели у двери, и, затаив дыхание, я взяла тяжелый ключ от дома, открыла замок и выскользнула в ночь.

Сидевшая на пороге Тисси, урча, потерлась о мои ноги. Секунду я раздумывала - уходить не хотелось, присутствие кошки странным образом успокаивало меня - и я уже собиралась завернуть ее в плащ и взять с собой, но затем, мысленно себя отругав, дрожа, натянула на голову капюшон и побежала.

По дороге к Хайгейтскому кладбищу мне почти никто не встретился - ребенок, бегущий из публичного дома с кувшином эля, да закутанная в рваную шаль нищенка, бесцельно бродившая от двери к двери. На углу я поравнялась с компанией мужчин, от них пахло элем, они громко разговаривали и цеплялись друг за друга, возвращаясь домой. Один из них

что-то крикнул мне, когда я пробегала мимо, но они не преследовали меня. Фонари стали попадаться все реже, я пыталась слиться с темнотой; минут через десять передо мной возник громадный силуэт кладбища, раскинувшегося под мерцающим лондонским небом, подобно спящему дракону. Было очень тихо, и, подходя к воротам, я почувствовала, как заколотилось сердце. Ночного сторожа видно не было, но я беспричинно медлила, застыв на месте и беспомощно глядя на ворота, и меня нездорово влекло туда, как в тот день на ярмарке, когда распахнулся полог красного шатра.

Эта мысль разбудила мимолетные воспоминания, и я представила, как тысячи мертвецов поднимаются при моем приближении и высовывают головы из окаменевшей земли, как заводные игрушки. Я стояла в этой непроглядной темноте и не могла отогнать видение, но мысль о том, что Моз ждет меня всего лишь в паре сотен ярдов, придала мне мужества. Моз не боялся ни мертвых, ни даже живых и просто обожал истории о всяких сверхъестественных ужасах. Он рассказал мне о женщине, которую похоронили заживо, а потом нашли задохнувшейся: окоченевшими руками она цеплялась за пустоту, лицо ее было всего в нескольких дюймах от поверхности, и она стерла пальцы до костей, стараясь выкопать ход наружу. А в год эпидемии холеры умирало так много людей, что их приходилось хоронить в братских могилах, без надгробий, просто засыпая негашеной известью. Трупов было столько, что тепло, выделяемое при разложении, выталкивало их на поверхность, и однажды влюбленные, встречавшиеся на кладбище, обнаружили четыре головы, которые торчали из земли, как гигантские грибы, источая запах смерти. Моз знал, как ненавижу я такие истории. Мне кажется, потому он их и рассказывал, - чтобы посмеяться над моей слабостью. Я раньше и не думала, сколько жестокости в этом смехе.

Мрак царил кромешный; газовых фонарей на кладбище не было, бледная замерзшая луна бросала тусклый мертвенный свет на могильные плиты. Запах земли и темноты сбивал с ног; проходя мимо деревьев, я угадывала их по аромату: кедры, ракитник, ягодные тисы, рододендрон. То и дело я спотыкалась о камень или пень, и мои шаги пугали меня больше, чем густая угрожающая тишина. Вдруг я услышала шаги за спиной и спряталась за склеп, всем телом дрожа от биения собственного сердца. Шаги были тяжелые; стоя в густой тени, я вслушивалась в чужое дыхание - астматический хрип, словно из кузнечных мехов.

Я уже почти добралась до ливанского кедра; вперед по длинной аллее - и я в безопасности. Но, парализованная ужасом, я не могла пошевелиться. Разум взорвался дождем конфетти, я очутилась в бесконечной пустоте, невероятно далеко от света. Через несколько секунд способность мыслить вернулась, и мир постепенно вставал на место. Я упала на колени, заскользив пальцами по стене склепа, осязание предельно обострилось. Я беззвучно поползла. Шаги зазвучали ближе, и я снова застыла, напрягая глаза, тщетно пытаясь рассмотреть незваного гостя. Платье промокло и испачкалось, но мне было все равно. Я прижалась к земле и накинула капюшон, чтобы светлые волосы не выдали меня. Теперь шаги раздавались совсем рядом. Я задержала дыхание, чувствуя вкус вечности. Шаги остановились. Как Орфей, оглянувшись, я увидела мужской силуэт на фоне мрачного неба, чудовищно огромный и зловещий, и глаза его светились, будто зрачки самой ночи.

Луна[26]

19

Знаю, знаю. Я был намеренно жесток. И мне это нравилось - нравилось преследовать ее среди могил, нравилось, что ее охватывает паника, нравилось смотреть, как она пытается спрятаться, падает, поскальзывается; а какое удовольствие было наконец настигнуть ее, поднять с грязной дорожки, чтобы она прижалась ко мне, как ребенок, и ее растрепанные, мокрые от слез волосы облепили лицо. Теперь я мог позволить себе благородство - она снова была моей.

Успокаивая ее, я начинал понимать Генри Честера: моя власть над ней была эротична по самой своей сути, ее слезы - мощнейший афродизиак. Впервые за всю мою распутную жизнь женщина принадлежала мне целиком, душой и телом. Она так остро желала доставить удовольствие, жадно приникая губами к моему лицу в сладком раскаянии. Она обещала, что никогда больше не попытается перечить мне, и тут же клялась, что умрет, если я оставлю ее, и меня кружила карусель самых разных чувств. Я

снова по уши влюбился в нее. Стоило мне подумать, что я могу устать от нее, - она вернулась ко мне обновленной.

Она выдыхала безумные слова, уткнувшись мне в волосы:

- О, Моз… это раздирает мне тело и душу… ты мне нужен… я тебя никогда не отпущу, не позволю бросить меня… я скорее тебя убью…

С трудом переведя дыхание, она повернула ко мне бледное лицо. На миг свет далеких уличных фонарей отразился в нем, раскрыв ее черты в драматичной светотени: огромные глаза, темные и неподвижные, тени на губах как синяки, красивое лицо искажено гримасой такой разрушительной страсти, что мне стало не по себе. Она казалась мстительным темным ангелом, несущим безумие и смерть в протянутых руках. Она успела сбросить одежду, и ее кожа отливала мертвенной бледностью в неверном свете. Она сделала шаг вперед, мое имя прозвучало проклятием из ее уст - а потом оказалась в моих объятиях, и кожа ее пахла лавандой, землей и потом. Мы любили друг друга там же, где стояли, и она непрестанно бормотала свою сумасшедшую бессмыслицу. Впоследствии я осознал, что в черном апогее страсти умудрился дать обещание, которое, возможно, придется сдержать.

Эффи сидела на могильной плите, обхватив колени руками, как маленькая, и дрожала. Я потрогал лоб - у нее был жар. Я уговаривал ее скорее одеться, чтобы не простудиться. Она едва отвечала, лишь смотрела на меня пустыми скорбными глазами, и прежнее раздражение вернулось ко мне.

- Бога ради, ты что, не можешь помочь? - резко сказал я, пытаясь застегнуть на ней платье.

Эффи все так же смотрела на меня из темноты, словно утопленница из озера.

- Эффи, ну давай же, нельзя же просидеть здесь всю ночь, - сказал я чуть мягче. - Тебе нужно вернуться домой, пока Генри не заметил.

Но Эффи не двинулась. У нее был нездоровый вид, кожа бледная и горячая, как лава. Я не мог отпустить ее на Кромвель-сквер в таком состоянии, если не хотел предать эту скандальную связь огласке. Но и на

кладбище ее оставлять нельзя. Было холодно - я и сам уже дрожал, - а ее лихорадило. Кроме всего прочего, ей необходимо было переодеться - одежда вся в грязи, подол разорван. Оставался только один выход, и, раздумывая над ним, я ощутил злую усмешку где-то в животе. В этой идее была своеобразная поэтичность…

- Давай, моя дорогая, - бодро сказал я, поднимая Эффи на ноги. - Я отведу тебя к Фанни. Умоешься, она даст тебе чистую одежду, а потом вернешься домой, пока слуги не проснулись.

Не знаю, слышала ли она меня, но позволила провести себя по тропинке на улицу. Один раз она вздрогнула от какого-то шума за спиной и впилась острыми ногтями в мое запястье, но в основном послушно шла рядом. Я оставил ее у ворот и нашел экипаж. Когда я усаживал Эффи, возница удивленно приподнял брови, но гинея, вложенная в горячую ладонь, быстро положила конец его любопытству; в остальном же редкие прохожие даже не взглянули на нас. Тем лучше.

В доме на Крук-стрит, естественно, горел свет. Весьма хорошенькая рыжеволосая девица открыла дверь и пригласила нас войти. Эффи безропотно последовала за мной. Оставив ее с красоткой, я отправился искать Фанни.

Надо отдать должное Фанни, ее бордель всегда был на высоте: карточная комната, курительная, гостиная, где джентльмены могли отдохнуть в пышной обстановке и побеседовать с дамами. В этих апартаментах она никогда не дозволяла распутства - для такого существовали отдельные комнаты на втором этаже, - а всем, кто не соответствовал ее стандартам, вежливо отказывали от дома навсегда. Я знавал титулованных особ, куда менее разборчивых, чем Фанни Миллер.

Я нашел ее в курительной - ей всегда нравились такие тонкие черные сигары, - одета она была очаровательно и экстравагантно: лиловая шляпа с кистями и смокинг в тон. Две аметистовые заколки едва удерживали копну каштановых кудрей, блестевших на матовом бархате. Кошка у нее на коленях холодно уставилась на меня.

- А, Моз, - пропела она. - Что привело тебя сюда?

- Пустячная проблема, - беспечно ответил я, - и наш общий друг.

Простите, что помешал. - Последняя реплика была адресована собеседнику Фанни, пожилому джентльмену с дрожащими руками и хитрой физиономией.

Фанни перевела агатовые глаза с моих грязных ботинок на лицо и снова на ботинки.

- С вашего позволения, - сказала она своему пожилому другу. Оставив сигару в фарфоровой пепельнице и сняв шляпку и смокинг, она последовала за мной в коридор. - Ну, в чем дело? - спросила она куда менее любезно.

- Эффи здесь.

- Что? - Ее глаза сузились и запылали. - Где она? Я не понял ее внезапной ярости и стал вкратце объяснять, что случилось. Она сердито отмахнулась.

- Ради бога, тише! - прошипела она. - Где она?

Я сказал о девушке, с которой оставил Эффи, и Фанни, не взглянув на меня, заторопилась вверх по лестнице, гневно сжав красивые губы.

- Что-то не так? - крикнул я вслед, хватая ее за рукав бархатного платья. Она резко обернулась и хотела отбросить мою руку - но усилием воли сдержалась. Когда она заговорила, голос ее был ядовито спокоен.

- Генри тоже здесь, - произнесла она.

20

Комната казалась странно знакомой. Я плыла, дух мой клубился над телом, словно джинн в бутылочном горле, мне то ли чудились, то ли вспоминались кроватка с лоскутным одеялом, стол, табурет, картины на стене. Моз, Генри, безумие, овладевшее мною на кладбище, - все представлялось сном, в этой обманчивой темноте я и сама была сном во

сне. Я смутно помнила, как мы приехали в дом на Крук-стрит, как меня вели наверх… чьи-то заботливые руки; лица; имена. Девушка примерно моих лет, с блестящими медными волосами и изумрудами в ушах - Иззи. Полная добродушная женщина, округлые белые груди в глубоком вырезе корсажа - Виолетта. Китаяночка с гагатовыми волосами и нефритовыми кольцами на каждом пальце - Габриэль Чау.

Я помнила их имена, их голоса, помнила, как мягко смешивались запахи их напудренных тел, когда они раздевали меня и умывали теплой ароматной водой… потом все на время исчезло, и вот я уже умыта и удобно лежу в узкой белой постели, на мне хлопковая детская сорочка с оборками, волосы расчесаны и заплетены на ночь. Я немножко подремала, потом проснулась, зовя маму, - мне снова было десять, и я боялась темноты. Пришла Фанни с каким-то теплым сладким питьем; но в моей голове Фанни перепуталась с мамой, и я тихонько заплакала.

- Пусть он больше не приходит… - умоляла я. - Не пускай его, не пускай плохого дядю!

Я отчего-то боялась, что Генри придет и сделает мне больно, хотя он спал в своей кровати в милях отсюда, и в лихорадочном забытьи я прижималась к Фанни и называла ее мамой, и плакала. Должно быть, в питье был опий, потому что я снова заснула, а когда проснулась, голова звенела, во рту пересохло - и было страшно. Я резко села в постели: кто-то стоит за дверью. Скрипнула половица, в полоске света под дверью я увидела чью-то тень, услышала чье-то хриплое дыхание. Меня охватил неистовый, безумный ужас, я вжалась в спинку кровати, накрывшись целиком, но даже сквозь одеяло дыхание раздавалось у меня в голове, мне казалось, я слышу лязг металла о дерево - это хищник поворачивал дверную ручку. Не в силах отвести глаз, я смотрела, как полоса света становится все шире и шире и на пороге возникает массивный мужской силуэт.

Генри!

Я на миг засомневалась: может, это опиумная галлюцинации? Но все здравые мысли отбросило волной паники, и я снова перестала понимать, кто я. Я уже была не Эффи, но кто-то совсем юный, ребенок, дух…

- Кто здесь? - Голос у него был резкий, но не злой, он как будто нервничал. Я не ответила, и пронзительный голос повторил уже громче: - Кто здесь, я спрашиваю? Я тебя слышу. Кто ты?

Я беспомощно пошевелилась, и Генри шагнул вперед.

- Я тебя слышу, маленькая чертовка. Я тебя в темноте слышу. Кто ты?

Чужим голосом я произнесла первое пришедшее в голову имя:

- Марта… Марта Миллер. Пожалуйста, не трогайте меня, уходите.

Но, услышав имя, Генри шагнул вперед. Он стоял в трех футах и не видел меня - но я видела его лицо в свете, падающем с лестницы, видела, как он всматривается, как исказились его черты, будто в страхе.

- Покажись. - В его голосе была не просто настойчивость. - Выйди на свет, чтобы я тебя увидел.

Он попытался схватить меня, и я отпрянула, скользнув за столбик кровати, прячась в густой тени. Падая, я ушибла ногу и резко вскрикнула:

- Пожалуйста! Оставьте меня! Уходите!

Генри чертыхнулся вполголоса и сделал еще один шаг в темноте.

- Я тебя не обижу, обещаю. - Голосу него был неприятный, приторный. - Я просто хочу увидеть твое лицо. Проклятье! - Он выругался, налетев на тумбочку. - Черт возьми, иди сюда, я сказал!

И тут на лестнице послышались торопливые шаги. Я выглянула из-за столбика. Это была Фанни - в руке поднос с молоком и печеньем, бровь изогнута в ледяном изумлении. Генри моментально выскочил из комнаты. Увидев их рядом на лестничной площадке, я впервые обратила внимание, какая Фанни высокая. Она величественно возвышалась над Генри, как ослепительная египетская богиня. Он весь будто съежился, умиротворяюще протягивая руки.

- Кто там? - спросил он почти извиняющимся тоном.

Улыбка Фанни сверкнула холодом - будто стекло разбилось.

- Моя племянница Марта, - сказала она. - У нее жар, она бредит. А почему вы спрашиваете? - Это был вызов, но Генри спасовал и беспокойно отвел глаза.

- Я что-то услышал… - невнятно начал он. - И… я разволновался. А она не хочет показаться, непослушная девчонка. Я… - Он натянуто засмеялся. - Я и не знал, что у вас есть племянница. - В его словах звучал вопрос.

- Когда-нибудь вы ее увидите, - пообещала Фанни. Она вошла в комнату, поставила поднос на тумбочку и закрыла дверь. - Идемте, Генри, - твердо сказала она. Он, кажется, замялся, но потом я услышала, как их шаги удаляются по коридору к лестнице.

21

Уже почти рассвело, когда я вернулся на Кромвель-сквер. Я валился с ног, голову туманили алкоголь и тяжелые ароматы того дома, душная смесь ладана, дыма и грубого зловония кошек и женщин. В наказание я запретил себе брать извозчика на обратном пути, но от низменного удовлетворения не могла избавить и самая долгая прогулка. Она была совсем молоденькой - лет пятнадцати, но, конечно, не такая юная, как обещала Фанни, - и хорошенькой, с вьющимися каштановыми волосами и румяными щечками. Она не была девственницей, но роль свою знала назубок, изображала сопротивление и даже по-настоящему плакала для меня.

Не смотрите так на меня! Она всего лишь шлюха, ей платят за исполнение прихотей. Если бы ей это не нравилось, она бы выбрала профессию подостойнее. А так золотая гинея быстро высушила ее слезы, и уже через десять минут она как ни в чем не бывало поднималась наверх с другим клиентом. Нет смысла жалеть эти создания, уверяю вас: с самого рождения они порочны до мозга костей. По крайней мере, я мог утолить свою постыдную жажду с ними, а не с Эффи. Я делал то, что делал, ради нее. Верьте, когда я говорю, что сердце мое было верно ей. Она была моим

символом чистоты, моей спящей принцессой… Я знал, что в ней семена разврата, но должен был сделать так, чтобы они никогда не проросли. Моя любовь могла сохранить ее целомудрие, и, каких бы жертв это ни требовало, я готов был приносить их ради нее.

Да, случались и промахи. Иногда ее скрытая чувственность не позволяла мне справиться с минутной слабостью, но я прощал ей ее природу, хотя это и принижало ее в моих глазах, - так же, как простил свою мать за то, что спровоцировала мое первое непростительное падение.

Я прокрался мимо спальни Эффи к себе. Было темно, в свете свечи я едва различал очертания умывальника, кровати и платяного шкафа. Прикрыв дверь, я поставил свечу на камин. Я сбросил одежду, повернулся к кровати - и потрясенно задохнулся. В мерцающих тенях я увидел детское личико на своей подушке: жуткие зеленые глаза сверкали лютой ненавистью и жаждой мести.

Бред, конечно - не было никакого ребенка. Откуда ему взяться в моей постели глубокой ночью? Не было никакого ребенка. Чтобы убедиться, я заставил себя присмотреться. И снова этот яростный взгляд. Но на этот раз я заметил оскал острых как иглы зубов. Отпрянув, я схватил свечу. Язык пламени прочертил дымную полосу в воздухе, и я направил свечу на призрака, капая воском на простыни и обжигая пальцы. Тварь прыгнула на меня, с угрожающим шипением разинув пасть, - и со смесью злости и невероятного облегчения я узнал тощий коричневый силуэт. Кошка Эффи метнулась в темноту, исчезла за шторами и выпрыгнула в открытое окно.

Я взглянул на свое отражение в зеркальной дверце шкафа - лицо покрыто белыми пятнами, губы перекошены.

Я был зол на себя за то, что обычная кошка смогла напугать меня до полусмерти, но еще больше зол на Эффи, которая по какому-то нелепому капризу притащила в дом бродячее животное. Как там она ее назвала? Тисифона? Должно быть, какая-нибудь заморская чепуха из ее книжек - я знал, что еще не все их нашел. Я пообещал себе утром основательно обыскать ее комнату и выяснить, что она от меня прячет. А что касается кошки… я потряс головой, отгоняя видение лица на моей подушке, зеленые глаза, уставившиеся на меня с ярой ненавистью… Это просто кошка. Тем не менее я принял десять гранов хлорала, нового снотворного,

рекомендованного моим новым другом доктором Расселом, и только потом смог опустить голову на эту подушку.

22

Я помню касание ее прохладных сильных рук к моим волосам. Ее лицо в свете лампы, бледное, как луна. Шорох ее юбок. Ее духи, теплый золотистый аромат янтаря и шипра. Ее голос, тихий, спокойный, напевавший без слов в такт поглаживаниям. Тише, тише, засыпай… Генри - лишь дурной сон, растворившийся в океане света. Часы на камине тикали громче моего сердца, а оно было легким, как одуванчик, и мягкие пушинки отсчитывали минуты теплой летней ночи. Глаза закрыты, легкие сонные мысли летели в гостеприимную темноту сна. Голос Фанни такой нежный, мелодичный, каждое слово как ласка.

- Шшш… спи. Спи, малышка… Засыпай… шшш… - Ее волосы коснулись моего лица, я улыбнулась и забормотала. - Вот так. Шшш… Спи, моя милая, моя Марта, любовь моя.

Убаюканная в ее объятиях, я позволила течению тихонько нести меня прочь. Она гладила меня по голове, а я смотрела, как мимо, словно воздушные шарики, проплывают воспоминания. Моз… кладбище… выставка… Генри… Какими бы яркими они ни были, я могла отогнать их прочь, и вскоре увидела яркое облако шариков: нити переплелись, краски сияют в лучах заходящего солнца. Это было так красиво, что я, кажется, заговорила вслух тонким голоском маленькой девочки:

- Шарики, мамочка, они улетают. Куда они летят? Мои волосы заглушали ее голос.

- Далеко-далеко. Они летят в небо, прямо в облака… они все разноцветные, красные, желтые, синие… Видишь?

Я кивнула.

- Полетай с ними немножко. Сможешь? Я снова кивнула.

- Чувствуешь, как летишь вверх? Ты летишь вверх, с шариками. Вот так. Шшш…

Я поняла, что начинаю подниматься, без усилий, просто думая об этом. Я выплыла из тела, умиротворяющая картина все еще стояла перед закрытыми глазами.

- Ты уже раньше так летала, - мягко сказала Фанни. - Помнишь?

- Помню, - почти беззвучно произнесла я, но она услышала.

- На ярмарке, - настаивала Фанни.

- Да.

- Ты можешь опять там оказаться?

- Я… я не хочу. Я хочу лететь с шариками.

- Шшш, милая… все хорошо. Никто тебя не обидит. Мне просто нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты вернулась назад и рассказала мне, что ты видишь. Скажи мне его имя.

Я летела, и небо было такое голубое, что больно смотреть. Шарики поднимались над горизонтом. А подо мной, далеко внизу, виднелись ярмарочные шатры и навесы.

- Шатры… - пробормотала я.

- Спустись. Спустись к шатру и загляни внутрь.

- Н-нет… я…

- Все хорошо. Тебя никто не обидит. Спустись. Чтс ты видишь?

- Картины. Статуи. Нет, восковые фигуры.

- Ближе.

- Нет…

- Ближе!

Я вдруг снова оказалась там. Мне десять лет, я вжалась в стену своей спальни, Плохой Дядя приближается ко мне, и в глазах его вожделение и смерть.

Я закричала.

- Нет! Мама! Не разрешай ему! Не разрешай Плохому Дяде подходить! Не разрешай Плохому подходить!

Сквозь багровый туман и стук крови в висках я услышала ее голос, по-прежнему очень спокойный.

- Кто, Марта?

- Не-е-етт!

- Скажи мне, кто?

И я посмотрела ему в лицо. Бескрайний ужас, застывшая вечность… а потом я его узнала. Ужас исчез, и я проснулась, Фанни обнимала меня сильными руками, смятые бархат ее платья промок от моих слез.

Очень мягко она повторила:

- Скажи мне, кто. И я сказала ей.

Мама прижала меня к себе.

23

Наверное, в прошлом веке меня бы называли ведьмой. Ну, мне давали имена и похуже, иногда вполне заслуженно, но меня никогда не заботило людское мнение. Я могу сварить бульон, который снимет жар, или приготовить поссет,[27] от которого вы будете летать во сне, а иногда в зеркале я вижу то, что там не отражается. Я знаю, как бы это назвал Генри

Честер, - ну что ж, зато у меня есть определение для таких, как он, и в Священном Писании вы его не найдете.

Если бы не Генри Честер, в июле Марте исполнилось бы двадцать. Я женщина обеспеченная и оставила бы ей приличное наследство - ей бы не пришлось жить на улице. Я бы подыскала ей дом и мужа, если бы ей захотелось; я бы дала ей все, о чем бы она ни попросила. Но когда ей было десять, Генри Честер отнял ее у меня, и я ждала десять лет, чтобы отнять у него Эффи. Мне всегда было не до поэзии, но я вижу эту страшную симметрию - и для меня это достаточное возмездие. Холодное, несомненно, но от этого не менее жестокое.

Я была очень молода, когда родилась Марта, если у меня вообще была молодость. Возможно, у нее было тридцать отцов - какая разница? Она была моей… Она росла, а я старалась оградить ее от той жизни, которую вела сама. Я отправила ее в хорошую школу и дала ей образование, которого у меня никогда не было; я покупала ей одежду и игрушки и поселила ее в приличном доме, у школьной учительницы, дальней родственницы матери. Марта навещала меня так часто, как только я осмеливалась ее приглашать, - я не хотела, чтобы она общалась с людьми, приходившими в мой дом, и я никогда не пускала клиентов наверх, в крохотную мансарду, где устроила ей спальню. Я пригласила Марту к себе в день ее рождения и, хотя в тот вечер я ждала гостей, пообещала себе, что позже займусь только ею. Я поцеловала ее на ночь… и живой больше не видела.

В десять вечера я услышала, как она зовет меня, и побежала наверх, в ее комнату… но она уже была мертва, лежала, раскинувшись, на кровати, с ночной рубашкой на лице.

Я знала: убийца наверняка кто-то из клиентов, но полицейские только рассмеялись, когда я потребовала расследования. Я была проститутка, моя дочь - дочь проститутки. А клиенты - богатые, уважаемые люди. Мне повезло, что меня саму не арестовали. В итоге мою дочь похоронили под белой мраморной плитой на Хайгейтском кладбище, а ее убийце позволили забыть о ней на десять лет.

О, я пыталась вычислить его. Я знала, что он здесь, я улавливала вину, что скрывалась за респектабельной внешностью. Вы знаете, что такое

ненависть? Ненависть была моей едой и питьем. Ненависть шагала бок о бок со мной, когда во сне я настигала убийцу своей дочери и обагряла улицы Лондона его кровью.

Я ничего не изменила в комнате Марты - все оставила, как было: свежие цветы у кровати и все ее игрушки в корзине в углу. Каждую ночь я тайком пробиралась туда и звала ее - я знала, что она там, - и умоляла сказать мне имя, только лишь имя. Если бы она тогда назвала мне имя, я бы убила его без малейших угрызений совести. И отправилась бы на виселицу, сияя нимбом. Но за десять лет моя ненависть исхудала и проголодалась, как волк. Она стала умной и хитрой и смотрела на всех подозрительными янтарными глазами - на всех, но на одного человека в особенности.

Помните, я его знала - знала его алчные постыдные наклонности, его приступы ненависти к самому себе, его вину. Он всегда просил молоденьких девушек, не сформировавшихся, девственных. Не то чтоб таких было много, но я видела, как он смотрит на маленьких уличных попрошаек, и видела его картины. Старый лицемер, чья нездоровая страсть способна задушить женщину. Но он был не единственный, кого я подозревала, и я не могла знать наверняка. Я пыталась дотянуться до моей маленькой Марты: сначала с помощью свечей и зеркала, затем с помощью карт. Всегда одни и те же карты: Отшельник, Звезда, Верховная жрица, Валет монет, Перемены и Смерть. Всегда одни и те же карты в определенном порядке: всегда рядом с Отшельником выпадала девятка мечей и Смерть. Но был ли Генри Честер этим Отшельником?

Понимаете, он был умен. Если бы он убежал, я бы не сомневалась - но он сохранял спокойствие. Продолжал приходить, нечасто, может, раз в месяц; всегда вежлив, всегда щедр. Я пошла по другому следу: мужчины, которые внезапно перестали появляться после смерти Марты. Доктор, один из давних клиентов, предположил, что моя девочка умерла от некоего припадка - он сказал, эпилепсия. Я не поверила ни на минуту. Но боль и время подорвали мою убежденность, я усомнилась в чистоте своей ненависти. Может быть, это действительно был припадок, а может, незваный гость, соблазнившийся легкой добычей. Уму непостижимо, чтобы кто-то из мою клиентов мог это совершить и так долго оставаться неузнанным.

Жажда мести утихла. А потом я узнала, что Генри женился. По слухам,

на девочке, едва со школьной скамьи. Ей было всего семнадцать. Во мне снова проснулись подозрения - я никогда не была уверена в нем, никогда, - и моя ненависть обрушилась на них обоих, подобно рою ос. Разве имеют они право на счастье, когда Марта гниет в Хайгейте? У кого вообще есть такое право?

Как-то раз я пошла за ними в церковь, надеясь взглянуть на новобрачную, но она была вся закутана в черное, словно в трауре, и я разглядела лишь худенькое личико под шляпкой. У нее был нездоровый вид, и меня невольно потянуло к ней, я ощутила что-то вроде жалости. Она была так похожа на мою бедную погибшую Марту.

Не люблю священников - я пришла взглянуть на Честера и его жену, а не слушать проповедь, и потому первая заметила, что с ней случилось. В одну минуту она слушала, а в следующую - поплыла, голова склонилась, как у ребенка, читающего молитву. А я - я давно умею видеть то, что большинство из вас не видит и, возможно, никогда увидеть не сможет, и как только миссис Честер отключилась, поняла, что это не обычный обморок. Я увидела, как она выскользнула из тела, нагая, как новорожденный младенец, храни ее Бог, и, заметив удивление на ее лице, я поняла, что подобное произошло с нею впервые.

А еще она была красавица - ничего общего с бесплотными фигурами на картинах Генри Честера. Она была красива естественной красотой, как дерево или облако. Кроме меня никто ее не видел - и неудивительно, сплошь примерные прихожане. Никто не учил ее этому фокусу - она, без сомнений, постигла тайну сама, и я догадалась, что у нее есть и другие таланты, о которых она не подозревает. Именно тогда я подумала: может, ей известно что-то, что могло бы мне помочь… Я мысленно позвала ее, и она пристально посмотрела на меня. И тогда я поняла, что в ней - ответ на все мои вопросы. Нужно лишь привести ее к себе.

Ее звали Эффи. Я часто наблюдала за ней - а она и не догадывалась, - призывала ее к себе из комнатки Марты под самой крышей. Я видела, что она несчастна: сперва с Генри, потом с Мозом. Бедная одинокая маленькая девочка - я знала, она придет ко мне, это лишь вопрос времени, и я начала заботиться о ней как о собственной дочери. Я знала ее мысли, ее привычки… и, увидев ее на ярмарке, я поняла, что это мой шанс поговорить с ней наедине.

Гадалка с хрустальным шаром с радостью уступила мне свое место за гинею. Я сидела в тени, с вуалью на лице, и Эффи ничего не заподозрила. Она оказалась настолько чувствительной к моим мыслям, что ее даже не пришлось усыплять - она сама уснула… однако, лишь когда она заговорила со мной голосом дочери, я осознала, сколь уникальной, сколь бесценной для меня она может стать. Если она так отчетливо воспроизводит голос, на что же еще она способна? Голова шла кругом от представлявшихся возможностей: вновь увидеть мою девочку, прикоснуться к ней… а почему бы и нет? Поверьте, я не желала Эффи зла, но ее реакция на выход из транса поразила даже меня. Девочка была слишком ценной, я не могла ее потерять. Я не могла отпустить ее.

И действительно, прежде чем я копнула слишком глубоко, она назвала мне долгожданное имя. Генри Честер. Отшельник. Убийца моей дочери.

Я уже вышла из того возраста, когда хочется вопить от злости. Если и понадобится жертва - на сей раз это буду не я.

24

Это был несчастный случай, говорю вам. Я вовсе не собирался ее убивать. Я хотел рассказать вам, но прошло столько лет…

Ее мать всегда смущала меня - она была слишком основательной. Я чувствовал себя карликом рядом с ней, ее было слишком много, она завораживала меня и подавляла. В ней было что-то нечеловеческое, словно под ее розовой кожей не кровь и мышцы обыкновенной женщины, но некая странная смесь из черной земли и гранита - египетский идол с агатовыми глазами. От нее пахло испорченной сладостью, как от миллиона гниющих роз, - томительный сокровенный бальзам из потаенных уголков ее женского тела для моих постыдных сердечных страстей. И у такой женщины была дочь!

Она смотрела на меня сквозь перила. Глаза, зеленые, как трава, уставились из полутьмы лестничного проема, и когда я поднял голову, она тихонько хихикнула и вскочила на ноги, готовая исчезнуть наверху, стоит

мне двинуться. Она стояла, босая, а свет очерчивал ее тело сквозь ткань ночной рубашки. В ней не было ничего от пугающей основательности ее матери: ребенок, подброшенный эльфами, почти бестелесный, прямые черные волосы падают на худое треугольное личико… и все же я уловил сходство. Что-то в ее глазах, быть может, или в плавности, изяществе движений - так, наверное, золотоволосая Церера отразилась в бледной Персефоне. Я спросил, как ее зовут.

Она склонила голову набок, в глазах озорные искорки.

- Я не должна говорить. - Едва уловимый корнуоллский акцент: как и мать, она мягко растягивала слоги.

- Почему?

- Я не должна здесь быть. Я обещала.

Если бы не ее улыбка, не контуры ее тела против света, я мог бы поверить в ее невинность, но она стояла надо мной, словно пародируя Джульетту на балконе, и я знал, что, несмотря на возраст, она дитя своей матери, зачатое во грехе и взращенное терзать грешников, подобных мне. Казалось, я слышу ее аромат - тревожную, обманчивую смесь янтаря и болотной тины.

- Я обещала, - повторила она, отодвигаясь от перил. - Мне нужно идти.

- Подожди! - Слова вырвались сами. Я торопливо взбирался по ступеням, виски взмокли от пота. - Не уходи. Я никому не скажу. Смотри, - я порылся в карманах, - у меня есть шоколадка.

Поколебавшись, она протянула руку за лакомством, немедленно развернула и откусила. Развивая успех, я улыбнулся и положил руку ей на плечо.

- Пойдем, - ласково сказал я. - Я отведу тебя в комнату и расскажу тебе сказку.

Она торжественно кивнула и тихонько побежала по лестнице впереди меня, босые ноги мелькали в темноте, как белые мотыльки. Я не мог не пойти за ней.

Ее комната приютилась под самой крышей. Она запрыгнула на кровать, поджав ноги и натянув на себя одеяло. Она доела шоколадку, и я смотрел, как она облизывает пальцы, - зрелище столь мощное, что у меня чуть колени не подогнулись.

- Рассказывай сказку! - потребовала она.

- Позже.

- Почему не сейчас?

- Позже!

Ее аромат заполнял все вокруг. Она стряхнула его с волос, как цветочный дождь, и в самой сердцевине запаха я различил зловонную нотку - должно быть, собственную похоть.

Я больше не мог терпеть. Я шагнул вперед и схватил ее, зарылся в нее лицом, утонул в ней. Ноги подкосились, и я рухнул вместе с ней на кровать, отчаянно цепляясь за нее. На секунду она показалась чудовищно сильной, водоворот глаз затягивал в темноту, разинутый рот извергал беззвучные проклятия. Она сопротивлялась, брыкалась, черные волосы стаей летучих мышей облепили мое лицо, душили меня. В этот миг, чувствуя, как обвивается вокруг меня ее гибкое змеиное тело, как ее волосы забиваются мне в рот, вдыхая тошнотворный запах шоколада, я был уверен, что она убьет меня.

Кровь шумела в ушах, безумная паника охватила меня. Я закричал от страха и отвращения. Я был жертвой, она - гранитной богиней смерти, жаждущей моей крови. Собрав остатки разума, я схватил ее за горло, сжимая все крепче… маленькая ведьма дралась как дьявол, визжала и кусалась, но силы вдруг вернулись ко мне…

Тогда со мною был Бог. Если бы мне только хватило мужества уйти из этого дома и никогда не возвращаться, может быть, Он не отвернул бы от меня Свой лик… но даже с содроганием вспоминая ужасную битву, я испытывал какое-то демоническое возбуждение, торжество, как будто вместо того, чтобы подавить прилив похоти, я открылся для иного вожделения, которое никогда полностью не удовлетворить.

25

Я плохо помню, как вернулась на Кромвель-сквер; светало, через несколько часов должны были проснуться слуги, а Генри еще не возвращался. Я сумела войти в дом, самостоятельно разделась и скользнула в постель. Немного поспала, но чтобы справиться с дурными видениями, тревожившими мой сон, вынуждена была принять еще опия. Я уже не отличала вымысел от реальности; уж не приснилось ли мне все, что случилось на Крук-стрит, думала я… Правда ли я говорила с Генри? Правда ли Фанни приходила ко мне, когда я спала? Около шести утра я погрузилась в глубокий сон и проснулась два часа спустя, когда вошла Тэбби с горячим шоколадом. Голова раскалывалась, меня лихорадило, и, хоть я пыталась изобразить бодрость, Тэбби немедленно догадалась, что дело нечисто.

- Миссис Честер, вы неважно выглядите! - отметила она, раздвинув шторы и приблизившись к кровати. - Какая же вы бледная!

- Да нет, Тэбби, - запротестовала я. - Просто немного устала, но скоро я буду в порядке.

- Я скажу мистеру Честеру, что вам нездоровится, мэм, - твердо заявила Тэбби.

- Нет! - Я тут же понизила голос: ей вовсе ни к чему знать о моей панике. - Нет. В этом нет необходимости.

Она сомневалась.

- Может быть, капельку настойки, мэм? Я покачала головой.

- Пожалуйста, не надо. Просто немного болит голова. Но от этого превосходного шоколада мне станет лучше. - Я заставила себя пригубить обжигающий шоколад и ободряюще улыбнулась. - Спасибо, Тэбби, можешь идти.

Она неохотно покинула комнату, оглядываясь через плечо; ясное дело, нельзя рассчитывать, что она сохранит мою болезнь в тайне от Генри. И, естественно, через десять минут он возник на пороге со стаканом и пузырьком опия.

- Тэбби говорит, ты не хочешь принимать лекарство, - сказал он. Он кинул быстрый взгляд на Тисси, сидевшую на кровати, и недовольно скривился. - Я тебе уже говорил, мне не нравится, что эта кошка спит в твоей комнате. Не удивлюсь, если именно она является причиной твоей болезни.

- Мне кажется, - произнесла я, - что вы с Тэбби чересчур озабочены моим здоровьем! - Этот резкий ответ удивил меня саму не меньше, чем Генри, и я покраснела и смущенно пробормотала какие-то извинения. Я пыталась вспомнить, откуда взялась эта внезапная враждебность… а потом вспомнила свой сон - или это был не сон? - в котором я увидела… Это было на уровне подсознания, картинка мелькнула и исчезла, остались только ощущения: ненависть, отвращение, жажда мести… И все это словно чужое, и сила этих чувств потрясла меня тем больше, что я забыла, откуда они взялись. Дрожащим голосом я продолжила: - Я поправлюсь. Пожалуйста, не надо больше давать мне настойку.

Он взглянул на меня презрительно и начал отмерять капли в стакан.

- Делай, что я говорю, Эффи. Я сегодня не в настроении терпеть твои капризы. Давай-ка, пей лекарство, и в обед тоже прими, или я рассержусь.

- Но мне не нужно никакого лекарства. Просто разреши мне прогуляться на свежем воздухе…

- Эффи! - сказал он ледяным тоном. - Хватит пререкаться. Я знаю, что у тебя нервы не в порядке, но ты выводишь меня из терпения! Если бы ты была настоящей женой… - Он прервался на середине предложения. - Если ты и дальше будешь упрямиться, - продолжил он тише, - я умываю руки и передаю тебя Расселу. У него богатый опыт обращения с истеричками.

- Я не истеричка! - заспорила я. - Я… - Но, взглянув в его глаза, подчинилась и взяла питье, ненавидя его, но не в силах сопротивляться.

- Так-то лучше. - Взгляд у него был жесткий и какой-то ликующий. - И

помни, будь у меня чуть меньше терпения, я давно бы разобрался с твоими приступами. Обещаю, если ты опять начнешь лить слезы и капризничать, я приглашу Рассела осмотреть тебя. Если не станешь пить лекарство, я тебя заставлю его пить, а если не будешь вести себя, как подобает хорошей жене, думаю, доктор объяснит мне причину. Все понятно?

Я кивнула и заметила, как в его глазах промелькнула улыбка - злая, хитрая улыбка.

- Я сделал тебя тем, что ты есть, Эффи, - мягко сказал он. - Ты была никто, пока я не нашел тебя. Ты будешь такой, какой я скажу. Если я захочу, чтобы ты была истеричкой, ты будешь истеричкой. Не думай, что доктор поверит тебе, а не мне - если я скажу, что ты сумасшедшая, он согласится. И я могу сказать это, когда захочу, Эффи. Я могу заставить тебя делать все, что захочу.

Я пыталась что-то сказать, но его торжествующее лицо расплывалось перед моими усталыми глазами, и мне ужасно захотелось расплакаться. Наверное, он это заметил, потому что жесткая складка вокруг его губ разгладилась, и он наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

- Я люблю тебя, Эффи, - прошептал он, и нежность его была страшнее его ярости. - Я это делаю, потому что люблю тебя. Я хочу, чтобы ты была моей, в безопасности и благополучии. Ты не представляешь, сколько в мире грязи, какие опасности подстерегают такую красивую девочку, как ты… Ты должна доверять мне, Эффи. Доверять и слушаться меня. - Он мягко, но уверенно повернул мое лицо к себе. Вид у него был озабоченный, но в глазах я читала все то же бурное жестокое ликование. - Я все сделаю, чтобы защитить тебя, Эффи. - Его решимость была невыносима.

- Даже запрешь меня? - произнесла я одними губами. Взгляд его был спокоен, но в голосе звучала плохо скрываемая злоба.

- О, да, Эффи. Лучше убить тебя, чем видеть испорченной.

Потом он ушел. Я лежала в постели, разум мой был смущен и затуманен опием, я старалась вспомнить, что я знаю о Генри Честере, но память воскрешала лишь спокойное лицо Фанни, ее руку, что гладила мои волосы, и воздушные шарики…

Я проснулась около двенадцати, уже не такая усталая, но очень вялая и запутавшаяся. Я сама умылась и оделась и спустилась в гостиную. Генри уже ушел. Я решила прогуляться до кладбища, чтобы проветриться и хоть на время вырваться из гнетущего дома. Я уже надевала плащ, когда появилась Тэбби с подносом. Она удивленно вздрогнула, увидев, что я собираюсь на прогулку.

- Что же это, мэм! Вы ведь не пойдете на улицу? Вы утром были так больны!

- Мне гораздо лучше, Тэбби, - спокойно ответила я. - Я уверена, прогулка пойдет мне на пользу.

- Но вы же ничего не ели! Вот что, у меня в духовке замечательные имбирные пряники, они будут готовы через несколько минут. Прежде вы ведь так любили отведать горячего пряничка.

- Тэбби, я не голодна, спасибо. Может, я перекушу позже, когда вернусь. Пожалуйста, не беспокойся.

Тэбби покачала головой:

- Мистеру Честеру вовсе не понравится, если я отпущу вас сегодня на улицу. Он сказал, вы не должны выходить ни под каким предлогом, в вашем-то состоянии, мэм. - Она слегка покраснела. - Я знаю, вам бы хотелось уйти, мэм, но постарайтесь понять, это неразумно. Не нужно доставлять бедному джентльмену еще больше хлопот… и он ведь не велел, мэм. - Между бровями Тэбби появилась складка. Я ей нравилась… но Генри был хозяином в доме.

- Понятно. - На миг меня охватило желание взбунтоваться: какое мне дело до приказов Генри? Потом я вспомнила, что он сказал о докторе Расселе и как Тэбби простодушно повторила его слова: “в вашем-то состоянии”. Меня вдруг пробрал озноб.

- Наверное, я все же останусь. - Я с притворным безразличием сняла плащ и заставила себя присесть.

- Да и я думаю, так лучше, мэм, - по-матерински произнесла Тэбби. - Может, хотите чаю? Или шоколада? Или имбирных пряников, когда будут готовы?

Я кивнула, челюсти сводило от натянутой улыбки.

- Спасибо, Тэбби.

Я старалась сохранять спокойствие, пока Тэбби прибиралась в гостиной. Казалось, она целую вечность разжигала огонь, взбивала подушки и суетилась, то и дело спрашивая, не нужно ли мне чего. Конечно, я могла бы сказать ей, что хочу побыть одна, но ее привязанность ко мне была так трогательна и искренна - и к тому же я не хотела, чтобы она доложила Генри, какая я нервная и взбалмошная. Его угроза была ясна… Я пыталась справиться с накатывающей истерикой - если меня считают слишком больной или неуравновешенной, чтобы одной выходить из дома, то когда же я увижу Моза? Когда я увижу Фанни?

Я вскочила, подбежала к окну и выглянула в сад. Начинался дождь. Я открыла окно и вытянула руки, чувствуя влагу на лице и ладонях. Дождь был теплым, запах мокрой листвы вызывал острую ностальгию, напоминая о ночи на кладбище. Паника постепенно отступала. Оставив окно распахнутым, я вернулась на диван и попыталась рассуждать логически, но чем больше я старалась упорядочить мысли, тем глубже погружалась в полуреальность прошлой ночи; все словно было подернуто наркотическим обманом. Возможно, Генри прав. Возможно, я схожу с ума. Если б только повидаться с Мозом…

Нет! Еще не время. Сначала я должна убедить Генри, что чувствую себя хорошо и могу выходить одна. Это он мой враг, твердо сказала я себе. Это он виновен, а не я. У меня есть причины его ненавидеть. У меня есть причины быть несчастной.

Я впервые призналась себе в этом. В тот день я безмолвно объявила Генри войну - войну, полную ненависти и коварства. Пусть он думает, что все козыри у него, но ведь я не та смазливая дурочка, которой он меня считает. И я смогу это доказать. У меня есть по крайней мере одно преимущество - внезапность нападения…

26

На следующий день мы не встречались с Эффи, и, признаться, я не скучал по ней. Меня занимали мысли посерьезнее. Для начала стая кредиторов обрушилась на меня en masse,[28] требуя денег. Будь у меня хрустальный шар Фанни - полезная штука, - я бы, конечно, оказался где-то в другом месте, когда они заявились, но печальная действительность заключалась в том, что после небольшого спора мне пришлось заплатить почти сотню фунтов. Ресурсы мои прискорбно истощились, и я провел этот безрадостный день, изучая свои счета, после чего пришел к выводу, что задолжал более четырехсот фунтов - такую сумму даже я едва ли мог счесть незначительной. Умоляющая записка от Эффи отнюдь не подняла мне настроения. Горничная Эффи - Эм, кажется? - принесла ее в шесть вечера, а я к этому времени уютно расположился с бутылочкой вина и совершенно не хотел повторения вчерашнего свидания. Я вскрыл письмо (тщательно запечатанное) и при свете свечи попытался разобрать торопливые каракули Эффи.

Дорогой Моз,

Я должна увидеться с тобой как можно скорее. Я в Отчаянном Положении. Генри не разрешает мне выходить из дома и угрожает позвать Доктора, если я не буду его слушаться. Я должна сбежать, но мне некуда идти. Пожалуйста, приходи, когда Генри будет работать. Ты должен помочь мне. Я люблю тебя.

Э.

Я без особого интереса прочел безыскусное послание. Судя по почерку и множеству подчеркиваний, Эффи пребывала в полной ажитации, но я не придал этому значения. Я знал, как легко Эффи впадает в истерику, и, поскольку во мне нет ничего от сэра Галахада, я выбросил ее мольбы из головы.

Я не оправдываюсь - просто я не мчусь по первому зову женщины, особенно расстроенной. Оставим небылицы для таких, как Генри Честер. Если не ошибаюсь, сказки, в которых прекрасный принц сбегает с принцессой, всегда кончаются свадебным приговором для прекрасного

принца - ив записке Эффи я уловил отчаянную угрозу. Поэтому записку я проигнорировал. Это лучше всего, сказал я себе, - быстро положить конец этой интрижке, оставить Эффи грезить наяву, и очень скоро она найдет другого мужчину, на которого сможет возлагать надежды. Она мне нравилась, и я был рад, что не вовлеку ее ни в какие скандалы.

Скандал. Вообще, это мысль.

Я был так поглощен раздумьями о том, как поступить с Эффи, что на несколько минут позабыл о собственных финансовых проблемах. В приступе филантропии я едва не упустил чудесную возможность, сиявшую мне, будто ясно солнышко… и, быть может, способную решить мои проблемы, а также проблемы Эффи. Затуманенный вином мозг тут же занялся расчетами.

Не называйте это шантажом - такое грубое слово. Назовите творческим капиталовложением, если угодно. Я не любил Генри Честера. Если он такой идиот, что предпочитает девиц из борделя собственной восхитительной жене, то вполне может и заплатить за эту привилегию. У него полно денег - у меня, напротив, ничего. Он погряз в собственных принципах - а у меня их нет вовсе. Бог на его стороне - чего еще ему желать?

Я вытащил записку Эффи из мусорной корзины и задумчиво разгладил смятую страницу. Мне ужасно не хотелось обманывать ее, но пока что сыграю в ее игру.

Я взял перо, заточил его и набросал коротенькое письмо. Потом надел пальто, подозвал кэб и отправился на Крук-стрит. Я подозревал, что Фанни в силах существенно мне помочь, если я попрошу.

27

Я знала, что он придет. Жадность и эгоизм были основными - и лучшими - чертами его натуры, и я знала, что он меня не разочарует. Я бы все равно при случае скормила ему эту идею, но куда лучше, что он сам пришел с

ней ко мне. В тот вечер он пустил в ход все свое обаяние, не подозревая, что цели у нас схожие. Я нужна ему, сказал он, чтобы организовать декорации для скандальчика, который уничтожил бы Генри, если б вышел наружу. Его выставка в Академии, его брак, его положение в церкви - всему придет конец, если шепнуть в подходящие уши о тайных делишках благочестивого мистера Честера. Ну, и конечно, еще была Эффи - похоже, Генри угрожал ей специалистом по нервным болезням, чтобы добиться покорности. Если она признается, что ей все известно, Генри больше не сможет ее запугивать.

Моз тут же заметил, что не он один получит выгоду от этого заговора: Эффи избавится от тирании, он заработает немного столь необходимых монет (совсем немного, он ведь не жадный), а я… Ну, тут я поставила его в тупик. Он не мог понять, почему я отказалась от денег. Может, мною двигала привязанность к Эффи? Или некая тайная неприязнь к старому доброму Генри? Я видела, что он сгорает от любопытства, но лишь рассмеялась и ничего ему не сказала. Он слишком умен и беспринципен, чтобы доверять ему тайну - даже ту, в которую он не поверит.

- Нет, нет, Моз, - улыбнулась я. - Я не скажу ни слова. Считай это неприязнью, если хочешь, или просто женской любовью к проказам. К тому же Эффи хорошая девочка, и мне больно смотреть, как этот лицемер делает ее несчастной. Какой у тебя план?

Моз осклабился.

- Ты заранее предупредишь меня о приходе Генри, - объяснил он. - Устроишь так, чтобы я мог подсматривать за ним, когда он будет с одной из твоих девиц. А после - остается лишь написать симпатичное письмецо с цитатами и деталями и обещанием раскрыть подробности всем заинтересованным лицам. И я тебе обещаю, Генри будет платить, сколько я скажу, когда скажу и так часто, как мне будет угодно. И никакого риска.

Я нахмурилась.

- Но как все это поможет Эффи? - спросила я. - Я вижу выгоду для тебя, но, прежде чем я соглашусь на подобный план, я должна убедиться, что Эффи будет счастлива. - Я изобразила замешательство, а потом осторожно предложила: - Может, ты бы и ей написал…

- Нет! - Моз просиял. - У меня идея намного лучше. Я сделаю так, чтобы она была здесь со мной. Тогда, если Генри скажет, что я блефую, и откажется платить, у меня будет свидетель гораздо надежнее - кто подойдет на эту роль лучше, чем его жена? Если она расскажет, что видела его в борделе, все его чудные друзья-прихожане перестанут с ним здороваться.

Я посмотрела на него с восхищением. До чего способный ученик! Столько самомнения - в жизни не догадается, как просто им манипулировать.

- Эффи тоже будет здесь… - Мой голос угас. - Я бы никогда до такого не додумалась. Но идея мне нравится, - постановила я. - Думаю, это сработает. Скажи Эффи, что я жду Генри в следующий четверг, в полночь. Скажи, пусть приходит к одиннадцати. Я спрячу ее до того, как появится Генри. А ты приходи в двадцать минут первого, чтобы Генри успел подготовиться. Об остальном я позабочусь.

28

Я провел весь день в студии, работая над “Игроками в карты”. Я был весьма доволен холстом - сильная получалась картина. Харпер сидит у стены, ссутулившись, положив локти на стол, лицо чуть приподнято и обращено к свету, он смотрит на свои карты с таким типично Харперовским выражением лукавого безразличия. Масляная лампа мерцает над его головой, окрашивая грязные стены и выскобленный стол в зеленоватый цвет, подчеркивая контуры грубых стаканов, наполненных белесым абсентом.

Я набросал углем женскую фигуру, взяв для позы натурщицу со стороны. По моему замыслу, она должна была сидеть вполоборота, одну руку положив на стол перед собой, а в другой держа даму пик, игриво прижав карту к губам… Вскоре мне понадобится более тонкий материал, какая-нибудь темноволосая незнакомка. Не Эффи, решил я, определенно не Эффи. Во-первых, я не хотел, чтобы она сидела с Харпером в такой интимной обстановке - пусть даже на моей собственной картине, а во-

вторых… Представляя ее в студии, я неясно тревожился; отчего-то я не хотел писать ее. С чего бы мне тревожиться, спрашивал я себя. Она позировала здесь для меня тысячу раз. Почему не написать ее снова? Но ответа не было. Вместо этого память подбросила мимолетное видение, холодное и липкое, словно прикосновение призрака… худое лицо, уставившееся на меня из темноты, голос, как морозное кружево, что-то шепчущий, и запах шоколада…

Откуда вынырнуло это странное воспоминание? И это лицо, бесформенное, но все же знакомое, белое размытое лицо маленькой Персефоны в сумраке преисподней? Я беспомощно сжал кулаки - я уже видел ее, мою Даму Пик. Кто она?

Кто?

Когда я вернулся домой, Эффи работала над своей вышивкой сосредоточенно, как примерный ребенок. Шелковые нитки разложены на оттоманке, на скамеечке для ног, на серой фланели ее платья - единственными цветными пятнами на этой картине были нитки и длинная полоска ткани. Волосы рассыпаны по плечам - похоже на монашеский чепец. На миг в своей обманчивой чистоте она показалась мне призраком, леденящим кровь видением Непорочной Девы. Она подняла глаза, и в эту секунду лицо ее было лицом мстительной старухи, искривленным ненавистью и злобой, лицом седой Норны,[29] старше, чем время, и скрюченные пальцы ее пряли нить моей судьбы. Я едва не закричал.

Но вот свет упал иначе, и она снова была Эффи, кроткая и невинная, как спящая красавица на вышивке. Что за злые мысли бродили в ее голове, подумал я и, заметив ее улыбку, решил впредь быть осторожным. Эта осведомленная улыбка диссонировала с робостью в ее голосе, когда она поздоровалась со мной. Что, она выходила из дома? Читала запрещенные книги? Рылась в моей комнате? Я выдавил ответную улыбку.

- Тебе уже лучше, Эффи? - спросил я.

- Да, спасибо, намного лучше. Голова совсем прошла, и я весь день вышивала. - Будто желая подчеркнуть это, она отложила рукоделие и начала аккуратно сматывать шелковые нити.

- Превосходно, - сказал я. - Однако учитывая, в каком ты была состоянии

сегодня утром, не думаю, что тебе стоит выходить в ближайшие дни. - Я ждал возражений, зная от Тэбби, как ей нравится гулять, но Эффи и глазом не моргнула.

- Да, - согласилась она, - думаю, лучше мне побыть дома, пока я нездорова. Не хотелось бы подхватить простуду на кладбище.

- И никакого чтения, - добавил я; если что и сможет нарушить ее самообладание, то упоминание о ее драгоценных книгах. - Я уверен, что девушке с твоим капризным характером романы и стихи могут причинить непредсказуемый вред. У меня есть несколько полезных книг, а также множество научных трудов - читай, если хочешь, но остальные твои книжки я из библиотеки убрал и попросил бы тебя больше их не покупать. - Я ожидал взрыва, но она только кивнула - что это, тончайшая улыбка на ее бледных губах? - и стала убирать рукоделие в корзину.

- Мне бы хотелось закончить вышивку до конца года, если получится, - сказала она. Думаю, из нее выйдет прелестный экран для камина, или, может, нашить ее на покрывало? Как ты думаешь?

- Как тебе угодно, - холодно отозвался я. - Я в таких делах не советчик.

Я был удивлен и весьма обеспокоен. Еще утром она не могла справиться с истерикой, выла и плакала, как избалованный ребенок, а теперь держалась прохладно и сдержанно. Ее вежливость граничила с презрением. Какую тайну скрывала она от меня?

Я внимательно наблюдал за ней во время ужина. Как обычно, ела она мало, но соизволила намазать бутерброд маслом, когда я заметил, что у нее нет аппетита. Она была послушна, мила и очаровательна - но почему желудок у меня сводило от ее покорности и нежности? Тревога и недовольство росли, и в конце концов я удалился в курительную и оставил Эффи одну.

Я сказал себе, что это просто нервы: я почти не спал ночью, весь день работал в студии и устал. Вот и все. Нет, не все. Пока меня не было дома, с Эффи что-то случилось, что-то тайное, возможно, даже опасное. Это невозможно объяснить, но я чувствовал, что Эффи уже не одинока и уже не моя. До поздней ночи я курил, пил и ломал голову, что же все-таки разбудило мою маленькую бледную сестру.

Перемены

29

Пять дней.

Я ждала пять дней. Я едва могла есть, я боялась спать, чтобы не закричать о своих мыслях вслух среди ночи, и опиумное забытье было единственным отдыхом, который я осмеливалась позволить спутанному рассудку. Я видела, Генри о чем-то подозревает: иногда я ловила на себе его взгляд, а иногда наши глаза встречались, и он как будто что-то просчитывал. Всего месяц назад я бы не смогла выдержать тяжесть его вопрошающего взора - но теперь во мне была новая сила, ощущение перемен, новый мрак в сердце, наполнявший меня ужасом и ликованием. Казалось, он защищает меня - несформировавшаяся бабочка слепо ворочается в темноте твердой куколки, оса шевелится в шелковом коконе и видит беспокойные сны о мести и полете.

А я? Буду ли я летать? Или жалить?

Во сне я взмывала в высокое бесконечное небо и парила, а волосы тянулись за мной, как хвост кометы. И еще во сне я видела Генри Честера в детской, полной шариков, и тревожные полувоспоминания, нахлынувшие на меня в доме Фанни, возвращались с удивительной ясностью. Голоса говорили со мной из темноты, я видела лица, слышала имена и радовалась им как старым друзьям. Там была Иоланда с коротко остриженными волосами и мальчишеской фигурой, она постоянно курила свои черные сигары; там была Лили - рукава мужской сорочки закатаны, открывают полные красные руки; там были Иззи, и Виолетта, и Габриэль Чау… а отчетливее всех я помнила Марту - она плыла в тусклом свете с шариками в руках, подплывала все ближе, а Фанни гладила мои волосы и пела… Я взаправду была там в ту ночь, когда Генри пришел ко мне с отвратительной виноватой похотью в глазах… Я знала, что была там, и страстно радовалась неспешным переменам во мне…

Иногда я боялась потерять рассудок. Но я была тверда: когда опий не справлялся с подступающей истерикой, когда меня мучила тоска по Мозу и Фанни, когда мне до дрожи в пальцах хотелось превратить почти законченную “Спящую красавицу” в кровавые лохмотья, я незаметно ускользала в свою комнату, где на дне ящика комода спрятала письмо от Моза и записку от Фанни. Снова и снова перечитывая их, я убеждалась, что я в безопасности, что я не сошла с ума, что скоро я избавлюсь от влияния Генри и мне больше не страшны будут его угрозы… и я буду с друзьями, которые любят меня.

В четверг я пожаловалась на головную боль, рано отправилась в постель, а в половине одиннадцатого прокралась из дома. Отойдя подальше, я взяла кэб и около одиннадцати уже была на Крук-стрит, согласно плану. Едва я шагнула за порог, как меня снова затянуло в водоворот ликующего ужаса опиумных видений, в нагую бесформенность ночных полетов. Дверь открыла зевающая девушка, лицо ее причудливо исказилось в зеленоватом свете газового фонаря; за ней появилось лицо другой девушки, и еще одной, и вот десятки незнакомых лиц заполонили прихожую… Я споткнулась о ступеньку и, чтобы не упасть, схватилась за косяк. Дюжина рук потянулась ко мне и увлекла в коридор; я мельком увидела свое отражение в зеркалах по обеим сторонам от двери - вереницу лиц, уходящих в бесконечность. Белая кожа, белые волосы, будто старуха среди красавиц, их накрашенных губ и ярких лент. Вдруг слева от меня распахнулась дверь, и появилась Фанни.

- Здравствуй, моя милая, - сказала она, беря меня под руку и ведя в гостиную. - Ну, как ты?

Я вцепилась в атласный рукав ее зеленого платья, чтобы успокоиться.

- О, Фанни, - прошептала я. - Обнимите меня. Мне так страшно. Я даже не знаю, что тут делаю.

- Шшшш… - Она притянула меня к себе и неловко обняла одной рукой. На меня пахнуло табаком, янтарем и туалетным мылом - странно успокаивающее сочетание, которое почему-то напомнило мне о Мозе. - Доверься мне, дорогая, - тихо сказала она. - Делай, как я скажу, и будешь в

безопасности. Больше никому не верь. Может, ты пока не понимаешь, что мы делаем, но, поверь мне, все под контролем. Генри Честер довольно натворил - я не позволю ему снова обидеть тебя. Я дам тебе шанс отомстить.

Я едва слушала. Мне достаточно было чувствовать ее сильную руку на плече, ее ладонь, гладившую меня по волосам. Я закрыла глаза и впервые за много дней поняла, что могла бы заснуть, не боясь снов.

- А где Моз? - сонно спросила я. - Он сказал, что придет. Где он?

- Позже, - пообещала Фанни. - Он будет здесь, обещаю. Вот. Присядь на минутку.

Я открыла глаза, и она мягко, но решительно подтолкнула меня к софе у огня. Я с удовольствием откинулась на подушки.

- Спасибо, Фанни, - сказала я. - Я так… так устала.

- Выпей это. - И она протянула мне бокал, наполненный теплой сладкой жидкостью, что благоухала ванилью и ежевикой, и я выпила, чувствуя, как напряжение покидает мои дрожащие члены.

- Умница. А теперь отдыхай.

Я улыбнулась, лениво оглядывая гостиную. Крохотная комната в красных тонах, обставленная с той же восточной роскошью, что и весь дом Фанни. На полу - изысканный персидский ковер, на стенах - веера и маски, за китайской ширмой виднеется камин. Мебель из кедра и палисандра обита парчой и алым бархатом. На коврике у ширмы сидели Мегера и Алекто; на столе красные розы в вазе цветного стекла. Взглянув на свои руки, я вдруг увидела, что и сама удивительно изменилась: кожа огненно засияла, волосы в свете лампы подобны багряному рассвету. Так тепло и комфортно. Почти неосознанно я отхлебнула еще пунша, чувствуя прилив обжигающей энергии. Внезапно голова прояснилась.

- Мне гораздо лучше, Фанни, - произнесла я окрепшим голосом. - Пожалуйста, расскажите, что мы будем делать.

Она кивнула и уселась на софу подле меня, зашуршав юбками. Обе

кошки немедленно подошли к ней и, уткнувшись пушистыми мордочками в ее руки, замурлыкали. Она защебетала, называя их по именам.

- Как поживает Тисси? - вдруг спросила она. - Хорошо с тобой обращается?

- Да, - улыбнулась я. - Спит на моей постели ночью и сидит со мной, когда я одна. Генри ее ненавидит, но мне все равно.

- Хорошо. - На миг крупный рот Фанни сжался в жесткую линию, она напряженно, пристально уставилась на кошек. Казалось, она начисто забыла о моем присутствии.

- Фанни!

- Да, дорогая! - Улыбка вернулась, лицо безмятежно, как всегда. Уж не почудилась ли мне эта внезапная перемена?

- Что я должна делать, когда придет Генри? Спрятаться, как говорил Моз?

Она покачала головой:

- Нет, милая моя, ты не станешь прятаться. Доверься мне ненадолго, ты знаешь, я о тебе позабочусь и не позволю тебя обидеть. Но ты должна быть храброй и делать все в точности так, как я скажу. Хорошо?

Я кивнула.

- Хорошо. Значит, никаких вопросов. Обещаешь?

- Обещаю.

Я на секунду отвела взгляд и краем глаза увидела что-то в дальнем углу комнаты - и это что-то показалось мне связкой шариков. Я вздрогнула, невольно уставившись в угол, и почувствовала, как Фанни чуть крепче сжала мою руку.

- Что такое?

Там не было шариков. Просто круглое пятно у двери.

- Ну что ты, дорогая, - успокаивающе произнесла Фанни. - Не волнуйся. Здесь ты в полной безопасности.

- Мне показалось, я видела… - Слова были вязкими, каждый слог - бесформенный звук, пробивающийся сквозь ветхую ткань моего изнеможения. - Я видела шарики. Почему… почему шарики?..

- Шшш. Закрой глаза. Вот так. Шшш… Вот так. Спи, милая моя. Спи. Сегодня твой день рожденья, у нас будут шарики. Обещаю.

30

Часы на каминной полке пробили четверть двенадцатого. Я взглянула на нее, спящую на софе: казалось, кости стали выпирать чуть меньше, черты смазались - неоформившееся личико ребенка.

- Марта! - позвала я. Она пошевелилась и по-детски сунула палец в рот, у нее всегда была эта привычка. - Марта, пора просыпаться.

Она открыла глаза и сначала растерялась. Но заметила меня, и такое трогательное доверие появилось в ее взгляде, что сердце разрывалось.

- Я спала? - спросила она, потирая глаза.

- Да, Марта, ты очень долго спала…

Мое сердце подпрыгнуло от радости: это был голос Марты, детский, чуть хриплый спросонья, с легким акцентом - ностальгический отголосок моей матери.

- А он уже здесь?

- Нет, но скоро будет. Нам нужно подготовить тебя к его приходу. Пойдем со мной.

Она без звука повиновалась, и мы вышли из комнаты, держась за руки. Пусть я поступаю правильно, молилась я.

- Сначала нужно сделать так, чтобы он тебя не узнал, - сказала я, ведя ее по лестнице в свою спальню. - Я дам тебе свое платье, потом мы изменим твое лицо и волосы.

- Хорошо. - Очаровательная улыбка не сходила с ее лица. - И мне не будет страшно?

- Нет, - ответила я. - Не будет. Ты будешь сильной и храброй, как я тебе говорила.

- Да…

- Он даже не узнает тебя. А когда спросит, как тебя зовут, что ты скажешь?

- Я Марта.

- Хорошо.

- Это называется хна, Марта, - говорила я, когда мы споласкивали ее волосы. - От этого твои волосики потемнеют, и Генри тебя не узнает. А когда Генри уйдет, мы их помоем, и они снова станут белыми. Договорились? - Да.

- Теперь я помогу тебе надеть платье. Я его очень давно не носила, я тогда была моложе и стройнее. Красивое, правда?

- Да.

- А потом мы наложим немного пудры и румян на твое личико, и ты будешь выглядеть совсем по-другому.

- Он меня не узнает.

- Нет, ты ведь теперь старше.

Представьте, как изображение с фотографической пластинки переходит на бумагу, становится все темнее, от белого к бледно-золотому, из янтаря в сепию. Представьте, как месяц превращается в полную луну, увлекая за собой приливы и отливы. Представьте, как куколка с треском раскрывает гробницу кокона и показывает свои крылышки солнцу. Скорбит ли имаго по той гусенице, которой было когда-то? Да и помнит ли о ней?

31

Это неправда. Я не сплю. Знаете, есть люди, которым не снятся сны. Мои ночи здесь, в Хайгейте, - тонкие ломтики забвения, и даже Бог не может войти сюда. И если Бог не в силах приблизиться ко мне, скажите, почему же она должна бродить по моим снам, источая аромат сирени и лжи, мягкая и смертоносная, как отравленный плащ. Я не вижу ее, не чувствую ее волос на своем лице в эти предрассветные часы, не слышу, как шуршит шелковое платье, касаясь ее кожи, не ловлю краем глаза, как она стоит у моей кровати. Я не лежу без сна, желая ее.

Я думал, что уже перерос поиски Шехерезады. Я вспахал тысячи полей, я познал тысячи девушек… молодых девушек - брюнеток, блондинок, рыжих, простушек и красоток, жаждущих и холодных. Я вторгался в их потаенную плоть, питал их и питался ими. Но Тайна до сих пор ускользает от меня. Каждый раз, вставая с их зловонных кушеток, удовлетворенный и изнасилованный их удушливой страстью, я знал: Тайна существует. Но чем глубже я копал, тем больше отдалялся от истины. Они смотрели на меня пустыми глупыми глазами, голодные, знающие… а Тайна исчезала, как сказочный замок, никогда не задерживалась на одном месте дольше часа. Я начинал понимать султана Шахрияра, который вечером женился, а наутро казнил своих невест - быть может, как и я, он надеялся постичь часть Тайны в выпотрошенных останках ночных оргий; быть может, как и я, он приползал домой, бледный в безжалостном свете дня, а руки его были испачканы кровью и семенем. Но у нас с ним, братьев по разочарованию, было еще кое-что общее: мы никогда не теряли надежды.

Может, если бы я волшебным образом сумел съежиться до размеров

зародыша, нырнуть обратно, в красную темноту матери, может, тогда я разгадал бы Тайну, и не пришлось бы губить и разрушать… но я не волшебник. Последней моей неосуществимой мечтой была Шехерезада, что каждое утро возрождается, подобно Фениксу, из тлеющих углей моей похоти, несет новую весть о надежде и прощении, каждую ночь новый характер, новое лицо - тысяча и один неразбитый сосуд с эликсиром удивительного библейского могущества… тайна вечной жизни.

Снится ли она мне?

Может быть.

Перед выходом я принял девять гранов хлорала - отчего-то я был напуган, руки тянулись ко рту, как у нашкодившего ребенка. Странные мысли бродили в голове, подобно зловещим предзнаменованиям. Когда я проезжал мимо кладбища, мне померещилась босая детская фигура в белом - она стояла у ворот, смотрела на меня. Я криком остановил возницу, но, оглянувшись, понял, что никакого ребенка нет, просто лунный свет отражается от белого надгробия. Кошка вспрыгнула на плиту и уставилась на меня из темноты сверкающими дикими глазами, она оскалилась на меня, не то пугая, не то предостерегая - ясной ночью все кажется сверхъестественным. В этом странном состоянии я чуть было не повернул назад, но мною двигало нечто большее, чем обычная похоть, - я не мог вернуться. Дом звал меня.

Фанни встретила меня в холле. Как обычно, ей удалось привести меня в замешательство всего лишь пышностью ярко-зеленого платья, перьями на шляпке, своим ароматом. Ее дом всегда был переполнен запахами, и на миг я захлебнулся духами. Фанни медленно повела меня по коридору в одну из крошечных боковых гостиных; за все без малого десять лет я ни разу не видел этой комнаты.

- У меня тут есть кое-кто, с кем вы, думаю, захотите познакомиться, - произнесла она, чуть улыбнувшись.

У меня невольно сжались челюсти: что-то в ее лице беспокоило меня, какая-то молчаливая уверенность. Выдернув руку из ее на удивление крепкой хватки, я споткнулся и ударился плечом о косяк. Фанни снова

улыбнулась, в свете лампы лицо ее исказилось мстительной радостью.

- Мистер Честер… - В ее голосе звучала забота, а странное выражение - если оно вообще было - исчезло. - Похоже, вы сегодня не в форме. Надеюсь, не заболеваете?

Заболеваете. Из-за ее акцента слово прозвучало со зловещим присвистом, змеей пробравшимся в мой мозг. Я снова взял ее под руку, чтобы не потерять равновесия.

Зззззаболеваете.

- Да, благодарю вас, Фанни, - невпопад ответил я. Потом добавил, чувствуя, что мир встает на место: - Я в порядке. В полнейшем порядке. - Я выдавил жизнерадостную улыбку. - Так с кем я должен познакомиться? - озорно поинтересовался я. - С одной из ваших новых протеже?

Фанни кивнула.

- Да, что-то в этом роде, - согласилась она. - Но для начала хочу предложить вам мой особый пунш для поднятия настроения. Прошу вас, входите.

Она подняла защелку, открыла дверь гостиной и втянула меня за собой.

К красноватому освещению глаза привыкали с трудом, я словно оказался в кромешной темноте. Дымилась курильница - эротический аромат, что-то вроде пачули. Фанни указала мне на софу, налила выпить - она, похоже, прекрасно себя чувствовала в этой обстановке. Я мельком оглядел золоченые драпировки на стенах, усыпанные фальшивыми камнями, медные украшения на мебели; взгляд задержался на статуэтке - огромный круг из бронзы, а внутри - танцующий четырехрукий бог. В красном мерцании мне почудилось, что он двигается.

Фанни протянула мне бокал с теплым пуншем, и я взял его, не отрывая глаз от статуэтки.

- Что это такое?

- Шива, бог луны, - ответила Фанни. - И смерти.

Я поднес бокал к губам, чтобы скрыть очередной приступ тревоги. Жидкость была пряной и жгучей, с почти горьким послевкусием.

- Идолопоклонническая чепуха, - заявил я чуть громче, нежели собирался. - Вид у него… довольно жестокий.

- Но мир и впрямь жесток, - беспечно отозвалась Фанни. - По-моему, это самый подходящий бог. Но если он вам мешает… - Она замолчала, глядя на меня вопросительно и слегка насмешливо.

- Разумеется, нет. Это всего лишь статуэтка, - сухо ответил я.

- Тогда я вас ненадолго оставлю, мистер Честер. - Она вежливо кашлянула, и, вспомнив, что ей нужно заплатить, я стал рыться в кармане. Как настоящая леди, она взяла монеты и с ловкостью фокусника спрятала, будто и не заметив. Затем повернулась к двери.

- Пусть Марта сама представится, - сказала она и ушла.

С минуту я озадаченно смотрел на дверь, ожидая, что в комнату войдет девушка, но тут какой-то шорох сзади привлек мое внимание, и я резко обернулся, выплеснув полбокала сверкающей дугой. В тот миг охваченный суеверным страхом я был уверен, что это статуэтка Шивы ожила и тянет ко мне все четыре руки; глаза бога светились злобой. Я едва не закричал.

А затем увидел ее - она сидела в тени, почти незаметная среди тяжелых складок индийской ткани. Застигнутый врасплох, я старался взять себя в руки и подавить раздражение. Покончив с предложенной Фанни выпивкой, я поставил бокал на камин, а когда снова обернулся, хладнокровие вернулось ко мне, и я смог ободряюще улыбнуться девушке. Прищурившись, я пытался разглядеть ее черты в неверном свете.

Она была совсем юной, лет, наверное, пятнадцати, стройная и очень худенькая. Длинные распущенные волосы казались черными, с цветом глаз сложнее: красный свет лампы отражался в них, как в рубинах. Брови подведены сурьмой, на веках густой слой позолоты, теплая золотистая кожа - я подумал о цыганках. На ней было роскошное кимоно из матовой красной ткани, подчеркивающее тоненькую детскую фигурку, а на шее, на запястьях и в ушах горели и искрились тяжелые багровые камни.

От ее красоты у меня перехватило дыхание.

- М… Марта? - промямлил я. - Тебя ведь так зовут?

- Я Марта, - прошептала она хрипловато, с легким провинциальным акцентом. Голос чуть высокомерный и насмешливый, как у Фанни.

- Но я… - И тут я понял. - Мы уже встречались. Я случайно зашел в твою комнату.

Ответа не последовало.

- Надеюсь, теперь тебе лучше. - Намек, который мне хотелось вложить в эту фразу, прозвучал слишком плоско. - Ты… - Я снова не мог подобрать слов. - Ты недавно… Я хочу сказать… Ты?.. - Я снова ощутил ее насмешку, пьянящую и сбивающую с толку.

- Я пришла к тебе, - промурлыкала она, и на миг я вообразил, что она пришла за моей душой, словно Ангел Смерти. - Только к тебе.

- А. - Нелепо, но я чувствовал себя маленьким, оробел, словно школьник с проституткой намного старше себя. Будто… будто эта девчонка - не пятнадцатилетняя потаскушка, но девственная хранительница какой-то вечной тайны. Я беспокойно поерзал в кресле - я хотел ее, но не мог заговорить. Она управляла ситуацией.

- Подойдите, мистер Честер, - прошептала она. - Я расскажу вам сказку.

- Юноша отправился на поиски Колдуньи, и где-то далеко-далеко она смотрела на него в свой хрустальный шар и улыбалась. Колдунья так долго его ждала и вот уже три дня везде ощущала его присутствие: в молочном зимнем небе, в туманной вересковой пустоши, в каштанах, что жарились на огне, а сегодня утром - в глазах Повешенного. Всего лишь быстрый взгляд, хитрое подмигивание - но для Колдуньи этого было довольно, и она ждала, подбросив брикет торфа в огонь, и изучала карты в надежде увидеть его лицо… Встречные качали головой ему вслед. Они не знали его истории, хотя из нее получилась бы славная сказка для зимнего вечера у очага, да и не хотели знать - лишь наивные или сумасшедшие уходят на

поиски колдуний, и дары их не всегда легки. Но юноша был безрассуден и самоуверен, он шагал через пустошь с пылом человека, никогда не сбивавшегося с пути. Сердце его переполняли гнев и жажда мести, ибо под прекрасным лицом скрывалось чудище. Каждую ночь оно с шарканьем появлялось из темноты, чтобы полакомиться человеческой плотью. Колдовство породило чудище, и юноша знал, что, лишь убив колдунью, сможет разрушить проклятие.

Она замолчала и прохладной ладонью коснулась моего лица. Ее руки обвили меня, и она зашептала мне в затылок. Я почувствовал, как зашевелились волоски на шее. Ощущение было эротичным и тревожным одновременно.

- Итак… - продолжила она, и я слышал, что она улыбается. - Юноша шел через пустошь и наконец добрался до места, где жила Колдунья. Увидев ее красную кибитку в низине между холмами, он задрожал от радости и страха. Приближалась ночь, и под покровом багрового заката он прокрался к повозке и заглянул внутрь… Колдунья ждала. Она увидела его на пороге и не сдержала смеха, когда юноша поднял меч. “Готовься к смерти, Ведьма!” - крикнул он. Колдунья шагнула к свету, и юноша увидел, что она прекрасна. Она распахнула свое одеяние… вот так.

Она величественно сбросила кимоно. Мгновенье стояла передо мной, словно языческая богиня, кожа в розоватом свете отливала красной медью, распущенные волосы спускались до талии. Шива позади нее грациозно вытянул руки в необузданном желании. Она плавно потянулась к моей рубашке, расстегнула. Я стоял как зачарованный и не мог двинуться, атакованный со всех сторон ее почти видимой чувственностью, вспыхнувшей, словно огни святого Эльма. Она повернулась к свету, и я взглянул на нее сквозь красную вуаль ее волос: что-то проникло в меня и повлекло к ней столь неудержимо, что я готов был кричать… Но в глазах ее не было ни любви, ни нежности - лишь голод, бездонное ликование, которое могло быть вожделением, жаждой мести или даже ненавистью. Я понял, что мне все равно.

Она оседлала меня, алая кентавресса, обратив лицо к потолку, и каждый мускул напрягся в предвкушении финала. Она пожирала меня. Наслаждение было безмерным, губительным, мучительным…

- …А когда все было позади, юноша выхватил кинжал и перерезал Колдунье горло, чтобы никто никогда не узнал, как она вскормила чудище внутри него и с какой жадностью оно кормилось.

Она снова оказалась у меня за спиной, ее волосы струились по моим плечам, сладостный аромат ее теплой кожи ударял в ноздри, я едва слышал, что она говорила, но мне достаточно было просто быть рядом.

- Юноша проспал много часов, а когда проснулся, обнаружил, что на дворе утро, а в фургоне никого нет. Он хотел уйти, но вдруг заметил на столе футляр с картами Колдуньи. Что-то заставило его открыть футляр и достать карты. Они были очень красивые, гладкие, как слоновая кость, все детали тщательно выписаны.

Я все ждал, что меня охватит привычная волна отвращения к себе: вожделение выплеснулось, а я никогда не задерживался с использованными шлюхами… Обычно я не желал даже видеть их снова. Но сейчас все было иначе. Впервые в жизни я испытал нежность к женщине - к этой девочке; такого я не чувствовал даже с Эффи. Особенно с Эффи. Что-то во мне хотело познать ее, попробовать ее на вкус, будто акт, совершенный нами, сам по себе был ничем… ничего не открыл, ничего не испортил. С восхитительной ясностью я понял вдруг, что это и есть Тайна. Эта девочка, эта нежность.

- Подчинившись внезапному порыву, юноша разложил карты на столе в порядке, который называется “Древо жизни”. Отшельник, Звезда, Влюбленные, Валет монет, Любовь, Страсть, Верховная жрица, Перемены… Юноша забеспокоился. Он боялся смотреть следующую карту, карту Судьбы. Дрожащей рукой он осторожно перевернул ее… Le Pendu, Повешенный… Он отвернулся, его пробрал озноб. Это ничего не значит! Карты не властны над ним… И все же он слова взглянул на карту, украдкой, испуганно.

Я коснулся ее шеи, руки, изгиба упругого бедра.

- Марта…

- Лицо на карте казалось знакомым. Он посмотрел еще раз. Темные волосы, чистый лоб, правильные черты… Он отшатнулся… Нет! Нет. Просто воображение разыгралось. Но, разглядывая карту издали, он почти

готов был поверить, что узнает лицо Повешенного… он был почти уверен…

- Марта. - Да?

- Я люблю тебя.

Ее поцелуй в темноте был сладок.

32

Вначале я разозлился.

На себя - за то, что ждал помощи от Фанни, на Эффи - за то, что позволила втянуть себя в этот опасный идиотский маскарад, но особенно на Фанни. Она сказала, что Эффи в комнате с Генри, и я, проклиная ее на все лады, потребовал объяснить, в какую игру она играет.

Ее хладнокровие сводило с ума.

- Ну конечно, в твою игру, мой дорогой Моз, - прожурчала она. - Мы подстраиваем скандал, чтобы ты мог опозорить Генри и наложить лапу на его денежки. Разве не так?

Так-то оно так, но я не хотел, чтобы все раскрылось, пока я не получу своей выгоды, о чем я и заявил.

- Но ничего не раскроется, - улыбнулась она. - Генри ее не узнает.

Это было нелепо. Генри был женат на ней, ради всего святого!

- Честно говоря, - продолжила Фанни, - не думаю, что и ты бы ее узнал. Она очень хорошая… актриса.

Я выругался себе под нос, но она лишь улыбнулась.

- Просто взгляни, - посоветовала она с легкой усмешкой. - Уверяю тебя,

твои драгоценные деньги в полной безопасности.

Что мне оставалось? Я сделал, как она сказала. Через глазок в стене, скрытый драпировкой, я мог заглянуть в гостиную, оставаясь незамеченным. Помню, как, приникнув к глазку, беспокойно подумал, сколько же еще глазков существует в этом доме и как часто ими пользуются.

Я не ожидал увидеть ничего, кроме нелепой ссоры между Эффи и Генри - девчонка сломается или расплачется, как только он ее узнает. Хорошо, если мне удастся избежать ареста. А для Генри это будет отличный повод навсегда запереть жену в психиатрической лечебнице. Больше того, если она так глупа, что думает, будто он может ее не узнать, ей там самое место.

Погруженный в горькие мысли, я рассеянно смотрел представление театра теней, которое Фанни устроила для меня. Но вскоре актеры привлекли мое внимание, и я стал наблюдать с бесстрастным, ехидным любопытством - ко мне даже вернулось чувство юмора. Если подумать, это действительно была комедия, хоть и черная. Через неделю я мог оказаться в тюрьме за невыплату долга или мошенничество, но где-то в районе живота у меня появилась кислая улыбка.

Я не слышал, о чем они говорили, но, когда глаза привыкли к красноватому освещению, разглядел и Генри, и девушку.

Эффи?

Прищурившись и наморщив лоб, я глядел в маленькое отверстие.

- Это не Эффи. - Я невольно произнес это вслух и услышал, как рядом тихонько хихикнула Фанни. Я посмотрел еще раз, пытаясь уловить сходство.

Это точно не Эффи. Ну, небольшое сходство, конечно, было - похожая фигура, овал лица, но девушка моложе, и волосы у нее темнее. В обманчивом свете не разобрать цвет - они могли быть любого оттенка от каштанового до черного, но казались куда гуще, чем у Эффи. Глаза тоже темные и обильно накрашенные, брови густые и черные. Но главное отличие заключалось в том, как девушка двигалась: плавная змеиная грация экзотической танцовщицы, дразнящие манеры прирожденной

куртизанки. Эффи неуклюжа, угловата, порывиста, а эта девушка спокойна и бесстрастна, движения изысканны, она превосходно, почти болезненно владела собой.

Но едва я с гневным облегчением собрался выплеснуть на Фанни новую порцию проклятий, я увидел, что это все же Эффи - точнее, воплощение Эффи, о котором я даже не подозревал. На миг меня охватило восхищение - и еще кое-что примитивнее. Я хотел эту девушку, эту восхитительную цыганку. Может быть, в тот момент я хотел ее даже больше, чем денег Генри… по крайней мере, только этим я могу объяснить тот факт, что в ту же ночь не положил конец опасной шараде.

Когда Генри наконец ушел, Фанни забрала Эффи из маленькой гостиной и отвела в свою гардеробную, чтобы помочь ей переодеться. Там я увидел набор хитрых приспособлений, с помощью которых они создали женщину по имени Марта, все эти пудры, тени, краски и притирания Фанни теперь смывала всевозможными лосьонами и кремами. Затем нанесла на волосы Эффи прозрачный пахучий раствор и ополоснула чистой водой, чтобы смыть краску.

Все это время Эффи была апатична и не обращала внимания ни на мои замечания, ни даже на похвалу ее потрясающей игре, а когда последние следы ее маскировки исчезли, впала в тяжелую дремоту, словно ее чем-то опоили, и едва отвечала, когда я обращался к ней. Пристально взглянув на Фанни, я подумал: быть может, Марта - создание, рожденное мощными афродизиаками. Во что же, черт возьми, она играет?

Лишь в три часа ночи я смог забрать Эффи домой. Некоторое время она сушила волосы у огня, а потом Фанни объявила, что Эффи готова. Помню, они сидели рядом, а я смотрел: Эффи положила голову на колени к Фанни; Фанни расчесывает ее влажные волосы длинными мягкими движениями; Эффи, бессознательно подражая, гладит кошек у своих ног. Сходство этих женщин поразило меня: симметричные позы, покой на лицах - они были как сестры, как любовники. Я выпадал из этой картины, они невольно забыли обо мне - и хотя я не был влюблен в Эффи, я как-то тревожно озлился. Я витал в своих мыслях и виновато вздрогнул, когда Фанни наконец заговорила.

- Ну вот, моя милая, - нежно сказала она. - Пора просыпаться. Давай-ка.

Эффи, которая, насколько я видел, и так не спала, пошевелилась и приподняла голову.

- Шшш, да, я знаю, что ты устала, но сейчас тебе нужно идти домой. Помнишь?

Эффи что-то пробормотала, не то уступая, не то протестуя.

- Ну давай, Эффи. Ты скоро придешь снова.

Эффи подняла голову и, увидев меня, впервые за ночь радостно улыбнулась. Ее растерянность как ветром сдуло.

- Моз! - воскликнула она, будто я не просидел возле нее полночи. - Ах, Моз! - И будь я проклят, тут она вскочила и обвила руками мою шею.

Я собирался отпустить какую-нибудь колкость в ответ, но, заметив странное удовлетворение в лице Фанни, передумал. Ведьма что-то замышляла, и не такой я дурак, чтобы не придавать этому значения. Фанни Миллер - опасная женщина; запомните это - вдруг когда-нибудь встретитесь с ней.

В общем, как я уже сказал, мне нужно было отвезти Эффи домой, пока слуги не проснулись. Волосы ее подсохли, и она надела свое старое платье и плащ. Она казалась почти веселой, но избегала говорить о событиях в гостиной, свидетелем которых я стал. В экипаже я рискнул спросить напрямик, и она взглянула на меня пустыми чужими глазами.

- Спроси Марту, - просто сказала она и больше ничего объяснять не стала. Я решил не дразнить ее. Думаю, она знала, что я подсматривал, и говорить об этом ей было неловко. По-моему, вполне естественно. Фанни - вот с кем мне надо побеседовать. Это она все устроила, а Эффи была просто орудием. Несмотря на поздний час, доставив Эффи к дверям ее дома, я повернулся и отправился назад, на Крук-стрит.

Я знала, что он вернется. Я видела, с какой злостью он смотрел на нас, и знала, что он чертовски недоволен. Этому Мозу, ему нравилось все держать под контролем. И не нравилось, когда его держали в неведении. А еще он терпеть не мог, когда его использовали, - он был достаточно умен и понимал, что его в каком-то смысле и впрямь использовали, а мне важно было сохранять его расположение, пока от него был прок.

Я постаралась принять его порадушней, чем в нашу предыдущую встречу, и, сказать по правде, это было не трудно. Все прошло по моему плану и даже лучше, так что, когда появился Моз, я была в приподнятом настроении и полна энергии. Он же, напротив, был холоден и насторожен, он подозревал некий заговор, но не знал, с чего начать поиски. Он вошел в гостиную, руки в карманах, брови чуть нахмурены.

- Моз, как прият…

- Ты затеяла опасную игру с моим будущим, Фанни, - сухо перебил он. - Не хочешь объяснить, какого черта ты добивалась?

Я одарила его лучшей улыбкой из своего арсенала.

- Остынь, Моз, - засмеялась я. - На что ты жалуешься? Тебе ничто не угрожало, и ты это знаешь.

- Дело вовсе не в этом, - фыркнул он. - У нас был договор, и я ожидал, что ты будешь соблюдать его условия. В любом случае, ты рисковала, и на кон ты поставила меня. А что, если бы Честер узнал Эффи? Расплачиваться пришлось бы мне. Честер - засранец влиятельный, думаешь, он бы меня без звука отпустил? Он бы пошел на все…

- Ох, хватит ныть, - жизнерадостно перебила я. - Лучше присядь, а то мне надоело шею выворачивать. Я ничем не рисковала. При таком освещении и с такой маскировкой никто бы не узнал Эффи. Особенно Генри. Да он в жизни не поверит, что его жена может оказаться в подобной обстановке.

- Может быть. Но зачем вообще рисковать?

- Да садись ты.

Он хмуро повиновался. Я сдержала торжествующую улыбку. Он мой!

- Ты помнишь, как мы все планировали? - спросила я. Моз кивнул. - Ты спросил, почему я хочу в этом участвовать. - Я чувствовала, как напряженно он смотрит на меня. - Много лет назад, - продолжила я, - Генри Честер… ну, я тебе не скажу, что он сделал, но это было худшее, что кто-либо когда-либо делал со мной, и с тех пор я стремлюсь отомстить. Я могла бы убить его, я это знаю - но я старею. Не хочу закончить свои дни на виселице. Однако мое отмщение должно быть абсолютным. Я хочу, чтобы этот человек был полностью уничтожен. Понимаешь?

В его глазах загорелось любопытство, он кивнул.

- Мне не нужна его жизнь. Мне нужно его положение, его карьера, его брак, его рассудок. Все.

Моз неохотно улыбнулся.

- Ты ничего не делаешь наполовину, правда, Фан? Я рассмеялась:

- Это уж точно! И вот тут наши интересы совпадают, Мозес. Делай, что я говорю, и получишь свои деньги, кучу денег. Но… - Я замолчала, чтобы привлечь его внимание. - Если ты решишь действовать сам или попытаешься помешать моему плану, я тебе устрою. Не хотелось бы, конечно, но миссия мне гораздо важнее, чем ты. Если понадобится, я убью тебя. Я тебя уже один раз предупреждала. Помнишь?

Моз выдал обаятельную горестную ухмылку, и я поняла, что он лжет.

- Помню ли я? Я ни за что не стану тебе препятствовать, Фан.

Сомнительное обещание. Эта его невинность на зуб как свинцовый шиллинг - но это лучше, чем ничего. Поверьте, я говорила правду. Моз мне нравился, несмотря на его явное двуличие, - но я надеялась, что он действительно не станет мешать.

- Я хочу, чтобы Генри снова встретился с Мартой. На следующей неделе.

- Да? - Голос у него был спокойный, тон уклончивый.

- Вообще-то мне хочется, чтобы Генри встречался с Мартой как можно чаще.

Он усмехнулся; похоже, к нему возвращалось чувство юмора.

- Понятно, - вздохнул он. - То есть понятно, что развлечение хоть куда, но как это поможет хоть кому-то из нас, особенно если это значит, что я не могу трясти с Генри деньги?

- Терпение, - сказала я. - Ты скоро получишь свои деньги. Видишь ли, Моз, дорогой мой, благодаря перспективному планированию и элементарной химии Генри уже практически влюбился в Марту. Он рассмеялся.

- Вот это будет шутка, - злорадно сказал он.

- И через некоторое время ты сможешь обернуть эту шутку себе на пользу, - подсказала я.

Его обиду как рукой сняло. Я знала, что Моз с его любовью к нелепостям оценил иронию ситуации и хотя бы поэтому будет действовать со мной заодно. По крайней мере какое-то время. А пока у меня есть Моз, у меня есть Эффи.

Эффи, которая станет моим Тузом мечей.

Я как-то читала - наверное, в сказке, - что каждый мужчина тайно влюблен в собственную смерть и разыскивает ее с отчаянием настойчивого любовника. Если бы Эффи не сказала мне голосом Марты, что Генри Честер и есть Отшельник, я бы все равно догадалась - по мрачному блеску в его глазах, когда в ту ночь он, пошатываясь, вышел из моего дома. Я уверена: какая-то часть его преступной души узнала ее - нет, не Эффи, не бедную пустышку, ждущую, когда ею овладеет более сильный разум, но Марту, мою Марту, трепетавшую во взгляде его Эффи… Да, он узнал ее, старый Отшельник, и его потянуло к ней - холодный мрак могилы манил его. В те дни у меня были способы видеть то, что не видно глазу, - да и сейчас тоже, если требуется, - и я чувствовала его темную страсть и питала ее. Есть травы, чтобы затуманивать разум, и коренья, чтобы его пробудить,

зелья, чтобы раскрыть глаза души, и другие, чтобы складывать реальность в хрупких бумажных птиц… а еще есть духи, да, и привидения, неважно, верите вы в них или нет, они бродят по закоулкам преступного сердца и ждут возможности обрести новую жизнь.

Я могла бы рассказать вам о том, как на моих глазах моя мать вдохнула жизнь в глиняного человечка, нашептывая странные воспоминания в его безмозглую голову, и о том, как настоящий человек сошел с ума; или о корне, который съела одна красавица, чтобы поговорить с умершим любовником; или о больном ребенке, который покинул свое тело и полетел к умирающему отцу, чтобы прошептать старику на ухо молитву… я видела все это и многое другое. Качайте головой, говорите о науке, если вам угодно. Пятьдесят лет назад вашу науку назвали бы колдовством. Видите, он поднимается, беспокойный прилив перемен. Нас несут его темные загадочные воды. Прилив возвращает мертвых, нужно только верить и ждать. Нам обеим нужно только чуточку времени. Мне - чтобы подвести ее ближе. Марте - чтобы стать сильнее.

Мы ждали.

34

Странно, как умеет складываться время, точно льняные простыни в шкафу, приближая прошлое к настоящему так, что события соприкасаются, даже пересекаются. Когда я возвращался с Крук-стрит на Кромвель-сквер, на меня вдруг нахлынули воспоминания - яркие, с трудом верилось, что я так давно выкинул все это из головы. Будто рыжеволосая девушка разбудила спящую часть моего разума и освободила монстров прошлого.

Горькое мое возбуждение подстегивали призрачные видения проклятия: вину я мог терпеть - она была знакома, как линии на моих ладонях, - но не только вину я испытывал. Еще бесовскую, жестокую радость. Я впервые наслаждался своей виной, бесстыдно выставляя себя, как грошовая шлюха, пред суровым образом отца в моей душе. В бледном свете убывающей луны бежал я, и горячий уголек извращенной радости жег мое нутро. В тишине я кощунственно выкрикивал ее имя:

- Марта!

Казалось, я еще чувствую ее прикосновения на коже, ее запах стоял в ноздрях, запах тайны и дьявольского наслаждения… Я смеялся без причины, как сумасшедший, - рассудок ускользал от меня, как стыдливая девственница, скрывающая лицо под вуалью. И я вспомнил.

Мое первое причастие, всего четыре недели назад я совершил тайный, постыдный акт в комнате матери… Лето растаяло в гниющую, переспелую осень: толстые коричневые осы предательски вились вокруг яблонь, и даже в воздухе висело желтоватое марево, а тошнотворный сладковатый запах напоминал о ливнях после сбора урожая и плодах, оставленных гнить на ветвях.

В тот день причастие должны были принимать шестеро: четыре мальчика и две девочки. Мы шествовали от деревни к церкви, а за нами, распевая гимны, следовал хор. Родители со свечами в руках замыкали процессию. Это был торжественный день для моего отца - хотя мама и не пошла, она не любила жару, - и я понимал, что не стоит жаловаться. Но меня воротило от белого одеяния, так похожего на девчачью ночную рубашку, и еще этот стихарь поверх… Я ненавидел масло для волос, которым нянька намазала мне голову, у него был перезрелый сладкий запах гнилых яблок, и я боялся, что жирные осы будут неслышно кружить над моей головой. День стоял жаркий, я чувствовал, как пот капает с волос и лица на стихарь, течет, покалывая подмышки, живот, пах. Я пытался не обращать на это внимания, слушать приторное фальшивое пение мальчиков-хористов (мой собственный голос сломался всего неделю назад, хор теперь не для меня) и низкий суровый голос отца. Я старался не забывать, что сегодня у меня особенный день, сегодня я стану полноправным членом общины, и в следующее воскресенье, когда взрослые поднимутся для причастия, чтобы отпить вина из украшенного камнями потира, и протянут губы к таинственным белым кусочкам Тела Христова, я буду одним из них - я отведаю крови и плоти Спасителя.

И вдруг меня пробрала дрожь. Я читал о пресуществлении в отцовских книгах, о чуде Крови и Плоти. Но лишь теперь я осознал жуткий смысл этих слов. Что произойдет, когда я откушу от тонкой белой вафли и почувствую, как во рту она превращается в сырую плоть? Станет ли вино густой кровью, когда я поднесу кубок к губам? И если да, как же не упасть

в обморок на ступенях алтаря?

Кошмарное видение посетило меня: белый, как труп, я, омерзительно булькая, разбрызгиваю вокруг кровь и рвоту, а прихожане смотрят в ужасе и изумлении, и отец стоит в безмолвном потрясении, держа в руке блюдо с вафлями.

Я едва не потерял сознание. Может, меня наказывают, подумал я в отчаянии. Мне казалось, никто не видел меня в спальне матери. Я не признался в этом - не мог признаться в этом отцу, даже на исповеди, - ив своей греховной глупости я надеялся, что избежал наказания. Но Бог все это время был здесь, Бог все видел и теперь собирался заставить меня выпить кровь, и я знал, что упаду в обморок, в настоящий обморок, я уже чувствовал скользкую каплю крови в глотке, а если я оскверню Тело Христово, то буду проклят на веки вечные…

С неимоверным трудом подавил я ужас. Я должен идти дальше. Я должен пройти обряд. Иначе отецузнает, что я совершил, мне придется ему рассказать - и мысль о том, что он тогда со мной сделает, выдернула меня из оцепенения и заставила припустить к церкви чуть ли не бегом. Это не кровь, яростно говорил я себе, просто дешевое вино. И не мертвая плоть с какого-то старого распятого трупа. Это просто вафли, вафли, потому что хлеб слишком быстро черствеет. Я знал, что отец хранит их в шкатулке в особой ризнице. Я поднял глаза и увидел утробу церкви, готовую поглотить нас шестерых, одетых во все белое, как шесть белых вафель, и сдержал богохульный порыв захихикать. Мысленно я кривлялся:

(Дальше бояться? Да ерунда!

Вафли засунь себе знаешь куда…[30])

Тут я хихикнул вслух, да так громко, что отец пристально посмотрел на меня, и я сделал вид, что закашлялся. Мне уже сильно полегчало.

Служба тянулась целую вечность, отцовские слова казались тяжелыми осами, пропитавшимися сахаром в яблоневом саду. Я уставился на двух девочек, сидевших напротив, слева от прохода: Лиз Башфорт, страшненькая, краснолицая, в белом платье, которое было ей мало размера на три, и Присси Махони, чья мать "потеряла" мужа десять лет назад. Поговаривали, что никакого мужа не было и в помине, только сладкоречивый ирландский бездельник, который сбежал в Лондон, оставив "жену" и дочь справляться как знают. В любом случае, похоже, мать Присси вполне себе справлялась, потому что на Присси было новенькое платье для причастия, с оборками и белыми лентами, белые перчатки и белые туфельки. Я застенчиво поглядывал на нее поверх молитвенника и видел, как волосы у нее расплелись и двумя аккуратными волнами упали на грудь. От этого слова я слегка покраснел, но в том возрасте я почти ничего не знал о девочках, зато был ужасно любопытен. Я снова стал рассматривать ее, взгляд то и дело возвращался к маленьким холмикам под корсажем с лентами. Она ответила мне едва заметной улыбкой, и я поспешно отвернулся, еще больше краснея. Правда, потом еще раз десять поворачивался.

Я едва не пропустил сигнал отца к началу церемонии. Я поспешно встал и занял место в очереди, не сводя глаз с Присси. Мы шли к алтарю, и Присси, зная, что я по-прежнему наблюдаю за ней, намеренно небрежным жестом откидывала волосы назад и покачивала бедрами в жалкой пародии на обольщение.

Я так увлекся, что поначалу не заметил, как другие мальчики тоже смотрят на нее и довольно громко хихикают. Сначала я был весьма озадачен, потом застыл в ужасе. На белом одеянии Присси была кровь, она сочилась сквозь блестящий шелк в том месте, откуда начинаются ноги, - все долгие часы, что она сидела на скамье, кровь струилась из маленькой замочной скважины, пропитывая белую ткань. От страха желудок свело судорогой, а тело покрылось липким потом. Словно мои нечестивые мысли о Нем обрели форму. Спотыкаясь, шел я по проходу, зачарованный, шокированный кровавой замочной скважиной на платье Присси, не в силах оторвать от нее глаз. В тот кошмарный миг мне вспомнились отцовские музыкальные игрушки, и я представил, что Присси Махони - танцующая Коломбина в бело-голубом платье, приведенная в вечное движение моими грешными думами. Я видел, как она начинает двигаться, сначала неловко и отрывисто, потом с нечеловеческой плавностью разбуженного механизма,

непристойно задирая голые ноги, волосы развеваются, груди колышутся в оборках корсажа, и она все время улыбается своей отвратительной пародией на улыбку, и кровь течет по ногам, будто никогда не остановится…

Гораздо позже я узнал о менструации и, хотя явление это до сих пор вызывает у меня отвращение, я понял, что бедная Присси не была чудовищем, каким я, двенадцатилетний, ее считал. Но тогда я пребывал в полном неведении, и знал только, что Бог смотрит на меня глазом огромным и безжалостным, как небо, знал, что я проклят за насмешку над Телом Христовым, за то, что осмелился прийти к Причастию, не исповедавшись. Кровь была знаком, как кровь в потире и кровь внутри вафли, кровь как последствие первородного греха, кровь, кровь…

Потом мне рассказали, что я с воплем упал на пол в проходе. Отец сохранял ледяное спокойствие, как и всегда, - он велел положить меня в ризнице, пока остальные причащались, а затем отнес домой и без единого слова уложил в кровать. Я сутки провел в постели, а по деревне тем временем ползли слухи: я одержим дьяволом (иначе почему же случился этот припадок при виде Тела Христова); я сошел с ума; я умер.

Врач ко мне не приходил, зато отец все время, что я был в бреду и лихорадке, сидел рядом с Библией и четками и молился. Я не знаю, говорил ли во сне - как бы то ни было, от отца я об этом ничего не узнал, - но когда я очнулся на следующий день, он без единого слова выволок меня из кровати, вымыл жесткой мочалкой и натянул на меня одеяние для причастия. В молчании мы отправились в церковь, и там, перед большущей толпой зевак, я принял вафлю и вино без всяких происшествий.

Тогда слухи - нет, не прекратились, потому что в деревне ни один скандал не забывается, - но болтать стали меньше - по крайней мере, когда отец был в пределах слышимости. Официальная версия гласила, что со мной случился небольшой эпилептический припадок, и это сочли достаточным оправданием для того, чтобы я перестал ходить в школу и не попадал под влияние других мальчиков. Отец, как и Бог, не спускал с меня глаз, но никогда не упоминал о том случае в церкви, и я во второй раз ощутил тревожную высокомерную радость, оттого что вышел сухим из воды. А потом я вырос и не вспоминал об этой истории… До сего дня.

Присси Махони вот уже двадцать лет как мертва. Умер и мой отец, и нога моя не ступит больше на землю родной деревни… так почему же события того давно забытого лета кажутся мне такими близкими, словно все это произошло вчера? Я был дураком, свирепо сказал я себе, вот и все. Уже некому судить меня. Некому.

Но настроение изменилось, и хотя я пытался вернуть прежнюю беззаботную, бесстыдную радость, все было тщетно. На Кромвель-сквер я оказался перед рассветом, с изжогой и опухшими глазами.

Я заглянул в комнату Эффи и был потрясен своей реакцией - как мучительно видеть ее, белую и спокойную на смятых простынях, невинную как дитя. Какое право она имеет выглядеть невинной? Я ее знал, знал узкую колдовскую скважину меж ее ног, знал ее мерзкую греховность. Лицемерка! Если бы она была настоящей женой, мне бы не пришлось сегодня спать с хеймаркетской шлюхой и идти домой по холодным предрассветным улицам, преследуемому Фуриями памяти…

Но тут злоба моя натолкнулась на препятствие: Марта не была хеймаркетской шлюхой. Я знал это, и ярость отступила. Я вспомнил ее прикосновения, ее голос, вкус ее кожи, вспомнил ясно, будто влюбленный…

- Марта… - Я не осознавал, что говорю вслух, и вздрогнул от звука собственного голоса. Я взволнованно посмотрел на Эффи. Потревоженная моим голосом, она, кажется, шевельнулась под одеялом, беспокойно повернулась на подушке, тихонько, по-детски застонав. Я задержал дыхание, стоя у двери, внушая ей, чтобы она спала. Я простоял без движения минуту или две, боясь ее разбудить, затем осторожно толкнул дверь и вышел в коридор.

Внезапно что-то коснулось моих ног, и в нелепом приступе ужаса я подумал об игрушечной Коломбине с лицом Присси Махони, что тянет ко мне руки из темноты. Я чуть не закричал. Но увидел жуткий блеск глаз в тени и лишь тихо выругался. Снова чертова кошка Эффи!

Я зашипел на нее, и она зашипела в ответ, а потом вернулась в свою стихию, во мрак, и я прокрался к себе в комнату.

35

Когда я проснулась, солнце лилось в открытое окно и Тэбби сидела у моей кровати с шоколадом и печеньем на подносе. Я попыталась вспомнить сны прошедшей ночи, но обнаружила в памяти лишь несколько ярких несвязных образов: Фанни сидит у огня с Мегерой и Алекто, моя голова у нее на коленях; лицо Моза, бледно-желтое в свете камина; и Генри - после свадьбы он ни разу не улыбался мне с такой нежностью… Цветные картинки, разрозненные, словно перетасованная колода карт… и все же я чувствовала странную свободу и благополучие, каких не бывало с тех пор, как погиб мой ребенок.

Я резко села. Оказывается, я здорово проголодалась. Выпив шоколад и съев все печенье, я попросила Тэбби принести тосты.

- Честное слово, я, кажется, выздоровела, - радостно сказала я.

- Я, конечно, очень рада это слышать, мэм, - осторожно ответила Тэбби, - но вы же не станете переутомляться, пока окончательно не поправитесь? И мистер Честер сказал…

- Мистер Честер? А где он?

- Он сказал, что пойдет работать в студию и не вернется до вечера.

Надеюсь, мое облегчение было не слишком очевидно.

- Понятно, - произнесла я, приняв беспечный вид. - Ну, думаю, сегодня я вполне могу немножко прогуляться. Свежий воздух пойдет мне на пользу, и день просто чудесный, не правда ли?

- Но… Ведь мистер Честер сказал, мэм…

- Он сказал, что я не должна утомляться, пока не поправлюсь. Думаю, я сама могу судить, будет ли вред от короткой прогулки.

- Очень хорошо, мэм.

Я обняла себя в тайном восторге: я одержала маленькую победу.

Эм помогла мне одеться в элегантное золотистое платье для прогулки и подходящую шляпку. Взглянув на себя в зеркало, я заметила, как побледнела за последние недели, под глазами темные круги (или это тень от полей шляпки?), и храбро улыбнулась отражению, дабы прогнать затаившегося призрака, что прятался в моем лице. Хватит, сказала я себе, я была больна, но теперь все прошло. Моз все исправил, и вскоре мы сможем… Я потерла глаза в неожиданном замешательстве. Что мы сделали, Моз и я? Была ли я на Крук-стрит прошлой ночью? А если была, то что я там делала?

У меня закружилась голова, и я оперлась о туалетный столик, чтобы не упасть. Странное воспоминание возникло из сумятицы мыслей: Фанни моет мои волосы над раковиной и сушит их, пропуская сквозь пальцы… красно-коричневая краска смывается с моих светлых прядей… Нет, это, верно, был сон. Зачем Фанни красить мне волосы? Я хмуро взглянула на свое отражение, пытаясь вспомнить, но пока я смотрела, глаза, казалось, меняли цвет, волосы темнели, кожа приобретала теплый золотистый оттенок китайского чая… Я чувствовала, как немеют пальцы, отвисает челюсть и душа выскальзывает из тела, словно засохший лист из книги… Я знала, что должна вспомнить… Но намного проще лететь воздушным шариком по воле любого ветерка, слушать, как Фанни нежно уговаривает меня засыпать, говорит, что все хорошо, что можно забыть, что все хорошо…

Я ощутила, как два сильных рывка вернули меня назад в тело, и отогнала воспоминание в темноту. Я не хотела вспоминать.

(Шшш все в порядке тебе не нужно знать тебе не нужно все шшш…)

Мне было ни к чему помнить. Фанни все контролировала.

Когда я вышла из дома, было уже позднее утро. К полудню я добралась до жилища Моза. Он только встал, глаза красные (видно, он плохо спал), светлые волосы беспорядочно свисают на бледное лицо. Даже в таком виде он, как и прежде, поражал безупречностью черт и почти женственной красотой - женственной, да, если не замечать капризные складки у губ,

прищуренные беспокойные глаза и вечную насмешку. Сквозь приоткрытую дверь он одарил меня сверкающей улыбкой - точнее, полуулыбкой, потому что в узкую щель мне была видна лишь половина лица. Из щели повеяло спертым воздухом и табаком. - Эффи! Подожди минутку.

Дверь снова закрылась, а через несколько минут распахнулась, явив взору неприбранную комнату Моза. Он, очевидно, пытался создать видимость порядка и даже открыл окна. Чмокнув меня в губы, он растянулся в кресле, ухмыляясь.

- Глоток бренди, Эффи?

Я покачала головой. Моз щедро плеснул в стакан темной жидкости и осушил его одним быстрым привычным глотком.

- Это чтобы отметить, - пояснил он, вновь наполняя стакан. - Ночью ты была великолепна, дорогая.

Ночью?

Вид у меня, вероятно, был озадаченный, потому что Моз еще шире оскалился и насмешливо поднял стакан.

- Понимаю, ты смущена, милая, - поддразнил он. - Как некрасиво с моей стороны вообще упоминать об этом. Как бы то ни было, именно благодаря твоему восхитительному представлению Генри у нас на крючке. Ты должна проявить лишь каплю терпения, и он будет наш. Твой, - выразительно поправился он, опрокинув в рот остатки бренди. - Целиком и полностью.

Чутье подсказало мне, что потерю памяти от Моза лучше скрыть. Мне нужно было время подумать.

- Ты хочешь сказать, что план сработал?

- Еще лучше, - заявил Моз. - Генри все проглотил: крючок, лесу и даже грузило. Больше того, Фанни говорит, Марта его сразила наповал. - Он как-то странно подмигнул мне, будто на что-то намекая. - Еще пара недель, и мы заставим дорогого Генри выложить нам любую сумму.

- Вот как? - Я начинала понимать, что к чему. - А как же я? Ты сказал…

- Терпение, моя дорогая. - Его улыбка показалась мне чересчур хитрой. - Дай мне пару недель, чтобы над ним поработать. Потом, с деньгами… Ты бы не хотела пожить во Франции, дорогая?

Я озадаченно уставилась на него:

- Во Франции?

- Или в Германии, или, если хочешь, в Италии. Говорят, в Италии большой спрос на художников.

- Я не понимаю. - Я чуть не плакала. Чудовищное ликование сквозило в его улыбке, он походил на тролля.

- Конечно, Генри может не дать тебе развода, - безжалостно продолжал он. - Так что, возможно, ты никогда не сможешь вернуться домой. Но ты ведь не будешь скучать? И по тебе, думаю, скучать никто не будет? Я прошу тебя стать миссис Моз Харпер, глупышка, - объяснил он, заметив мой беспомощный взгляд. - С деньгами Генри мы бы смогли весьма недурно устроиться, да и мои картины будут приносить доход. Конечно, скандала не избежать, но к тому времени ты уже будешь далеко - да и какая тебе разница?

Я продолжала безучастно смотреть на него. Я казалась себе заводной игрушкой с неисправным механизмом, наделенной способностью двигаться, но застывшей в глупой тишине.

- Ну, - протянул Моз после долгой паузы. - Ты сбила с меня спесь. Я-то думал, я мужчина обаятельный… Но теперь вижу, что ты скорее сбежишь с пряничным человечком.

- Нет. Я… я никогда не думала… я не представляла, что смогу освободиться от Генри, особенно после того, как ты сказал… - У этих незнакомых слов был металлический привкус, они протискивались сквозь зубы с отчаянной силой.

- Эффи, не важно, что я сказал. Я говорил, что люблю тебя, помнишь?

Я молча кивнула.

- Я также понимал, что в моем теперешнем финансовом состоянии у меня нет возможности жениться на тебе.

Меня в любой момент могли бы посадить в долговую яму. Что дал бы тебе такой брак?

- Поэтому ты…

- Поэтому я тебе солгал. Сказал, что не хочу жениться на тебе. Это было больно - но не так больно, как если бы я сказал правду. - Он ободряюще улыбнулся и обнял меня за талию. - Но теперь, если я смогу убедить Генри поделиться частью своего богатства, нам на всю жизнь хватит. К тому же Генри кое-что тебе должен за все те страдания, что он причинил.

Звучало убедительно. Я позволила вовлечь себя в радостную фантазию на двоих, нарисованную умелой рукой Моза: мы живем в Париже или Риме, или Вене, и Моз зарабатывает кучу денег, продавая свои картины, а Генри Честер - смутное воспоминание.

Но мысли о прошедшей ночи (“твое восхитительное представление”) беспокойно мельтешили где-то на краю сознания, отвлекая меня. Я словно была где-то далеко. На мгновение закружилась голова, и я схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть. Потом нахлынули образы (или воспоминания?), резкие, сбивающие с ног, как чистый джин…

Я снова была в своей комнате, собиралась ложиться спать, зажав под мышкой любимую куклу. В углу у окна на легком сквозняке покачивались шарики, которые Мама купила ко дню моего рожденья. Я была весела и счастлива, но в то же время неясно беспокоилась и угрызалась, потому что Тот увидел меня на лестнице. И хотя Тот казался довольно дружелюбным, я знала, что Мама не хотела бы, чтоб я приглашала его в свою комнату.

Я отогнала воспоминание, резко тряхнув головой, и на секунду мир встал на место, вновь ясный и четкий. Потом все завертелось, и я снова очутилась…

в той комнате с (отшельником) Плохим Дядей, но теперь я не боялась. Во рту был соленый медный привкус, и я не сразу поняла, что это

ненависть. Но (Генри) Плохой Дядя смотрел на меня, и я томно прищурилась, как египетская кошка, и с улыбкой кивнула, как китайский болванчик. Плохой Дядя не узнал меня (Генри не узнал меня), скоро я стану сильной…

Видение вдруг рассыпалось в звонкий бессвязный калейдоскоп отрывочных сцен, воспоминания рвались наружу, во все стороны, возник какой-то звук - еле слышное бормотание, постепенно нарастало, становилось все громче, пока не превратилось в маниакальный вой, стенание на самой грани рассудка. И в этом вое я различала слова, мысли, отчаянные вопросы и бесформенные ответы. Мой разум бессмысленно бился в утыканную шипами стену звука, пытаясь не слышать, не вспоминать.

(буду ли я летать или)

(нет мамочка плохой дядя не пускай плохого дядю нет) (жалить жалить жалить жалитьжалитьжалитьжалитьжа…)

(это был генри генри убил ее генри убил) (марта)

(я это была я но я вернулась я теперь вернулась) (о мы теперь повеселимся мы научимся жалить маленькая сестренка мы будем) (летать?)

(потому что генри убил мою…)

(марта)

(марта)

(марта)

Истошный вопль, рой ос в пламени, лезвием по глазам разума. Я смутно чувствовала, как руки царапают мое лицо, как голос - мой собственный - кричит сквозь свист безумия:

- Нет! Уходи! Уходи! Уходи! Это Эффи! Эффи! Эффи! Эфф… - снова и снова повторяя мое имя.

Потом я услышала в голове голос Фанни, голос моей матери, моего

якоря, моего друга. В бреду мне стало легче, я расслабилась, и все стихло. Казалось, ее руки ласково перебирают мои волосы, рассеивая страхи.

(шшш все хорошо малышка все хорошо тебе не нужно ничего помнить)

(но Фанни в моей голове кто-то был и я была)

(шшш теперь недолго пока мы не разберемся с генри)

(но я)

(шшш к тому же тебе это нравится тебе этого хочется) (…?)

(он и тебя обидел и тебя испугал теперь у тебя будет подруга она поймет) (марта?)

(не бойся мы понимаем мы можем помочь тебе мы любим) (любите?)

(о да впусти меня я так люблю)

Представьте, как снежинка опускается в глубокий колодец. Представьте, как хлопья сажи падают с тусклого лондонского неба.

(я люблю)

(я…)

Потом - ничего.

36

Бедный Моз! И бедная Эффи. Чего-то подобного следовало ожидать. Я очень старалась заставить Эффи забыть все, что она делала в состоянии транса, - ей бы это лишь навредило. Но оказалось, что моя власть над ней куда слабее, чем я думала. Многие верят, что настоящий гипнотизер способен заставить человека сделать почти что угодно - это неправда. Марта была Эффи во всех смыслах, или, если хотите, Эффи превратилась в

Марту. Мне нравится думать, что они с моей Мартой были каким-то образом связаны - возможно, благодаря их общему опыту с Генри. Мне нравится думать, что Эффи была наделена даром ясновидения и моя Марта могла говорить со мной, прикасаться ко мне через нее… Но я осознаю, что голос разума говорит другое. Этот злорадный ледяной голосок говорит, что Марта родилась благодаря внушению и зависимости Эффи от опия, что она видела лишь то, что я хотела ей показать, и действовала только по моим указаниям. Может, и так.

Голос разума чем-то напоминает мне голос Генри Честера - слабый и раздражительный. Я вам вот что скажу: сегодняшняя наука - это вчерашняя магия, а сегодняшняя магия может завтра стать наукой. Любовь - единственная постоянная в этом суровом рациональном мире, любовь и ее темная половина, ненависть. Можете мне не верить, но мы вызвали Марту, Эффи и я, из любви и ненависти, мы приютили ее, и она позволила нам взглянуть на тайну. Вы можете думать, что я просто использовала Эффи - уверяю вас, это не так. Я люблю ее как собственную дочь, и знаю, что они обе - два лица одной женщины. Все вместе мы - три в одной, Эринии, неразделимые и непобедимые, связанные любовью. Это любовь подсказала мне заставить Эффи забыть то, что я ей показала, и любовь снова привела ее к нам, когда она нуждалась в матери и сестре. Я знала, что когда-нибудь это случится. Просто это случилось раньше, чем я думала.

В пятницу днем на Крук-стрит появился Моз, растрепанный и возбужденный. К нему приходила Эффи, и с ней, очевидно, случился припадок, который весьма встревожил Моза. Я предложила ему простое доступное объяснение. Голос разума сумел хотя бы на время рассеять сомнения Моза, и он ушел не то чтобы удовлетворившись, но приняв мою версию. Эффи, как он сообщил, вернулась на Кромвель-сквер с наказом не выходить из дома до следующего четверга, и я не сомневалась - она не даст Генри повода для подозрений. Я верила в нее. Нам обеим нужно только чуточку времени.

В ту неделю я почти не видел жену. Я ничего не мог с собой поделать - мне были невыносимы ее присутствие, ее запах, ее голос. Я вкусил сильной плоти, и бледная немочь Эффи теперь ужасала меня. От нее все время пахло опием - она регулярно принимала настойку, без моих указаний, и я заметил, что по мере того, как действие лекарства ослабевало, она становилась все раздражительнее. Она мало ела, еще меньше говорила, только смотрела обвиняющим дымчатым взором. Кошка все время сидела у нее на коленях, злобная верная подруга, уставившись на меня узкими желтыми глазами. Я невольно заразился этой манией: мне казалось, они осуждают меня, видят меня насквозь.

Не в силах это выдержать, я вновь начал переписку с доктором Расселом, выражая опасения по поводу психического состояния жены. Даже сейчас я не знаю, почему так поступил. Быть может, я понимал уже тогда, что жизнь с Эффи станет нестерпимой, после того как я попал под чары Марты. Я несколько раз виделся с Расселом; я сказал ему, что новое лекарство, хлорал, - именно то, что мне нужно для борьбы с бессонницей. Не зря он хвастался, что у этого снотворного нет побочных эффектов. Кроме того, мы обсудили очевидное пристрастие Эффи к опию.

Рассел выказывал вежливый, почтительный интерес, проницательные серые глаза сосредоточенно поблескивали, когда он перечислял разнообразные мании, которым часто подвержены женщины ее склада, и ссылался на случаи истерической каталепсии, шизофрении и нимфомании. Неразвитый интеллект, говорил он мне, делает женщин более подверженными психическим заболеваниям, и казалось, эта мысль доставляла ему абстрактное удовольствие, как настоящему ученому. Мне пришло на ум, что в лице Рассела я мог бы обрести бесценного союзника. Пилигрим в поисках самых экзотических случаев безумия, коллекционер испорченных мозгов. Однажды - мысль, едва оформившись, была аккуратно припрятана до лучших времен - его можно убедить добавить Эффи к своей коллекции. Я сложил его письма стопкой и запер в ящике стола с притворной беззаботностью отравителя, откладывающего смертоносный сосуд на потом.

Я проводил все дни в студии, пытаясь закончить “Игроков в карты”, и впервые в жизни писал без натурщицы. Я отыскивал в памяти ее полузабытые черты, перенося их на холст маслом и пастелью. Я вспоминал текстуру ее волос, тепло кожи, небрежный поворот головы, и, словно по

волшебству, она обретала форму под моими пальцами. Я не делал набросков и писал сразу, с осторожностью любовника: красноватый свет играл на ее скулах, подчеркивая беззащитную надменную линию подбородка, изгиб бледных трепещущих губ; отблеск огня отражался в ее угольных глазах. Она взглянула через стол на другого игрока, губы ее чуть сжались, а темные брови изогнулись насмешливой дугой: она смеялась или торжествовала. Я писал ее фигуру темными красками, чтобы выделить лицо, - пожалуй, самые выразительные черты за всю мою карьеру художника - и окружил ниспадающие волосы красным ореолом; лицо неопределенно, опасно сияло, будто позади нее бушевал пожар. Пять дней я лихорадочно работал над своей Пиковой Дамой, затемняя готовые участки холста, чтобы привлечь внимание зрителя к ее лицу, только к лицу.

Как-то раз, всего на мгновение, я уловил определенное сходство с Эффи в ее подвижных, изменчивых чертах - но едва эта мысль появилась, я понял, что ошибся. Марта была такой живой, трепещущей, ее нельзя сравнивать с моей маленькой девочкой-нищенкой - попробуйте сравнить пламя с листом бумаги. Я инстинктивно знал, что, доведись им встретиться, ненасытная энергия Марты полностью поглотила бы Эффи.

Всю неделю я сгорал от желания. Ночами я корчился и стискивал кулаки под тяжелым покрывалом, а Око Бога гвоздем впивалось мне в затылок. Простыни горели, тело источало похотливую влагу, меня мутило от собственного зловония, но страсть не остывала.

Шесть ночей я черпал сон в пузырьке с хлоралом - до сих пор помню темно-синее стекло, что хранило бесстрастное противоядие от всех распутных снов. Изнуренный лихорадкой и вожделением встречал я рассвет четверга, предчувствуя роковую развязку. Идти к ней второй раз было ошибкой - теперь я это знал. Шехерезады не существовало, не было никакой сказочной девы с глазами-гранатами. Сегодня она будет дешевой шлюхой, искусно освещенной и одетой, но все равно шлюхой, и вся чудесная алхимия исчезнет. Сегодня я это знал.

Я пришел в полночь. Я смотрел, как часы в холле отсчитывают последние секунды, и с первым ударом вздрогнул от дурного предчувствия. Когда эхо потонуло в тишине, позади меня открылась дверь, и появилась Фанни, затянутая в желтую парчу, с волосами как

виноградные лозы. Две ее подруги извивались у ног; стараясь избегать их немого презрительного взгляда, я следовал за Фанни, но не в красную гостиную, как в прошлый раз, а вверх по лестнице, в комнату на втором этаже, которую я прежде не видел.

Она постучала в дверь, затем молча отворила. За дверью было практически темно, свет из коридора на миг уничтожил нежное освещение внутри. Я услышал, как дверь резко захлопнулась у меня за спиной, и с минуту растерянно озирался. Комната была большая и почти пустая, горело лишь несколько газовых рожков с абажурами синего стекла. На миг вспомнился пузырек с хлоралом, дарящий оцепенелое забытье, и меня пробрала дрожь - но виной тому оказались не мысли: в комнате было холодно, погасший очаг скрывала темная китайская лаковая ширма. На полу лежали ковры, но стены были голые, и комната казалась мертвой, в ней не было ничего от великолепия красной гостиной. Единственным предметом мебели, который я заметил, был небольшой столик, на нем стояли голубой графин и стакан.

- Не стесняйся, налей себе выпить, - прошипел голос сзади, и вдруг она оказалась здесь - поразительно, какой незаметной она могла быть, когда хотела. Ее черные волосы (почему я думал, что они рыжие? Черные, как вороново крыло, черные, как у Пиковой дамы) струились дождем меж ее распростертых рук. Она была белой, словно дымка, в этом мертвенном свете, губы - смазанное пятно и удивительной синевы глаза на готически бледном лице. Платье из хрусткой ткани топорщилось вокруг ее нежной плоти, и роскошь его странным образом диссонировала с аскетичной обстановкой, будто она - забытая Коппелия[31] в пустой мастерской, ждет, чтобы ее завели.

Я машинально налил себе полный стакан жидкости из василькового графина - маслянистой и пряной, с резким можжевеловым привкусом - и вновь постарался превозмочь ощущение нереальности происходящего. Мне вдруг показалось, что в напиток подмешан хлорал: я тонул в водянистой пустоте, а Марта раскачивалась, словно призрак подводою, русалка-утопленница, с запахом водорослей и гнили в развевающихся волосах. Холодные руки обвили мою шею, я почувствовал, как ее губы на миг прижались к моим, голос шептал мне на ухо еле слышные непристойности, и я рухнул на нее, цепляясь за ее платье, увлекая за собой на пол, на тусклое морское дно. Ее кровь стучала в моих ушах, ее плоть

могла наконец задушить мое чувство греха.

Буря стихла. Мы лежали рядом на мягких голубых коврах, и она нашептывала мне длинную, похожую на сон сказку о женщине, что менялась вместе с луной, вырастая из юной девушки в прекрасную женщину, а потом превращаясь в омерзительную старуху, и так проходил месяц… Желание вспыхнуло снова, и я нырнул в нее, как дельфин в волну.

- Я должен увидеть тебя снова. Я должен увидеть тебя снова очень скоро.

- В следующий четверг. - Ее шепот констатирует факт, бесстрастно, почти грубо - голос дешевой шлюхи, составляющей график.

- Нет! Я хочу увидеть тебя раньше.

Она рассеянно качает головой. Матовая парча платья обвивается вокруг ее лодыжек и коленей, выше она обнажена как луна, и соски кажутся небесно-голубыми на припудренной коже.

- Я могу видеться с тобой лишь раз в неделю, - терпеливо говорит она. - Только по четвергам. Только здесь.

- Почему? - Злость кислотой выплескивается из меня. - Я ведь плачу тебе, разве нет? Куда ты уходишь в остальные дни? С кем ты уходишь?

Испорченная Коломбина нежно улыбается сквозь влажные локоны.

- Но я люблю тебя! - Теперь я несчастен. Я хватаю ее тонкую руку так крепко, что останутся синяки, и жадно, так жадно… - Я лю-блю… - (Откровение.) - Я люблю тебя!

Свет дрожит. В одурманенных глазах отражается мое умоляющее лицо. Она слушает, как ребенок, чуть склонив голову набок.

- Нет. Ты меня не любишь. Недостаточно. Еще нет, - спокойно говорит она.

Она жестом прерывает мои мучительные возражения и натягивает сброшенное платье с развратным изяществом, точно избалованная девочка,

примеряющая наряды матери.

- Ты полюбишь, Генри, - тихо говорит она. - Скоро ты полюбишь.

Я долго сижу один в этой голубой комнате, опутанный сетями своей страсти. Она оставила шелковый шарф на полу у моих ног; я мну и сжимаю его в руках, как первобытное начало во мне хотело бы мять и сжимать ее бледное горло… но Шехерезада ушла, по пятам преследуемая волками.

Марта. Марта. Марта! Этим именем я мог свести себя с ума. Марта, мой грошовый суккуб, мое восковое, тающее лунное дитя. Куда ты уходишь, любимая моя? В тусклый подводный склеп, куда стекаются ундины? В каменный круг, танцевать до рассвета с другими ведьмами? Или ходишь на берег реки, накрасив губы алым, в платье с глубоким вырезом? Может, ты валяешься в грязных переулках с отребьем и калеками? Чего ты хочешь от меня, Марта? Скажи мне, чего ты хочешь, и я дам тебе это. Что бы это ни было.

Что бы ни было.

38

Мы с ней были одни, совсем одни, а Генри грохотал по дому, как семечки в высушенной тыкве, погруженный в свои мрачные грезы… Мы были вдвоем.

Она следовала за мной, словно кривое отражение в кошачьем глазу, мой бледный отпечаток на сетчатке, и шептала мне в темноте. Марта, сестра моя, тень моя, любовь моя. Ночью мы тихо разговаривали под одеялом, секретничали, как дети; днем она сидела рядом, невидимая, держала меня за руку под столом, бормотала на ухо что-то утешительное. Я не видела Моза - он думал, наша встреча может навредить его планам, - но я не была одинока. И я не боялась: мы приняли друг друга, она и я. Впервые в жизни у меня появилась подруга.

Я симулировала болезнь, чтобы мы могли быть вместе, пила опий и притворялась спящей. Мои сны были волшебными кораблями, с парусами как крылья, они парили высоко в ясном небе. Впервые за много лет я освободилась от ненавистной мучительной вины, которую Генри выстроил вокруг меня стеной, освободилась от Генри, освободилась от себя самой. Я была прозрачна, как стекло, чиста, как родниковая вода. Я открывала окна в спальне и чувствовала, как ветер свистит сквозь меня, будто я стала флейтой…

- Что же это, мэм!

Голос Тэбби вырвал меня из мечтательной эйфории, и я обернулась, ощутив вдруг головокружение и слабость. Тэбби поставила поднос и подбежала ко мне. В глазах двоилось, но я видела, что она испугана и встревожена. Она заключила меня в объятия, и мне на секунду показалось, что это Фанни пришла забрать меня домой, и я снова расплакалась.

- Ах, мэм! - поддерживая одной рукой за талию, она почти отнесла меня на кровать. - Просто прилягте на минутку, мэм. Я сейчас все сделаю. - Взволнованно кудахча, она захлопнула окно и стала укрывать меня одеялами, не успела я и слова сказать. - Ну надо же, стоите тут на холоде, совсем без ничего, так и помереть недолго, мэм! Только подумайте, что бы сказал мистер Честер, если б узнал, а вы такая легонькая, прямо как перышко. И так мало кушаете, совсем мало, мэм, ах, что же…

- Пожалуйста, Тэбби, - с тихим смехом перебила я. - Не волнуйся ты так. Я уже вполне здорова. И я люблю свежий воздух.

Тэбби решительно затрясла головой:

- Только не этот мерзкий ветрило, мэм, вы уж простите. Он губителен для легких, просто губителен. Чашечка горячего шоколада, вот что вам нужно, и покушать, только не то, что говорит этот доктор Рассел, нет, вам нужна настоящая деревенская еда…

- Доктор Рассел? - Я старалась говорить ровно, но голос не слушался. - Он сказал, что не станет посылать за доктором! Со мной все хорошо, Тэбби, все хорошо.

- Не волнуйтесь так, мэм, - начала успокаивать меня Тэбби. - Осмелюсь

сказать, мистер Честер переживает за вас, вот и позвал врача, чтобы посоветоваться. Наверное, не нужно было вам говорить.

- Ах, нужно, Тэбби, конечно, нужно. Ты правильно сделала, что рассказала мне. Пожалуйста, что сказал доктор? Когда он приходил?

- Да вчера, мэм, когда вы спали. Я точно не знаю, что он сказал, мистер Честер говорил с ним наедине в библиотеке, но он попросил меня проследить, чтобы вы продолжали принимать свои капли, и давать вам много теплого питья и легкой еды. Куриный бульон и желе, и все такое. - Тут ее лицо снова помрачнело. - Вам нужна хорошая питательная еда, настоящие пудинги и мясо, и, может быть, стаканчик портера. Вот что вам нужно, а вовсе не бульоны и желе. Так я и сказала мистеру Честеру.

- Генри… - пробормотала я, стараясь обуздать волнение. Какая разница, даже если он говорил с доктором? Скоро он уже ничего не сможет сделать. Мне просто нужно оставаться спокойной, не давать ему ни малейшего повода для недовольства. Вскоре Моз готов будет осуществить свой план. А пока…

(Шшш… спи. Шшш…)

Тэбби протягивала чашку шоколада.

- Шшш, мэм. Выпейте и ложитесь. Это вам обязательно поможет.

Я заставила себя взять чашку.

- А ваши капли? Вы уже приняли лекарство, мэм?

Я невольно улыбнулась. Мысль о том, чтобы не принять настойку, вдруг ужасно развеселила меня. Я кивнула, все еще улыбаясь.

- Тебе скоро придется сходить в аптеку, Тэбби, и купить еще. Бутылочка почти закончилась.

- Конечно, схожу, мэм, - заверила Тэбби. - Прямо сегодня и пойду, будьте покойны. Теперь допивайте шоколад, и я принесу вам завтрак. - И строго добавила - На сей раз вы должны хоть что-то съесть!

Я снова кивнула и закрыла глаза, на меня вдруг нахлынула усталость, заболела голова. Услышав, что дверь за Тэбби закрылась, я тут же снова открыла глаза. Тисси легко вспрыгнула на покрывало рядом с моей рукой, и я машинально потянулась ее погладить. Она с урчанием свернулась на подушке совсем близко ко мне, и мы вместе немножко поспали.

Проснувшись, я увидела на прикроватном столике чашку с остывшим шоколадом и поднос с обещанным Тэбби завтраком. Чай - давно холодный - и тост с беконом и омлетом. Наверное, я проспала целый час. Я вылила чай в окно, а яйца и бекон отдала Тисси, которая съела все с большим аппетитом, - по крайней мере, бедняжка Тэбби порадуется, что хоть раз моя тарелка не отправится назад нетронутой. Я самостоятельно надела старое серое домашнее платье, убрала волосы под белый чепец, затем умылась и, взглянув в зеркало, отметила, как бледна я и утомлена. Даже глаза казались бесцветными, а скулы обозначились с неестественной резкостью. Мне было все равно. Я никогда не считала себя хорошенькой, даже в те дни, когда была Маленькой Красавицей мистера Честера. Красивой всегда была Марта. Не я.

Генри, как всегда, работал в студии, он теперь почти все время проводил там. “Игроки в карты” были закончены, и картина уже удостоилась похвалы Раскина. Тот посоветовал Генри выставить ее в Королевской академии и обещал написать прекрасную статью о Генри в газеты, но Генри был равнодушен, словно все это его не слишком интересовало. Он сказал мне, что теперь работает над новым проектом, большим полотном под названием “Шехерезада”, но был на удивление немногословен. Я заметила, что он вообще стал мало говорить: мы ужинали почти в тишине, и звяканье приборов о фарфоровую посуду жутковатым эхом разлеталось по столовой. Несколько раз я жаловалась на легкое недомогание, чтобы избежать этих пугающих трапез: Генри жует, мои пальцы нервно барабанят по бокалу, а голос царапает тишину, отчаянно пытаясь ее порвать. Иногда Генри пробуждался от пустых раздумий и разражался яростными тирадами, и я впервые начала понимать Генри Честера: я знала, что он ненавидит меня с гнетущей, затаенной страстью, вне разума или логики. Это было что-то стихийное, безотчетное, как осиный рой, ведающий лишь всепоглощающую потребность жалить… Я не сомневалась: Генри не осознавал, что ненавидит меня. Это спало в нем, росло в темноте и ждало своего часа… Я надеялась, Моз скоро начнет действовать.

Следующие четыре недели я провела в дурмане, обрывочном полусне, как гусеница в куколке. У моего тела появились новые необычные пристрастия: я в огромных количествах поглощала конфеты и печенье, к наивному восторгу Тэбби, хотя раньше не любила сладкое, а вместо чая начала пить лимонад. Мне не дозволялось выходить из сада - если я хотела подышать воздухом, рядом всегда был кто-то из прислуги, чтобы составить мне компанию у пруда или на веранде: Эм со своей беспечной болтовней или Тэбби, косноязычная, но неизменно добрая, в цветастой блузе с подвернутыми рукавами, открывавшими полные красные руки, ее обветренные проворные пальцы всегда были заняты вязанием или шитьем. В плохую погоду я часами сидела у окна, смотрела на дождь и вышивала - впервые я получала удовольствие от этой однообразной работы. Время текло незаметно, и иногда за целый день в голове моей не рождалось ни одной связной мысли. В мозгу появились огромные пустоты, провалы в памяти, меж которыми мелькали беспорядочные картины, застигавшие меня врасплох и ослеплявшие внезапной яркостью.

Однажды утром, когда Генри не было, ко мне пришли тетя Мэй и мама. В тот день я была в таком смятении, что едва узнала их. Мама щеголяла в розовом пальто и шляпке со страусиными перьями и оживленно рассказывала о некоем мистере Дзеллини, который возил ее кататься в своей двуколке. Тетя Мэй постарела; целуя ее, я чуть не расплакалась безо всякой причины, с неожиданной ностальгией вспомнив прежние дни на Кранбурн.

Тетя Мэй проницательно посмотрела на меня ясными черными глазами, затем крепко прижала к своей плоской груди и пробормотала еле слышно:

- Ох, Эффи, возвращайся домой, ты знаешь, ты всегда будешь у меня как дома, что бы ни случилось. Возвращайся домой сейчас, пока не стало слишком поздно.

Плакать хотелось еще и потому, что я знала: уже слишком поздно. Теперь у меня новый дом, новая семья. На миг меня охватил ужас: я словно тонула в чужих воспоминаниях… Может, будь мы одни, я попробовала бы рассказать тете Мэй, что со мной происходит, но рядом была мама, радостно перечислявшая достоинства мистера Дзеллини, и Тэбби вытирала

пыль в холле, напевая разудалую песенку из водевиля… все это было так далеко от Крук-стрит, что я не находила слов, чтобы начать рассказ.

Как-то вечером, готовясь ко сну, я с мучительным желанием вдруг подумала о Мозе и с изумлением поняла, что вот уже целых две недели о нем не вспоминала. Голова закружилась, я беспомощно упала на кровать, охваченная безысходной тоской, одиночеством и чувством вины. Как я могла забыть того, кого любила, того, за кого могла бы умереть? Что со мной происходит? Если я забыла Моза, маму, тетю Мэй, что еще я могла забыть? Может, я действительно теряла рассудок. Что происходило со мной ночью, когда казалось, что я крепко сплю? Почему однажды утром я обнаружила свой плащ в шкафу, мокрый, словно я выходила под дождь? Почему опиумной настойки в бутылочке оставалось все меньше, хотя я не помнила, чтобы хоть раз ее пила? И отчего растет убежденность, что вскоре что-то случится, что-то очень важное?

Я стала вести дневник, чтобы ничего не забывать, но, перечитывая исписанные страницы, не могла вспомнить, как написала половину того, что там было. Отрывки стихотворений, имена, неразборчивые рисунки… а кое-где почерк настолько отличался от моего, что я сомневалась, я ли это вообще писала. У меня буквы всегда выходили аккуратные, закругленные, а это чужой почерк - просто бесформенные каракули, будто незнакомка лишь недавно выучилась писать.

Однажды я открыла дневник и прочла свое имя, ЮФИМИЯ МАДЛЕН ЧЕСТЕР, повторенное много-много раз. В другой раз почти полстраницы было исписано именами кошек Фанни: ТИСИФОНА, МЕГЕРА, АЛЕКТО, ТИСИФОНА, МЕГЕРА, АЛЕКТО, ТИСИФОНА… Но иногда мой ум был остер и точен, как алмазная игла, - в один из таких моментов я и поняла, что Генри меня ненавидит. В панике, последовавшей за этим открытием, я осознала почти с радостью, что должна бороться с ним - со всей хитростью, на какую способна, обращая его презрение ко мне против него же самого. Я ждала, наблюдала и постепенно начинала понимать, что он задумал.

Тэбби меня предупредила - невольно, конечно, - и едва она упомянула доктора Рассела, я поняла. Но страх, когда-то переполнявший меня, исчез. Я не позволю Генри победить. Я написала это в дневнике большими кроваво-красными буквами, и, если у меня опять случится провал в памяти,

они мне напомнят: я собираюсь избавиться от Генри; я собираюсь сбежать с Мозом; Фанни об этом позаботится. В присутствии Генри я всегда притворялась особенно задумчивой и сонной… но глаза под тяжелыми веками смотрели очень внимательно, и я ждала.

Я знала, что высматриваю.

39

Четыре недели тянулись мучительно долго, и я вспоминал те летние дни, когда мне было двенадцать лет и все сокровища Природы простирались за пыльными зелеными окнами классной комнаты. Я выжидал, специально работая в студии до изнеможения: когда наконец приходилось идти домой, я мог хотя бы изобразить спокойствие. Стены студии были увешаны эскизами: лица в профиль, анфас, в три четверти, руки, фрагменты волос, глаз, губ. Я работал с почти маниакальной скоростью; на полу валялись наброски акварелью, пастелью и чернилами, каждый был совершенством, рожденным кристальной памятью влюбленного.

В воскресенье я пошел к своему поставщику на Бонд-стрит и купил превосходный холст, натянутый и обработанный, самый большой холст за всю мою карьеру - восемь футов в высоту и пять в ширину, - и поскольку он уже был прикреплен к раме, пришлось заплатить, чтобы рабочие доставили его из магазина в студию. Но он стоил каждого пенни из потраченных двадцати фунтов, и, едва установив его на мольберте, я лихорадочно бросился рисовать огромную величественную фигуру из моих фантазий прямо на прекрасной кремовой поверхности.

Вы наверняка видели мою “Шехерезаду” - она до сих пор висит в Академии, царит над полотнами Россетти, Миллеса и Ханта, и глаза ее переливаются всеми цветами радуги. Она намного выше, чем в жизни, почти обнажена, на заднем плане восточные ковры, фон темный и смазанный. Ее тело совсем юное - стройное, упругое, изящное; кожа цвета некрепкого чая, кисти длинные и выразительные, с острыми зелеными ногтями; волосы почти до пят (я лишь слегка приукрасил действительность, поверьте), а в позе намек на чванство: она наблюдает за

зрителями, вызывающе обнаженная, высмеивающая их порочное желание. В своем бесстыдном великолепии тянется она к зрителю, маня в экзотическую сказку, полную опасных приключений; на щеках ее играет возбужденный румянец, а губы чуть изогнуты в насмешке. У ног Шехерезады лежит открытая книга, ветер перелистывает страницы, а в тени, оскалив зубы, поджидает пара волков, и глаза их пылают дьявольским огнем. Если присмотритесь, увидите начертанный на раме отрывок из стихотворения:

Шехерезаду кто станет искать,

На земле, в небесах, в морях?

Поцелуй с алых губ кто сумеет сорвать,

Наяву, не в бредовых снах?

Я посмею Шехерезаду искать

Тысячу ночей и одну,

В закатных лучах, в предрассветных снах,

В неверных тенях найду.

О, кто же удержит ее с собой,

Когда солнце сменит луну?

Я останусь с ней в пелене теней

Тысячу ночей и одну.

В четверг я вернулся домой раньше обычного: слишком разволновался от вида моей незаконченной “Шехерезады”. Я торопливо покинул студию, даже не переоделся; голову вдруг наполнила боль, чудовищной волной хлынувшая к налитым кровью глазам. Я оставил хлорал дома, поэтому, едва добравшись до Кромвель-сквер, направился прямиком в свою спальню, к темно-синему пузырьку. Оставив дверь приоткрытой, я метнулся к шкафчику с лекарствами и тут увидел ее, застывшую у письменного стола, как будто думала, что если будет стоять неподвижно, я ее не замечу.

На миг я принял ее за Марту. Потом в мозгу вспыхнул яростный гнев, затмивший даже боль, - возможно, оттого, что она застала меня в момент, когда я был уязвим и беззащитен, роясь в склянках с лекарствами в поисках хлорала. А может, потому, что я едва не выкрикнул имя Марты вслух; или из-за ее лица, бледного и тупого, из-за пустых бесцветных глаз и старушечьих волос… или из-за писем, которые она держала в руке.

Письма Рассела! А я уж почти забыл.

С минуту я молчал, уставившись на нее, с одной лишь холодной мыслью: “Как она смеет? Как она смеет?” Эффи будто окаменела, смотрела на меня тусклыми серыми глазами и говорила тихо, но обвиняюще:

- Ты писал доктору Расселу. Ты просил его прийти. Я лишился дара речи от ее дерзости. Как она вообще может обвинять меня, если сама взяла чужие письма?

- Почему ты не сказал мне, что написал доктору Расселу? - Голос был ровный, безжизненный. Она протягивала письма, словно оружие. На лице такая враждебность, что я чуть было не отступил к двери. Гнев волнами расходился от нее.

- Ты читала мои письма. - Я старался говорить властно, но слова рассыпались колодой карт, превращаясь в бессмысленный набор звуков. Мысли вдруг стали бессвязными и неповоротливыми, гнев мешал сосредоточиться. Я попробовал еще раз: - Ты не имеешь права рыться в моих бумагах, - сказал я, облизнув губы. - В моих личных бумагах.

Кажется, впервые она не вздрогнула от моего резкого тона. Глаза - как покрытая патиной бронза, кошачьи глаза.

- Тэбби сказала, что заходил доктор Рассел. Ты мне ничего не говорил. Почему ты не сказал, что пригласил его, Генри? Почему ты не хотел, чтобы я знала?

По спине медленно пополз липкий страх. Я почувствовал, что уменьшаюсь, усыхаю под палящими лучами ее гнева, превращаюсь в кого-то другого, кого-то юного… перед глазами возник образ танцующей Коломбины, словно ненавистный чертик из табакерки моей памяти. Я даже вспотел. Я заставлял себя не смотреть на пузырек с хлоралом в нескольких дюймах от моей руки.

- Теперь слушай меня, Эффи, - бросил я. Да, так лучше. Гораздо лучше. - Ты ведешь себя непозволительно глупо. Я твой муж и имею полное право принимать любые меры по своему усмотрению, дабы удостовериться в твоем добром здравии. Я знаю, что у тебя расшатаны нервы, но это не повод совать нос в мои личные бумаги. Я…

- С моими нервами все в полнейшем порядке. - Голос ее яростно зазвенел, но в нем не было и тени истерики, которую можно ожидать при таком взрыве. Напротив, когда она вслух зачитала отрывок из письма, передразни вая тягучую речь Рассела с дотошностью дерзкого ребенка, в нем звучал горький сарказм.

Дорогой мистер Честер, в продолжение нашего недавнего разговора: я полностью согласен с Вашим собственным диагнозом, касающимся психического состояния Вашей дорогой супруги. Хотя в настоящее время мания, кажется, не в стадии обострения, я, тем не менее, вижу признаки некоторого ухудшения. Я бы рекомендовал продолжать прием опиумной настойки с целью предупредить дальнейшие припадки истерии, а также легкую диету и продолжительный отдых. Согласен, что Вашей супруге было бы чрезвычайно нежелательно выходить из дома, пока я не удостоверюсь в ее психическом состоянии. Пока же советую Вам присматривать за ней и сообщать мне обо всех приступах, обмороках, проявлениях истерии или каталепсии…

- Эффи! - перебил я. - Ты не понимаешь! - Даже мне самому слова

показались неубедительными, и мне снова примерещилось, что я уменьшаюсь. В голове стучало, но я не осмеливался взять пузырек с хлоралом у нее на глазах. Один раз я потянулся к нему дрожащей рукой, но он укатился в глубину шкафчика, к другим порошкам и снадобьям… теперь, чтобы достать его, придется повернуться к ней спиной, подставив уязвимый затылок ее зловещему взору. - Я только хочу тебе помочь, - выпалил я. - Я хочу, чтобы ты выздоровела. Я знаю, ты была больна, а я… ты так заболела, после того как потеряла ребенка… вполне естественно, что твои нервы слегка расшатаны. Вот и все, клянусь тебе, Эффи, клянусь!

- С моими нервами все в полном порядке, - каменным голосом сказала она.

- Приятно это слышать, дорогая, - ответил я, вновь обретя уверенность. - И если ты права, я буду очень рад. Ты только не глупи. Это… эта твоя странная фантазия… что мы с доктором что-то… замышляем против тебя… Разве ты не видишь, что я именно этого и боюсь? Ты моя жена, Эффи. Какая жена станет подозревать мужа, как ты подозреваешь меня?

Она нахмурилась, но я понял, что смутил ее. Стук в голове слегка утих, и я с улыбкой шагнул вперед, чтобы обнять ее. Она напряглась, но не оттолкнула меня. Она вся горела.

- Бедная моя. Может, тебе лучше прилечь ненадолго? - посоветовал я. - Я пришлю Тэбби с чашкой чая.

Она судорожно дернулась в моих руках.

- Я не хочу чай! - Голос был приглушен волосами, но в ее возгласе я расслышал беспомощное раздражение и позволил себе улыбнуться. Да, меня встревожили эта ее ледяная ярость и самообладание, но, как я и думал, она вернулась в обычное состояние. Ведь я знал: послушание так прочно укоренилось в ней, что она не могла перечить мне подолгу. И все же что-то я уловил в ее взгляде… то, что на миг отбросило меня, будто я не имел значения, будто я даже не существовал…

Она вышла из комнаты, но я не сразу смог забыть этот взгляд. Даже темно-синий пузырек был бессилен против моих нестройных беспорядочных мыслей, и когда я наконец сомкнул веки, мне приснилось, что я завожу отцовскую танцующую Коломбину. Мне снова было

двенадцать лет, и я с благоговением смотрел, как она танцует все быстрее и быстрее, уже в демоническом безумии извиваясь; руки, ноги, запятнанная кровью юбка сливались в единое пятно. Во сне мною владела холодная уверенность, что я привел в действие некое зло, что несется ко мне сквозь годы отрочества и ждет возможности прорвать пелену памяти и нанести удар…

Рассекая дрожащий воздух, я потянулся к месиву из шелка и ножей, коим была Коломбина, - я почувствовал, как по руке полоснуло лезвие, но сумел схватить ее. Она извивалась змеей, но я держал крепко и, тщательно прицелившись, со всей силы швырнул ее об стену. Раздался удар, скрежет колесиков и шестеренок, финальная дрожь музыки… и когда я вновь осмелился взглянуть, она лежала, сломанная, у стены, фарфоровая голова разлетелась вдребезги, а юбки задрались до талии. Жаркая волна облегчения накрыла меня. Продираясь сквозь путы сна, я отчетливо услышал собственный зловещий голос:

- Не стоило тебе просыпаться, малышка.

Туз мечей[32]

40

Теперь они приходили вместе, как призрачные близнецы, их лица переливались одно в другое - вот Эффи пристально смотрит на меня глазами моей дочери, а вот уже смех Марты просачивается сквозь улыбку Эффи. Наконец-то она была здесь, почти видимая, и казалось, мое сердце разорвется от любви к ней, от любви к ним обеим. Теперь она была счастлива, счастливее, чем когда-либо, и знала, что вернулась домой, что снова в безопасности со своей матерью и своей сестрой. После той ночи, когда я попросила ее назвать имя Отшельника, мне уже не нужны были ее воспоминания, эта часть ее спала, погружаясь в глубокий мрак того, что лучше позабыть, и ей больше не снился Плохой Дядя и то, что он сделал с ней много лет назад. На самом деле благодаря моим снадобьям она вообще

мало что помнила.

Ей нравилось спать в своей комнате, в окружении своих книжек и игрушек, она с удовольствием играла с Мегерой и Алекто, а когда приходил Генри, играла и с ним тоже. Каждое посещение затягивало его все глубже, мы опаивали его хлоралом и мощными афродизиаками, сдирали с него кожу поцелуями, и после ухода Марты он подолгу лежал, задыхаясь, на полу. Он потерял способность отличать реальность от фантазии, и я уверена, что, если бы показала ему Эффи без грима, он бы ее даже не узнал. Она похудела, на руках и груди цвели царапины, но Генри ничего не замечал. Моя Марта светилась сквозь плоть Эффи, вырастая из нее, становясь сильнее; и он принадлежал ей, только ей. Шли недели, и он делался рассеянным и вялым, он вздрагивал от теней, а сердце мое наполнялось черным ликованием, и мы наслаждались им - моя дочь и я. Не верьте, если кто-то будет отрицать, что месть сладка. Еще как сладка. Я знаю.

Моз приходил ко мне дважды. Кредиторы не станут ждать вечно, говорил он, не понимаю, чего мы ждем. Я одолжила ему пятьдесят фунтов, чтобы он продержался какое-то время, и он согласился продолжить игру. Скоро, сказала я ему. Скоро.

Дай моей Марте время подрасти.

Прошло еще пять недель. Еще пять четвергов подряд Генри Честер спотыкался на ступенях моего дома, ослепленный кошмарным восторгом похоти. Она проходила прямо сквозь него, моя душа, отнимая всю его уверенность, его надменное мужское превосходство, его религиозную нетерпимость, его идолов и его мечты. Не будь он Генри Честером, я могла бы его пожалеть, но мысль о моем маленьком грустном призраке и о той, кем он был когда-то, очистила мой мозг от сомнений. Он не пожалел мою Марту.

За эти пять недель пролетела тусклая серая осень, пришла ранняя суровая зима, звенящий черный ветер покрыл улицы льдом и разорвал небо на хмурые серые лохмотья. Я помню рождественские гирлянды в лондонских магазинах, елки на Оксфорд-стрит, мишуру на газовых фонарях - но окна и двери на Крук-стрит никто не украшал. Мы отпразднуем позже.

В последний раз Генри пришел двадцать второго декабря. В тот день стемнело уже в три часа; к девяти морось превратилась в дождь со снегом, белые хлопья падали на черную мостовую и тут же таяли. Может, в конце концов, это Рождество будет снежным и белым. Эффи пришла рано, закутанная до самых глаз в толстый плащ. Я посмотрела на небо и чуть не отправила ее обратно, думая, что Генри ни за что не появится в такую страшную промозглую ночь. Но вера Марты была сильнее моей.

- Он придет, - с озорной уверенностью заявила она. - Сегодня он обязательно придет.

Ах, моя милая Марта! Ее улыбка была так прекрасна, что мне захотелось забыть о мести. Разве не достаточно снова быть с ней, обнимать ее, щекой чувствовать ее прохладную кожу? Зачем рисковать этим ради бесплодной победы над тем, кто уже проклят?

Но, конечно, я знала, зачем.

Сейчас она все еще принадлежала ему. В его глазах часть ее по-прежнему была Эффи, и она не будет целиком моей, пока он не откажется от своих притязаний. Пока он продолжает считать их отдельными существами, они никогда не смогут совершенно соединиться, никогда не вернутся в доброе, безопасное место, которое покинули. Они будут двумя блуждающими половинками, что медленно растворяются в пустоте забвения, из коего их сумеет вытянуть лишь материнская любовь. Ее нужно освободить.

- Марта.

Ее улыбка просияла из зеленоватых глаз Эффи.

- Что бы ни случилось, помни, как сильно я тебя люблю.

Я почувствовала, как ее маленькая ручка подобралась к теплой ложбинке у моей шеи.

- Я обещаю, это скоро закончится, милая моя, - прошептала я, обнимая ее. - Обещаю.

Я кожей ощутила ее улыбку.

- Я знаю, мама, - сказала она. - Я тоже тебя люблю.

41

После той стычки жена стала моим врагом - мягкая тень, что холодными бронзовыми глазами следит за моими передвижениями по дому с привидениями. Она стала тощей, как богомол, несмотря на тонны поедаемых сладостей, и бродила, словно русалка-утопленница, в густом зеленом свете газовых ламп. Я избегал дотрагиваться до нее, но ей, похоже, доставляло удовольствие то и дело якобы случайно задевать меня, и прикосновения эти были как зимний туман. Она почти не говорила со мной, лишь тоненьким детским голоском что-то бормотала себе под нос. Иногда, лежа ночью без сна, я, кажется, слышал, как она напевает в темноте - детские стишки, считалки и французскую колыбельную, которую она пела, когда была маленькой:

Aux marches du palais…

Aux marches du palais…

’У a une si belle fille, lonla…

’У a une si belle fille…

Я еще раз переговорил с Расселом и со вздохами и намеками на скупую мужскую слезу позволил убедить себя, что единственная возможность вылечить мою дорогую Эффи - отправить ее на время в какую-нибудь достойную клинику под тщательное наблюдение врачей. Я заметно вздрогнул, когда добрый доктор намекнул, что потеря ребенка, возможно, навсегда лишила Эффи душевного равновесия, но всерьез задумался, когда он стал убеждать меня, что, если не принять меры немедленно, она может серьезно навредить себе. Напустив на себя хмурость и внутренне

ухмыляясь, я подписал бумагу, затем и доктор поставил свою роспись, и, уходя, я аккуратно спрятал документ в бумажник. По дороге домой я зашел в свой клуб пообедать - впервые за несколько недель - и жадно набросился на еду. За стаканом бренди я позволил себе роскошь и выкурил сигару. Я праздновал.

Уже почти стемнело, когда я добрался до Кромвель-сквер, однако, взглянув на часы, обнаружил, что еще только десять минут четвертого. Поднялся ветер; он гонял по мостовой черные листья, снег щипал лицо; расплатившись с извозчиком, я заспешил в дом. Леденящий ветер когтистыми лапами цеплялся за мое пальто, я открыл дверь, впустив вперед себя ворох палой листвы. Дрожа, я захлопнул дверь, оставив темноту топтаться на пороге. Наверное, сегодня пойдет снег.

Я нашел Эффи в неосвещенной гостиной: она сидела у погасшего камина, забытая вышивка лежала на коленях. Окно почему-то было открыто, и ветер дул прямо в комнату. На полу валялись сухие листья. На один краткий кошмарный миг меня вновь охватил прежний страх, беспомощное ощущение своей ничтожности, будто она со всей этой своей готической бледностью и призрачным обликом каким-то образом превратила меня в призрак в моем собственном доме, будто я - блуждающий дух, а она - живая, дышащая плоть. Потом я вспомнил о бумаге в кармане, и мир встал на место. С нетерпеливым возгласом я сделал два шага и позвонил в колокольчик, вызывая Тэбби. Я заставил себя заговорить с Эффи, всматриваясь в серое пятно ее лица в темноте.

- Ну и ну, Эффи, - проворчал я. - Что это тебе вздумалось сидеть на таком холоде? Так и простудиться недолго. О чем только Тэбби думала? Как она позволила тебе рассиживаться здесь? Да еще и камин не затопила! Давно ты тут сидишь?

Она повернулась ко мне - полудевочка, лицо разделено надвое лучом света из коридора.

- Генри. - Голос ровный и бесцветный, как она сама. Черты ее причудливо исказились: казалось, двигалась только половина рта, один глаз уставился на меня, от света зрачок сузился в точку.

- Не волнуйся, дорогая, - продолжил я. - Сейчас придет Тэбби. Я

позабочусь, чтобы она хорошенько растопила камин, а потом ты сможешь выпить горячего шоколада. Разве мы хотим, чтобы ты простыла?

- А разве нет? - В ее голосе мне послышалась язвительная насмешка.

- Конечно нет, дорогая моя, - бодро ответил я, давя желание забормотать. - Тэбби! Черт бы побрал эту женщину, пора бы ей уже появиться. Тэбби! Она что, хочет тебя до смерти заморозить?

- Тэбби ушла, - тихо произнесла Эффи. - Я отправила ее в аптеку за каплями.

- Ах вот как.

- Никого нет. У Эм выходной. Эдвин ушел домой. Мы с тобой одни, Генри.

На меня снова нахлынул беспричинный страх. Я старался взять себя в руки. Почему-то мысль о том, что я с Эффи наедине, пугала. Кто знает, что за странные мысли бродят в ее голове? Я нашарил в кармане спички, усилием воли заставил себя повернуться к ней спиной и трясущимися руками зажег лампу… Я чувствовал, как ее глаза впиваются мне в затылок, челюсти сводило судорогой от ненависти к ней.

- Вот, так уже лучше, правда? Теперь нам друг друга видно. - Вот так, правильно, оживленная болтовня. Нет причин думать, что она замыслила ссору, что она уже знает… Я повернулся к ней, и челюсть снова заболела, теперь от натянутой улыбки, которая, я знал, ни на миг не обманула ее. - Я закрою окно, - сказал я.

Целую вечность я возился со шпингалетом, шторой, листьями на полу. Я бросил листья в камин.

- Интересно, мне удастся развести огонь?

- Мне не холодно, - сказала Эффи.

- Зато мне холодно, - отозвался я с притворной жизнерадостностью. - Посмотрим-ка… я думаю, это не трудно. Тэбби каждый день это делает. - Я стал на колени перед камином и принялся раскладывать бумагу и щепки

на углях. Пламя вспыхнуло, затрещало, и из трубы пошел дым. - Ну и ну, - засмеялся я. - Этот фокус сложнее, чем я думал.

Эффи скривила губы в проницательной ненавидящей полуулыбке.

- Я не ребенок, - процедила она. - И не полоумная. Не нужно так со мной разговаривать.

Неожиданная реакция. Она снова застала меня врасплох.

- Да ты что, Эффи… - пролепетал я. - Я… - И, оправившись от изумления, заговорил терпеливым, наставительным тоном врача: - Я вижу, что ты больна. Скажу только, что надеюсь, позже ты поймешь, как больно мне слышать эти неблагодарные слова. Однако я…

- И я не больна, - снова перебила Эффи. И в тот миг я ей поверил: пронизывающий ясный взгляд, глаза - как ножи. - Что бы ты ни говорил и ни делал, как бы ни пытался доказать обратное, я не больна. Пожалуйста, не пытайся мне врать, Генри. Мы одни в доме - не перед кем притворяться, разве что перед самим собой. Попробуй быть честным, ради нас обоих. - Она говорила сухо, бесстрастно, как гувернантка, и мне вдруг снова стало двенадцать, и я наивно и безуспешно оправдывался, чтобы избежать наказания, и каждое слово лишь усугубляло мою вину.

- Ты не имеешь права так со мной разговаривать! - Слова показались неубедительными даже мне самому, я постарался говорить властно: - Мое терпение не безгранично, Эффи, хотя я многое спускаю тебе с рук. Ты должна уважать меня как жена, хотя бы как жена, и…

- Жена? - воскликнула Эффи, и я странно успокоился, уловив в размеренной интонации истеричные нотки. - Это когда же ты хотел, чтобы я была женой? Да если бы я рассказала, что ты…

- Что рассказала? - Я говорил слишком громко, слова вырывались сами собой. - Что я нянчился с тобой, когда ты болела, терпел твои истерики, давал тебе все, чего бы ты ни пожелала? Я…

- Тетя Мэй всегда говорила: неприлично, что ты женился на девушке настолько моложе себя. Если бы она знала…

- Что знала?

Она перешла на шепот:

- Знала, как ты со мной обращаешься… и куда ходишь по ночам…

- Девочка, ты бредишь. Куда хожу, ради всего святого?

- Ты знаешь. На Крук-стрит.

У меня перехватило дыхание. Откуда ей известно? Неужели кто-то меня узнал? Неужели кто-то следил за мной? То, что она сказала, значило… Не может быть. Она блефует.

- Ты сошла с ума!

Она молча покачала головой.

- Ты сошла с ума, и я могу это доказать! - Я лихорадочно полез в карман пальто и вытащил бумагу Рассела. Хрипло, опьяненный болезненной эйфорией, я начал читать вслух отрывки: - “…что пациентка Юфимия Мадлен Честер… симптомы слишком очевидны… не следует игнорировать… мания, истерия и каталепсия… опасна для себя и окружающих… таким образом, рекомендовано лечение… на неопределенный срок… в руки… обеспечивающих необходимые условия…” Ты слышала, что он сказал: я могу отправить тебя в больницу, Эффи, в сумасшедший дом! Никто не поверит умалишенной. Никто!

На ее лице ничего не отразилось, оно было пугающе бесстрастным. Слышала ли она меня? Или снова ушла в свои неведомые мысли? Но тут она заговорила.

- Я всегда знала, что ты предашь меня, Генри, - спокойно сказала она.

Я открыл было рот - но, в конце концов, она права, не перед кем притворяться.

- Я знала, что ты больше не любишь меня. - Она улыбнулась и на миг стала почти красивой. - Но это ничего, потому что я тебя уже давно не люблю. - Она склонила голову набок, словно вспоминая что-то. - Но я не

позволю тебе принести меня в жертву, Генри. Я не позволю себя запереть. Я не больна, и очень скоро кто-нибудь это поймет. И, может быть, тогда люди станут верить моим словам. - Она бросила на меня взгляд, полный злобы. - А мне есть что им рассказать, Генри, - безмятежно добавила она. - О доме на Крук-стрит и о том, что там творится… Фанни Миллер не станет ради тебя врать, правда?

Я словно горсть иголок проглотил, грудь невыносимо сдавило. Мне вдруг отчаянно понадобился хлорал. Не обращая внимания на торжествующую улыбку Эффи, я снял с шеи пузырек и сорвал крышку. Дрожащими руками я отсчитал десять гранов в стакан и плеснул на них хересом, но переборщил - часть напитка пролилась мне на манжету. Ненависть вспыхнула с новой силой.

- Никто не поверит в эти бредни, - ровно произнес я с невероятным облегчением: хладнокровие вернулось ко мне.

- Могут и поверить, - сказала она. - Только представь, какая шумиха поднимется - а ведь твои работы только-только впервые получили признание. Один намек на то, что ты пытался упечь свою жену в сумасшедший дом, дабы она не разболтала о твоем тайном пороке… это тебя уничтожит. Станешь ли ты так рисковать?

Я возблагодарил всех темных богов за хлорал. Мне казалось, что с головы сняли крышку и внутрь подуло холодным сквозняком; мысли - всего лишь пылинки на ветру. Словно издалека я услышал свой голос:

- Моя дорогая Эффи, ты переутомилась. Думаю, тебе нужно лечь в постель и подождать, пока Тэбби принесет тебе капли.

- Я не лягу! - Поняв, что ее преимущество куда-то исчезло, Эффи утратила свою сверхъестественную сдержанность, в ее голосе зазвенела истерика.

- Ну, тогда не ложись, дорогая, - ответил я. - Я вовсе не собираюсь тебя заставлять. Пойду вниз, посмотрю, не вернулась ли Тэбби.

- Ты мне не веришь, да?

- Конечно, я тебе верю, дорогая моя. Конечно, верю.

- Я могу уничтожить тебя, Генри. - Голос ее дрожал, как она ни пыталась совладать с ним: “у-ни-чтожу тебя, Г-генри”. - Могу и уничтожу! - Но призрачная фигура с тихим холодным голосом и бронзовыми глазами испарилась - это была пустая угроза. Слезы блестели на ее щеках, руки тряслись. Я сунул бумагу в нагрудный карман и позволил себе роскошь улыбнуться.

- Хороших снов, Эффи. И когда я шагнул в коридор, освещенный газовыми лампами, словно кулак сжался под ребрами, сжался весело, жестко. Я никогда не позволю ей помешать нам, Марте и мне. Никогда.

Скорее она умрет.

Я прибыл на Крук-стрит, опоздав на двадцать минут. За спиной бушевала буря. Снег на мостовой таял и, смешиваясь с зимним мусором, превращался в густую маслянистую слякоть, колеса буксовали, экипаж заносило на поворотах. Я был удивительно спокоен, несмотря на вечернюю стычку с Эффи: перед выходом я принял еще одну дозу хлорала.

В конце пути меня ждала Марта, и я едва вспоминал об Эффи. Завтра же устрою ее в какой-нибудь хороший приют подальше от Лондона, где никто не будет слушать ее болтовню - а если и будет, моя безупречная репутация, несомненно, избавит меня от любых подозрений. Она, в конце концов, всего лишь женщина и к тому же натурщица. Мне посочувствуют из-за неудачного брака, но не осудят. Кроме того… она больна. И, возможно, куда серьезнее, чем все мы думаем. Я чувствовал, что в такую ночь, как сегодня, может произойти что угодно.

Дверь дома номер восемнадцать приоткрылась, на пороге появилось пятно розоватого света. Отринув мрачные мысли, я вошел, оставив за собой на крыльце дорожку замерзающей грязи. На Фанни было шелковое платье цвета магнолии и газовый шарф. Абсурдно, но она казалась невинной, как юная невеста, и я с беспокойством подумал о безграничных способностях женщин представать такими, какими мужчины хотят их видеть. Даже Марта пользовалась этим. Даже Марта.

Какие страшные тайны скрывает ее совершенное тело?

Я безмолвно последовал за шуршащим шлейфом Фанни под самую крышу дома, мимо мансард и чуланов. Внезапно я понял, куда она меня ведет, и ужас охватил меня, словно, распахнув дверь спаленки на чердаке, она явит мне ту же сцену: игрушки на полу, белую постель, цветы у кровати и дочку шлюхи, обнаженную под ночной сорочкой, не изменившуюся, только немного бледную после долгих лет в темном склепе, она протянет руки и позовет меня неясным голосом Марты…

Собственный голос показался мне ломким, как тонкая корка льда.

- Почему я должен сюда подниматься? Почему мы не можем пойти в одну из гостиных?

Фанни проигнорировала мою неучтивость.

- Это комната Марты, Генри, - вежливо пояснила она. - Она специально попросила, чтобы вас привели сюда.

- Ах вот как. - Слова застревали в горле мотком проволоки. - Я… если она не возражает, я бы лучше не… не слишком ли здесь мрачно? И холодно. В этой части дома очень холодно. Может быть…

- Комнату выбрала Марта, - непреклонно ответила Фанни. - Если вы решите пренебречь ее желанием, не думаю, что она согласится снова встретиться с вами.

- Ну раз так… - Что еще я мог сказать? Я попробовал весело улыбнуться, но получилась скорее гримаса. - Я… я просто не понял. Конечно, если Марта…

Но Фанни уже шагала прочь, ее шлейф тянулся по лестнице. Судя по слою пыли на полу, этим коридором очень давно не пользовались. Я посмотрел на дверь, готовясь увидеть бело-голубую фарфоровую ручку - ручку двери в спальню матери. Я отогнал эту мысль, пока она не нарушила мое непрочное, на хлорале настоянное самообладание. Какая чушь. Нет там никакой бело-голубой ручки, нет маленького бледного ребенка проститутки с темными укоризненными глазами и ртом, измазанным шоколадом. Там только Марта, Марта, Марта, Марта… Я взялся за ручку и под облупившейся белой краской заметил слои других цветов… зеленый, желтый, красный… Голубого нет, торжествующе подумал я, голубого нет.

А рядом с моей рукой виднелись маленькие отпечатки, словно ребенок остановился и прижал к двери ладонь и три пальца… Марта?

Даже ее руки не могли оставить такие маленькие следы… липкие, смазанные, совсем свежие. Могут они быть… от шоколада?

Я больше не владел собой. Я закричал и изо всех сил надавил на дверь. Она не поддалась. В голове не было места мыслям - мною управляла безумная логика, внезапная убежденность, что после стольких лет Бог заставит меня заплатить за то, что я сделал со шлюшьим ребенком… заплатить Мартой. Моему помутившемуся рассудку эта идея казалась ужасающе правдоподобной: шлюхина дочь слушала, держась за дверь, затем вошла и увидела Марту, ждущую меня. Снова вышла, месть свершилась… а Марта все ждет, в платье, натянутом на лицо…

Я снова закричал и заколотил в дверь, обдирая костяшки.

- Марта! Марта! М-м…

И тут дверь распахнулась в темноту. Я по инерции влетел в комнату и ударился о противоположную стену. Дверь резко захлопнулась. Очутившись в непроглядной тьме, я кричал, теперь уверенный, что девочка-призрак где-то в комнате, такая холодная, такая белая, и все еще хочет сказку.

Вспыхнул свет. Я на мгновение ослеп, а потом увидел ее. Она стояла у окна с лампой в руке. Облегчение было столь велико, что я едва не потерял сознание; перед глазами плыли темные пятна.

- Марта. - Я постарался говорить спокойно. - Я… Прошу прощения. Я… сегодня сам не свой. - Я вяло улыбнулся.

- Честно говоря, мистер Честер, и я тоже. - Ее улыбка была слабой, но озорной, голос - как шорох сена и летнее небо. - Думаю, нам обоим нужно выпить.

Я наблюдал, как она разливает напитки, сердце уже не пыталось выскочить из груди, и вскоре я нашел в себе силы осмотреться.

Обстановка совсем простая. Узкая кровать с белым покрывалом, кувшин

и миска на прикроватной тумбочке, маленький стол и потертое кресло - вот и вся мебель. В свете единственной лампы комната казалась особенно унылой. Ни ковра на голом полу, ни картин на стенах, ни штор. И сегодня Марта сама была как ее комната: одетая в простую белую сорочку, босая, распущенные волосы падают на лицо. И тревога вдруг вернулась - слишком уж все напоминало ту, другую ночь, словно это ее очередной маскарад, задуманный, чтобы столкнуть меня в пучину безумия. Но вот она обвила меня руками, такая теплая, благоухающая простыми детскими ароматами: мылом, лавандой и еще чем-то сладким, вроде лакрицы. Она, сражавшая меня наповал ураганом экзотической страсти, теперь была первейшей юной соблазнительницей, застенчивой, чувственной девственницей, четырнадцатилетней, восхитительно неопытной, чистой.

И, конечно, я знал, что и это одна из ее масок - подлинное лицо Марты сейчас, как и прежде, было скрыто от меня. Но я поддался иллюзии нежности, и мы, как дети, лежали в объятиях друг друга, а она шептала мне на ухо сказку о человеке, который влюбился в портрет умершей женщины. Он покупает его и прячет на чердаке из страха, что жена начнет задавать вопросы. Каждый день он приходит и смотрит на портрет, он не может отказать себе в этом удовольствии и становится все мрачнее. Вскоре жена начинает что-то подозревать и однажды незаметно идет за ним в его тайник и видит, как он сидит перед портретом. Охваченная ревностью, она ждет, пока он уйдет, а потом берет нож и поднимается на чердак, собираясь искромсать ненавистную картину на кусочки. Но картина одержима духом мертвой женщины, и когда соперница приближается к ней с ножом, призрак бросается на нее. Завязывается борьба, отчаяние придает силы женщине-призраку. Пронзительно визжащий дух несчастной жены изгнан из тела в хаос, а женщина-призрак, забрав себе ее жизнь, спокойно идет вниз, чтобы соединиться со своим новым любовником.

К концу рассказа я дрожал.

- Ты веришь в призраков, Марта? - спросил я.

Я кожей почувствовал, как она кивнула и, кажется, тихо рассмеялась. Этот смех встревожил меня, и я отозвался слегка сердито:

- Нет никаких призраков. Мертвые не возвращаются, чтобы преследовать живых. Я не верю, что люди куда-то попадают после смерти.

- Даже на Небеса?

- Особенно на Небеса.

- Так значит… - поддразнила она, - ты не боишься мертвых?

- Почему я должен их бояться? Мне нечего стыдиться. - Лицо горело. Почувствовала ли она? - Я не хочу об этом говорить.

- Хорошо, - согласилась она с детской готовностью. - Тогда расскажи мне, как ты провел день.

Я рассмеялся: она говорит как жена!

- Ну правда, расскажи, - настаивала она.

И я рассказал - быть может, больше, чем собирался. Я обнимал ее, как ребенка, и она молча слушала и лишь изредка бормотала что-то одобрительное. Я рассказал ей об Эффи и о том, как стал бояться ее; о своем почти сверхъестественном ощущении, будто я стал призраком в собственном доме; о решении отправить Эффи в психиатрическую лечебницу, где она перестанет быть угрозой; я убежден, говорил я, что она способна меня уничтожить. Эффи теперь знала о нас, хотя я не мог представить откуда, Эффи - враг, молчаливый наблюдатель в тени, дитя-призрак… призрак. Лучше бы она не просыпалась, лучше бы она умерла - Эффи, которая должна была быть мертвой…

Через некоторое время я забыл, что говорю с Мартой, вообразил себя перед престолом Господним, отчаянно торговался с Ним, в Его совершенном тупом безразличии, торговался за свою жизнь…

Я не имел права - теперь я это знаю. Я взял Эффи в жены, когда она была еще слишком молода и не понимала, что такое любовь. Я украл у нее шанс на счастье. Я развратил ее под собственные извращенные вкусы, а когда она мне надоела, решил избавиться от нее. Я знаю, кто я есмь.

И все же, обнимая Марту, ощущая кожей ее теплое влажное дыхание, я разглядел иную возможность, от которой волоски на руках встали дыбом в острой, исступленной ненависти к себе. Слова, что я говорил Марте, звенели в пустоте черепа, благозвучные и натянутые, как струны

невидимой арфы под моими веками.

- Нет никаких призраков. Мертвые не возвращаются, чтобы преследовать живых. Я не верю, что люди куда-то попадают после смерти. - Я понял, что повторяю это вслух, прерывая поток мучительной рефлексии. Но я не помнил ни слова из того, что говорил.

Марта оценивающе смотрела на меня. Лицо у нее окаменело. - Генри.

Я вдруг понял, что она собирается сказать, и вздрогнул под мертвящими лучами ее взгляда. Я заговорил, не важно о чем, о чем угодно, только бы не дать ей произнести слова, слово, что безжалостно вибрировало в воздухе…

- Генри.

Я повернулся. От нее не укрыться.

- Помнишь день, когда ты сказал, что любишь меня? Я молча кивнул.

- Ты обещал мне. Ты ведь не лгал? Я колебался.

- Я…

- Ты ведь не лгал?

- Нет. - В голове стучало, рот наполнился горечью, будто я глотнул чистого джина.

- Послушай меня, Генри. - Голос был тихий, манящий, непреодолимый, как смерть. - Ты больше ее не любишь. Теперь ты любишь меня. Правда? Я кивнул.

- А пока она там, я никогда не буду твоей. Тебе придется вечно прятаться. Всегда приходить тайно.

Дыхание вырывалось из моих пересохших губ в невысказанном полупротесте, но ужасающая ясность ее взора заставляла меня молчать.

- Ты говоришь, она уже знает о нас. Она знает, что может уничтожить тебя. Даже если ты запрешь ее - если сумеешь, - этого может оказаться

недостаточно. Она может заговорить, может заставить людей слушать. Ты думаешь, ее родные ей не поверят? Все равно разразится скандал. Грязь прилипнет, Генри.

- Я… - Знание того, что она собирается сказать, стеной огня полыхало в голове. Но самое ужасное, я хотел, чтобы она это сказала, чтобы спустила с цепи моих внутренних волков. Любимая Шехерезада! Все плыло как в бреду. Она говорила об убийстве - она говорила о том, чтобы заставить Эффи замолчать навсегда…

На миг я целиком отдался во власть образов, заполонивших сознание, и обнаружил, что меня возбуждает мысль об убийстве - и возбуждение столь жгуче, что почти затмевало мою страсть к Марте… но затем чары Марты вновь завладели мной, и я обвил ее руками, зарываясь лицом в ее сладость и нежность, вдыхая запах сирени и шоколада… Кажется, я плакал.

- Ох, Марта…

- Мне жаль, Генри. Я правда любила тебя, и ты никогда не узнаешь, что для меня значили наши ночи…

Я проваливался в бездну, в воспаленном мозгу вспыхнул вопрос: что она имеет в виду? Это прозвучало так, будто…

- …но теперь я понимаю, что мы не сможем больше видеться. Я…

Чувства онемели, словно под ледяным покровом. Лишь тонкий беспомощный голосок в голове тупо твердил: это обычное прощание, она совсем не то имела в виду, это…. Нет! Этого не может быть! Это не те слова, что я ждал от нее! Не то обещание, которое я хотел сдержать. Во мне поднималась истерика. Откуда-то издалека я слышал собственный смех, визгливый, пронзительный - смех чокнутого клоуна.

- Нет! Нет! Все для тебя… что угодно… все… все. - Самое страшное. - Не нужно так. - О, моя Марта, мой хладный Гефсиманский сад… - Я сделаю что угодно!

Наконец она услышала меня. Она обратила лицо к свету, посмотрела мне в глаза. Я все повторял и повторял, чтобы она поняла, что я говорю правду: “Я сделаю что угодно”.

Она медленно кивнула, хрупкая и безжалостная. Я пытался совладать с голосом.

- Эффи больна, - произнес я. - Возможно, ей недолго осталось. Она все время принимает опиум. Иногда она забывает, сколько уже приняла.

Марта неподвижно смотрела на меня жуткими кошачьими глазами.

- Она может умереть… в любой момент.

Этого было недостаточно. Я это понял, когда она отвела взгляд. Она была не Эффи, она не хваталась за тени. Я пообещал ей все.

В отчаянии я пробормотал ненавистные слова, трусливое признание своей уже признанной вины.

- Никто не должен узнать. Тишина звенела между нами.

Мы скрепили это, как обычно скрепляют все сделки с дьяволом. Попробуйте вообразить, как это виделось Богу: Честер стонет в колючих тисках собственной плоти, и в ушах его сладкий шепот дьявола - ах, как он, должно быть, смеялся! Я отдал душу за женщину. Ах, как, должно быть, этот бессмертный чемпион абсурда сотрясался от хохота, когда наши голоса, как мухи, поднимались к нему из темноты… и как мало меня это заботило. Марта сама была моей душой.

После моего признания она вдруг стала пугающе практичной. Это она продумала все детали плана, который вам уже, конечно, известен. Она тихим шепотом бесстрастно обрисовала мою роль; маленькие руки были холодны как лед.

Все будет просто. На следующий день я, как обычно, пойду в студию и вернусь, когда стемнеет. Я прикажу Тэбби, как обычно, дать Эффи ее капли. После ужина, когда Эффи поднимется к себе, я принесу ей чашку шоколада, как делал неоднократно, добавив в него лошадиную дозу опиумной настойки и капельку бренди, чтобы скрыть запах лекарства. Эффи заснет и будет погружаться в сон все глубже, пока не перестанет дышать, - безболезненное избавление. Когда все стихнет, я незаметно вынесу ее на улицу, где в экипаже меня будет ждать друг Марты. Мы поедем на кладбище и отнесем тело в подходящий склеп - друг Марты

принесет инструменты. Мы положим тело внутрь и вновь закроем гробницу - без шума и пыли. Если мы выберем семью, у которой не осталось живых потомков, можно не сомневаться, что наша афера с могилой никогда не выйдет наружу. Я смогу сказать полиции, что моя жена психически нездорова - Рассел, разумеется, это подтвердит - и склонна к странностям. Я буду играть роль обеспокоенного мужа, и вскоре обо всей истории забудут. Мы наконец освободимся от нее.

Меня тревожила только одна деталь - предполагаемый соучастник. Я понимал, что кто-то должен будет помочь мне нести тело и подежурить на кладбище, но Марта отказалась сообщить, кого наметила мне в сообщники, заявив, что я должен ей доверять. В конце концов она рассердилась; я ищу оправдание собственной трусости, упрекнула она меня. Помню, как она сидела на белой постели, поджав под себя ноги, словно Дева Мария у Россетти, волосы рассыпаны по плечам, кулачки крепко сжаты.

- Ты боишься! - презрительно выплюнула она. - Ты только обещаешь, обещаешь… если бы мысли были грехами, ты бы уже сейчас был в аду - но когда доходит до одного настоящего дела, ты хнычешь и вздыхаешь, как девчонка! Думаешь, я бы этого не сделала? Да?

- Марта… - взмолился я.

Гнев ее был великолепен, огонь и яд.

- Маа-ртааа, - жестоко передразнила она. - Ммм-ааар-таааа…

Мне снова было двенадцать лет, я стоял на школьном дворе, уткнувшись лицом в стену, во рту вкус слез и ненависти (плакса, плакса, смотрите на плаксу…); на миг в глазах раздвоилось, по щекам заструились слезы. Я не понимал ее внезапной жестокости. Марта почему-то была в ярости.

- И это все, на что ты способен? - язвительно воскликнула она. - Плакать? Я тебя прошу освободить себя, освободить меня, а ты стоишь тут как упрямый школьник? Я хотела мужчину, любовника, а ты не даешь мне ничего! Я прошу у тебя крови, а ты мне даешь воду!

- М… мм… - Я чуть было не сказал “мама”. Спутанная проволока во рту превратилась в сломанную арфу, эолову пещеру боли и смятения. Левая сторона лица конвульсивно задергалась, веко билось, как бабочка,

пойманная в ловушку измученной плоти.

Ее презрение было невыносимо. Я закричал со всей любовью и ненавистью своего разрывающегося сердца. Что за слова были в этом крике - если это были слова, - я не знаю.

Но это было обещание. Она смягчилась и поцеловала меня. Я есмь сущий.

42

Увидев, как он вышел из комнаты Марты и, спотыкаясь, побрел вниз по лестнице, я поняла, что наше время настало. Он утратил хрупкий контроль, ледяную, презрительную маску своей респектабельности, а то, что осталось, не имело черт, не умело притворяться - лишь тупой крик измученной плоти и бесконечного желания. Черный слякотный ветер унес его прочь, как тонущего ребенка. В его огромных удивленных глазах я на миг разглядела то невинное существо, которым он был когда-то… Больше я его не видела. Во всяком случае, в том смысле, который вы вкладываете в это слово.

Рассвет в то утро не наступил, зато в семь утра из чьей-то чужой постели появился мутноглазый Моз и заявил, что должен немедленно со мной поговорить. Он без стука вошел в комнату. Волосы свисали на глаза, рот перекошен. Он выглядел усталым и раздраженным, и я догадалась, что у него болит голова: он с порога направился к графину с бренди и щедро плеснул себе в бокал.

- В чем дело, Моз? - беспечно спросила я. - Выглядишь ужасно. Стоит поберечь себя, дорогой мой.

Моз осушил бокал и скривился.

- Уж тебе-то об этом все известно, а, дражайшая Фанни? - парировал он. - Бог его знает, что эта сука мне вчера вечером подмешала в бренди, но голова просто раскалывается. И ей еще хватило наглости взять с меня

четыре гинеи!

- Вчера вечером тебе казалось, что она очаровательна, - мягко напомнила я.

- Ну, это было вчера. Сегодня утром она выглядела лет на сорок, не меньше.

- Неблагодарный! Выпей-ка кофе. - Я улыбнулась и взяла кофейник. - Все женщины - притворщицы, ты же знаешь.

- Вы все ведьмы, - фыркнул он, потянувшись за чашкой. - А ты, Фанни, еще похлеще остальных будешь. Так что испытывай свои чары на ком-нибудь другом - я сегодня что-то не в настроении. - Он пил с полминуты в гнетущей тишине, потом резко встал и с такой силой опустил чашку на стол, что я удивилась, как она не треснула. - Ладно, что за игру ты ведешь? - обиженно спросил он. - Я устал ждать, устал отбиваться от кредиторов, а ведь я уже мог бы получить деньжат. Когда вы с Эффи перестанете водить всех за нос и займетесь делом?

- Присядь, Моз, - любезно сказала я.

- Не хочу! - раздраженно рявкнул он. - Ты, верно, думаешь, я такой же полоумный, как она. Я хочу услышать ответ. Иначе, нравится тебе это или нет, я все сделаю сам, а вы с Эффи не получите ни гроша из денег Честера. Понятно?

Я вздохнула.

- Вижу, придется тебе рассказать, - произнесла я.

43

Вы должны понять: я был в бешенстве. Я ничего не имел против них - по крайней мере, тогда - я ждал, как мы и договорились с Фанни, и не задавал никаких вопросов. Но время шло, и меня снова навестил один из основных

кредиторов. Что же до Эффи, я с ней не разговаривал уже несколько недель. Я видел ее, лишь когда она приходила на Крук-стрит, бледная и апатичная, с пустым полоумным взором любительницы опиума, в которую она и превратилась. И хотя я с некоторым презрением относился к ее слабости, меня иногда пронзало горькое сожаление о том прекрасном, полном страсти создании, которым она некогда была. Она написала мне с дюжину писем - отчаянных, горячих и путаных; ее красивый наклонный почерк прерывался невнятными каракулями, которые я едва мог разобрать. Она не осмеливалась встречаться со мной. За день до того, как я наконец все выяснил с Фанни, я получил последнее письмо, оно было короче остальных - страница, вырванная из школьной тетради, без подписи и даты. Почерк корявый, как у ребенка, записка начиналась моим именем, выведенным трехдюймовыми буквами:

Моз

Боже любовь моя любовь моя любовь моя. Кажется, столько времени прошло. Я была больна? Ты можешь вспомнить? Кажется, я спала, проспала всю жизнь… и мне так много всего снилось. Мне снилось, что я мертва, что Генри Честер убил меня и оставил на чердаке с кучей заводных игрушек. Он говорит, я сумасшедшая… но глаза у него словно пещеры. Иногда я слышу его ночью, когда все спят. Я слышу, как он говорит. Моз? Ты тоже ее любишь? Ты поэтому со мной не видишься? Ее все любят. Иногда я думаю, что могла бы умереть от любви к ней… отдать ей свою жизнь, бедную, несчастную жизнь… если бы не ты. Ты моя жизнь. Ты следуешь за мной сумрачными коридорами моей спящей памяти - я слышу твой смех. Твоя рука на моих волосах. Я сплю сотню лет. Пыль осела на моих веках. Я старею. Ей все равно. Она меня подождет. А ты? Иногда я смотрю на свое лицо в зеркале и думаю, ждет ли она там. Моз, прерви мой сон.

Помню, когда учился в Оксфорде, как-то заглянул на вечеринку к одному студенту. Это было тайное ночное мероприятие с недозволенным бренди и парочкой хихикающих страхолюдных девиц с окраины. Кто-то предложил устроить спиритический сеанс, и мы шутки ради взяли

журнальный столик, по краю мелом написали буквы алфавита и расставили вокруг стулья. Притушив свет, мы с девчачьими визгами и мужским гиканьем уселись играть. Как только вся компания угомонилась, я постучал по столу, и какофония началась по новой.

Вначале стакан под нашими руками бесцельно ездил по столу, крики "Тихо!" перемежались смехом, раздавались негодующие вопли в адрес тех, кто мошенничал, - всех нас!

Потом, словно по собственной воле, стакан начал летать по столу, выдавая похабные послания о каждом из присутствовавших и вызывая приступы веселья у пьяных девиц. Я всегда неплохо показывал фокусы.

Но вдруг все изменилось: мои осторожные манипуляции прервал какой-то более искусный медиум. Я пытался вернуть контроль над стаканом, но его вырвало из моей руки и закружило по столу, с поразительной меткостью он указывал буквы. Я раздраженно оглядел своих товарищей… и клянусь, никто не прикасался к стакану. Никто.

Даже тогда я знал, что это просто трюк. Я не верил в привидения и сейчас не верю. Но я так никогда и не узнал, кто творил чудеса в ту ночь. Мне казалось, все мои приятели слишком пьяны, да им бы и воображения не хватило, чтобы показать такую ловкость рук, - но фразы, появлявшиеся на кофейном столике в той темной комнате пятнадцать лет назад, слова, иссушавшие мой мозг те несколько минут, пока нервы не дрогнули и я пинком не опрокинул стол…

Не знаю, зачем я вам это рассказываю. Но, возможно, бессвязные отрывочные предложения Эффи и те полные отчаяния фразы на поверхности стола исходили из одного и того же погибшего разбитого сердца - это был голос мертвеца.

Прерви мой сон…

У Фанни были свои причины держать Эффи подальше от меня. Видит бог, мне было все равно. Меня уже тошнило от их маскарада, я жалел, что вообще ввязался. Когда я заглядывал в дом на Крук-стрит, Фанни снабжала меня выпивкой и развлечениями, а они с Эффи тем временем бесконечно

совещались наверху. Но это было не худшее. Нет.

Хуже всего было это имя… Марта.

Ее имя было знаком, молитвой, просьбой: поцелуем на губах Фанни, стоном у Генри, а у Эффи - благословением, переполнявшим все ее существо любовью и желанием… Марта.

После полуночи она бродила по сумрачным коридорам дома на Крук-стрит. Когда она проходила мимо, я чувствовал легкое шутливое прикосновение к своему затылку. Я ловил ее запах в складках штор, ее хрипловатый голос с легким акцентом доносился из открытого окна, ее смех раздавался в сыром лондонском тумане. Она снилась мне с тех пор, как я впервые увидел ее сквозь отверстие в стене - пылающая роза алой плоти, Фурия с пламенеющими волосами, что смеется сквозь огонь, как безумная, как богиня…

И все же никакой Марты не существовало.

Иногда мне приходилось напоминать себе об этом - я боялся сойти с ума, как все они. Марты не существовало - я это знал. Я видел, как она превращалась в коричневый ручеек краски в раковине в ванной комнате, в пятно косметики на белом полотенце. Словно Золушка, она была создана обманчивым полуночным колдовством, с рассветом от нее оставалось лишь несколько окрашенных волосков на подушке. Но если бы я не видел этого собственными глазами…

Черт бы ее побрал! Черт бы побрал все их мерзкие игры.

Никакой Марты не существовало.

Потом еще этот Генри Честер. О, не думайте, что я сомневался. У меня не было причин любить этого человека, да и он меня не любил, но афера становилась слишком изощренной, на мой вкус. Признаю, мысль о том, что Эффи соблазнила собственного мужа, вначале позабавила меня - в этом было какое-то невероятное извращение, и мне это нравилось, - но если бы вы видели Честера с застывшей на губах мертвенной улыбкой… Казалось, он шел на верную смерть, стоял у врат самого ада.

Чего они хотели от меня? Черт бы меня побрал, если я знал! Фанни должна была к тому времени понять: если мы и сумеем вытащить Эффи с Кромвель-сквер, рядом со мной ей места нет. Я не женюсь на ней и никогда не собирался. Все разговоры Фанни о будущем начинались словами: “Когда мы снова будем вместе”, словно речь шла о неком семейном воссоединении. Я не мог этого уразуметь. Эффи будет жить на Крук-стрит? Чем больше я об этом думал, тем абсурднее это казалось. Чем раньше выйду из игры, решил я, тем лучше.

И ладно бы я хоть деньги свои получил - но нет, казалось, мрачный маскарад будет тянуться до бесконечности. Оглядываясь назад, я понимаю, что мог бы порвать со всем этим, - я бы потерял возможность шантажировать Генри Честера, но не поэтому остался в игре. Назовите это высокомерием, если угодно: мне не хотелось, чтобы меня перехитрила женщина. В любом случае, я легко угодил в их ловушку. Наверное, был не в своем уме.

Мне нравится думать, что я не сразу согласился. План был до того гротескный и нелепый, что мог бы послужить либретто к какому-нибудь мрачному фарсу. Фанни сидела на диване и, прихорашиваясь, рассказывала, а мне было смешно, несмотря на пульсирующую головную боль.

- Фанни, ты просто чудо, - заявил я. - Я ведь на миг подумал, что ты это всерьез.

- Так я и не шучу, - безмятежно произнесла она. - Отнюдь. - Она посмотрела на меня непостижимыми агатовыми глазами и заговорщически улыбнулась. - Я рассчитываю на тебя, Моз, дорогой мой. Правда.

Я недовольно вздохнул.

- Ты хочешь сказать, что Эффи убедила Генри убить ее? - Я нервно, истерично хохотнул. Потом откашлялся, налил себе еще бренди и тут же осушил полбокала.

Между нами зазвенела тишина.

- Ты что, не веришь? - наконец спросила Фанни.

- Я… я не верю, что Эффи…

- Но это была не Эффи.

Черт бы ее побрал! Голос у нее был мягкий, как взбитые сливки, и я знал, что она сейчас скажет.

- Черт возьми, Фанни, никакой Марты не существует! - взвизгнул я. Стараясь совладать с голосом, чтобы снова не дать петуха, я повторил: - Марты не существует. Есть только Эффи, которая на три четверти чокнутая… и чего она добивается? Чего она хочет?

Она снисходительно улыбнулась.

- Уж ты-то должен знать. - Пауза, чтобы до меня дошел смысл слов. - Мы обе на тебя рассчитываем.

Улыбка стала ехидной. - И Марта, конечно.

44

Я не мог вернуться на Кромвель-сквер. Мысль о том, чтобы войти в дом, где спит она, пройти мимо ее двери, может быть, столкнуться с ней в коридоре или затылком почувствовать ее безумный укоризненный взгляд, смотреть, как она пьет шоколад за завтраком или разворачивает свое рукоделие в гостиной… и все это время знать, что в полночь она будет лежать в какой-то безымянной могиле на Хайгейтском кладбище, может, даже в той самой, что хранила беспокойный полусон шлюшьего ребенка… Это было невыносимо.

И я в темноте отправился в студию и попытался заснуть. Но ветер снаружи визжал голосом Эффи и колотил в окна. Я позволил себе лишь двадцать гранов хлорала. Но и они не принесли успокоения - лишь забытье, вскоре сменившееся дрожащим нетерпением. В одном шкафу у меня была припрятана бутылка бренди; я сделал глоток, но оказалось, что горло сжалось до размеров игольного ушка. Задыхаясь, я фонтаном изверг

обжигающую жидкость. Вдруг в дальнем углу я заметил какое-то движение, мне показалось, что там, в самой густой тени, шевельнулась портьера… я видел очертания женской руки…

- Кто здесь?

Нет ответа, лишь ветер.

- Я спрашиваю, кто здесь?

Я шагнул вперед. Она стояла там, в углу, лицо как бледное пятно, руки протянуты ко мне. На миг я утонул в полнейшем бреду, с губ срывался бессвязный поток слов… потом рука нащупала раму, в ноздри ударил запах краски и лака.

- Аххх… - Я пытался совладать с голосом, заговорить нормально. Губы не слушались. Мотылек под левым веком отчаянно бился. - Шш… Шехерезада.

Вот так лучше. Губы снова произнесли сложное имя. Я заставил себя дотронуться до картины, смех вышел скрипучий и натянутый, но по крайней мере это был смех. Нечего, нечего бояться, жестко сказал я себе. Там нет никакой танцующей Коломбины с пустыми глазницами и плотоядными зубами; нет маленькой девочки-призрака с протянутыми руками и пальцами в шоколаде; нет Присси Махони с кровавой замочной скважиной; нет матери с прекрасным разрушенным лицом, наблюдающей за мной со смертного одра…

Хватит! Усилием воли я отвернулся от картины (это нелепо, я не могу чувствовать взгляд Марты, словно удары гвоздей между лопаток, безжалостно впивающихся в спинной мозг) и подошел к огню. Я взглянул на часы: половина третьего. Я увидел книгу, лежащую обложкой вверх на кресле, и решил полистать ее, чтобы скоротать время. С отвращением я обнаружил, что это сборник поэзии. Открыв книгу наугад, я прочитал:

СОН СЕСТРЫ

Она уснула в Рождество,

И скрыла век усталых тень

Ту боль, которую досель

Облегчить не могло ничто.

Детская рука подчеркнула некоторые слова красным карандашом. С дрожью я понял, чья это книга. Надпись на титульном листе “ЮФИМИЯ МАДЛЕН ЧЕСТЕР”, аккуратные округлые буквы, заставила меня отшвырнуть книгу прочь, в темноту. Будь она проклята! Неужели она никогда не оставит меня в покое?

Ветер зловеще выл в трубах, потрескивали стропила. Дом стал пристанищем визжащих и бьющих крыльями невидимых существ. Я был внутри ящика Пандоры - тень, ждущая освобождения. Как мог я бояться темноты? Я сам был тьмой, самым жутким из ночных чудовищ. Чудовище боится - это смешно. И какая трогательная картина: монстр, съежившийся у затухающего огня в ночь своего освобождения. Я начал было играть с этой мыслью, но тут дверь студии с грохотом распахнулась, и меня вновь пронзил ужас.

В тот миг я действительно увидел их, демонов памяти, во главе с моей матерью, подобной ангелу тьмы. Но вот ледяной порыв ветра просвистел мимо меня, и дверь захлопнулась. И тогда я увидел кошку - кошку Эффи, тихо стоявшую у двери в ворохе сухих листьев, принесенных ветром. Вначале я подумал, что листья и были кошкой, потом заметил ее немигающие агатовые глаза, светившиеся в проходе. Она элегантно подняла лапу, словно красавица, подающая руку для поцелуя, затем зевнула, как змея, и принялась с медлительной грацией лизать вытянутую лапу. На мгновение я застыл. Я был уверен: это она, девочка-призрак, смотрит на меня кошачьими глазами, призрак моего первого убийства, явившийся терзать меня, пока я сижу здесь и планирую второе. Слышал ли я слова?

(расскажимне расскажи мне расскажи мне сказку?)

- Уходи! - воскликнул я.

(будет ли она кричать генри? проснется ли она увидит ли тебя? будет ли она пахнуть лавандой и шоколадом ах будет ли генри?) - Мне все это мерещится.

(разве)

- Здесь нет кошки, (генри)

- Здесь нет никакой кошки!

Мой голос сорвался и замер в темноте, как очередь выстрелов, и когда вновь воцарилась тишина, я понял, что прав: то, что я принял за кошку у двери, было лишь ворохом бурых листьев, что слегка шевелились на сквозняке. Странно, но это не взбодрило меня, лишь сильнее сдавило сердце. Я отвернулся, дрожа, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. Интересно, что сейчас делает Марта.

От мысли о ней, о ее сильной, сладкой уверенности в голове немного прояснилось. Я представил ее в своих объятиях, и от мысли о том, что скоро она будет моей, сердце забилось увереннее. Марта мне поможет - с ней я мог сделать это, не раскаиваясь. У моей двери не будет темного ангела, и осенняя кошка не свернется в тени… не будет бледной маленькой девочки-призрака. Не в этот раз. В этот раз Марта будет моей, и мы пройдем вместе тысячу и одну ночь.

Я принял еще пять гранов хлорала и был вознагражден: подействовало почти мгновенно. Голова моя стала ясным, холодным резонирующим барабаном, что восхитительно парил над телом, как воздушный шарик. Мысли тоже превратились в шарики, скрытые, далекие, с сонной медлительностью плывущие в темноте.

Без двадцати пяти три. Время вилось бесконечной спиралью… так много времени. Секунды как бесшумные волны, что накатывают на унылый серый берег, отсчитывая вечность. Спотыкаясь, я подошел к мольберту и стал писать.

Думаю, вы ее видели. Ее называют моей величайшей работой, хотя сюжет едва ли можно считать привлекательным: слишком он мрачен, под стать темной сущности художника. Я не могу представить ее в одной галерее с пресыщенными куртизанками Россетти или приторными избалованными детьми Миллеса. Мой “Триумф смерти” - это врата в мой личный ад, воплощение каждой дурной мысли, ледяного страха, задушенной свежести… белая как лунь, смертоносная, волосы развеваются вокруг лица, как лучи темной звезды, глаза слепы, как кулаки. Она стоит, раздвинув ноги, воздев руки к безжалостному немигающему Оку Бога в облаках, клубящихся над ней, обнаженная и пугающая в своей наготе, ибо - хотя в ее застывшей красоте не осталось ничего человеческого, ни следа нежности в безупречном жестоком изгибе губ, - она все равно способна вызывать желание - стылое, безысходное вожделение смерти. В каком-то смысле она прекрасна как никогда: алая и белая, словно окровавленное Тело Христово, стоит она посреди обломков человеческих костей, а позади нее красное небо Апокалипсиса.

Хотя у нее лицо Марты, она не Марта, не Эффи, не моя мать и не Присси Махони, и не танцующая Коломбина. Или, если хотите, она - все они и не только. Она - ваша мать, ваша сестра, ваша возлюбленная… постыдный сумеречный сон, приснившийся вам, когда мир был молод. Она - это я… она - это вы… на ее голове терновый венец, у ног злобно зевает кошка из мертвых листьев, а поверх чувственности ее змеиного, детского тела выстроен ромб между ее губами, грудями и темной дымкой волос на лобке, - четыре сокровенные буквы Тетраграмматона: йуд-хей-вав-хей. Тайное имя Бога. Я есть то, что есть.

45

Чем больше я об этом думал, тем тревожней становилось на душе. Моз, говорил я себе, ты, верно, сошел с ума. Но на карту было поставлено слишком много, чтобы меня смутил невинный обман - план был прост, проще простого, без малейшего риска неудачи. Все, что от меня требовалось, - помочь Генри отнести Эффи на кладбище, выбрать склеп, чтобы спрятать тело, положить ее внутрь, закрыть склеп, а когда Генри

уйдет, вернуться, выпустить Эффи и отвезти ее на Крук-стрит. На этом, что бы они обе ни думали, моя миссия закончится, и я смогу наконец пожинать плоды. Просто.

Генри будет считать, что Эффи умерла либо от чрезмерной дозы опия, которую он ей дал, либо от холода в склепе (весь день шел снег), Фанни будет удовлетворена, а я получу деньжат. Эффи, говорите вы? Ну, я никогда не обещал ей чуда, и у нее есть хороший друг, Фанни. Фанни за ней присмотрит. Может, я даже заскочу разок-другой с ней повидаться, если только никто не будет говорить о Марте - об этой сучке я больше и слышать не желаю.

Итак, я появился у дома на Кромвель-сквер примерно в половине первого ночи. Из-за снежных заносов экипажу было не проехать, и мне пришлось идти пешком от Хай-стрит. Снег набился в ботинки, облепил волосы и пальто. Сочельник будет чудесный.

Дюжина снеговиков наблюдала за Хай-стрит, словно шеренга призрачных часовых, - на лысой голове одного даже был полицейский шлем, лихо сдвинутый набекрень, - и хотя час был поздний, тут и там за освещенными окнами раздавались смех и пение. На домах висели цветные фонарики и яркие гирлянды, в окнах - свечи и мишура. Из открытой двери на меня пахнуло корицей, гвоздикой и сосновыми иголками, свет упал на снег, и припозднившиеся нетрезвые гости толпой вывалились с вечеринки в ночь. Я улыбнулся. В ночь, подобную этой, - особенно в эту - что бы мы ни делали, все пройдет незамеченным.

Я, наверное, минут пять стучал в дверь, прежде чем Генри услышал. Наконец он открыл дверь, и я с удовольствием отметил, как перекосилось его лицо, когда он увидел “приятеля Марты”. Я уж думал, он захлопнет дверь у меня перед носом, но тут до него дошло, и он жестом пригласил меня войти. Я сбил снег с ботинок, отряхнулся и шагнул за порог. Дом казался мрачным, чуть ли не заброшенным - ни остролиста, ни омелы, ни единой нитки мишуры. В доме номер десять на Кромвель-сквер не будет Рождества. Генри выглядел ужасно: безупречный черный костюм, накрахмаленная рубашка, выбрит до синевы - словно труп прямиком от гробовщика. Огромные глаза смотрели в никуда, лицо бледное, изможденное, и только под левым глазом билась и дрожала жилка - единственный признак жизни в этой пустыне.

- Вы друг Марты? - Первые слова он произнес хрипло, вполголоса. - Почему она мне не сказала? Неужели она думала, что мне не хватит духу?.. Неужели?.. - Я заметил отблеск гнева и осмысления в его расширенных зрачках. Он резко схватил меня за отвороты пальто и затряс с неожиданной яростью. Сквозь капли пота на его верхней губе я, словно сквозь увеличительное стекло, видел поры кожи.

- Черт тебя возьми! - прошипел он. - Я всегда знал, что тебе нельзя доверять. Это ты сделал, да? Ты рассказал Эффи о Крук-стрит. Это из-за тебя все случилось. Ведь так? - Его голос надломился, тик под глазом усилился, рот скривился, придавая ему сходство с горгульей. Я рывком высвободился из его хватки.

- Господи боже, не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите, - снисходительно сказал я. - Я пришел, потому что Марта меня попросила. Она мне доверяет. А если вы - нет, можете разбираться со всем этим самостоятельно.

Генри уставился на меня, тяжело дыша.

- Черт возьми, - сказал он. - Почему это должен быть ты? Если ты хоть словом обмолвишься…

- О, это весьма вероятно, не правда ли? - саркастически произнес я. - Знаешь ли, для меня тоже немало поставлено на карту. Я позабочусь, чтобы все прошло нормально… к тому же мы можем обеспечить друг другу алиби. Нет ничего странного в том, что успешный художник проводит вечер со своим заказчиком, не так ли? Это нам обоим кстати. - Я провел рукой по влажным волосам и изобразил на лице обиду. - Генри, - добавил я. - Мне казалось, мы друзья?

Он отвел взгляд и медленно кивнул.

- Я немного… устал, - ворчливо сказал он. - Я и представить себе не мог, что это будете вы. Друг Марты… - Он неловко пожал мне руку. - Вы просто застали меня врасплох, вот и все, - объяснил он, обретая прежнюю уверенность. - Проходите в гостиную.

Я осторожно пошел за ним, улыбаясь, но сохраняя обиженный вид.

- Бренди? - предложил он, наливая себе полный бокал.

- Чтобы не простудиться, - оживленно сказал я, приподнимая бокал.

Какое-то время мы пили молча.

- Ну, - наконец спросил я. - А где слуги?

- Я отпустил Тэбби в Клапам, повидаться с сестрой. Рождество, сами понимаете. А горничная Эффи в постели с зубной болью.

- Очень удачно, - заметил я. - Можно сказать, счастливое стечение обстоятельств.

Генри передернуло.

- Я представляю, что вы думаете, - довольно сухо сказал он. - Ситуация… безнадежно отчаянная. - Он судорожно сглотнул. - И все это мне крайне… неприятно.

- Ну разумеется, - дружелюбно сказал я.

Он метнул на меня взгляд, нервный и быстрый, словно птичий.

- Я… - Он запнулся, безусловно, как и я, сознавая нелепость ситуации. Ох уж мне эти салонные манеры!

- Поверьте, я прекрасно понимаю, - сказал я, чувствуя, что, если не заговорю, он на весь вечер застынет со стаканом в руке и бессмысленной извиняющейся улыбкой на лице. - Мне известно о… проблемах, которые доставляла вам бедная миссис Честер.

- Да. - Он энергично кивнул. - Она была больна, бедняжка, ужасно больна. Знаете, доктор Рассел - автор ряда книг о расстройствах психики - ее осмотрел. Она безумна. И никакой надежды на выздоровление. Мне бы пришлось отослать несчастную в специальное заведение. И представьте какой скандал бы разразился!

- А любой намек на скандал на данном этапе разрушил бы вашу карьеру, - серьезно согласился я. - Особенно теперь, когда ваша “Шехерезада”

получила такое признание критиков. Я слышал, Раскин подумывает написать о ней статью.

- Правда? - Но он отвлекся лишь на секунду. - Так что вы понимаете… - продолжил он, - что наиболее гуманный выход… и самый простой… - У него снова задергался глаз. Он вытащил пузырек с хлоралом и быстрым привычным движением вытряхнул на ладонь полдюжины горошин. Поймал мой взгляд и спешно проглотил лекарство, запив бренди.

- Хлорал, - тихо сказал он, будто оправдываясь. - Мой друг доктор Рассел порекомендовал. От нервов. Ни вкуса… ни запаха. - Он запнулся. - Она не будет… страдать, - мучительно выдавил он. - Это было так… легко. Она просто уснула. - Долгая пауза, потом он повторил, удивленно, словно загипнотизированный звучанием слов: - Она уснула в Рождество. Знаете это стихотворение? Я написал картину по нему… - Он несколько минут таращился в никуда, открыв рот, с видом почти безмятежным, если бы не безжалостное подергивание жилки под глазом.

- Время как нельзя более подходящее, - бодро сказал я, взглянув на часы. - Ночь перед Рождеством - ни у кого не возникнет вопросов, что мы делаем на улице в такой час. Если и увидят, как мы несем тело, подумают, что просто наш приятель слегка перебрал, к тому же сейчас холодно, и наши шарфы, шляпы и плащи не привлекут внимания. А самое замечательное, что всю ночь будет идти снег - он скроет наши следы на кладбище. Время самое подходящее, Генри.

Воцарилась тишина. Он кивнул, соглашаясь со мной.

- Ладно, - беззаботно сказал я. - Где Эффи?

Он вздрогнул, словно его дернули за невидимые веревочки.

- В… своей комнате. - Меня позабавило, что в лице его больше было смущения, чем вины. - Спит. Я… я подмешал это в ее шоколад.

- Хорошо, - ровно произнес я. - А что вы скажете слугам утром, когда они поймут, что ее нет?

Генри, сжав губы, улыбнулся:

- Я скажу Тэбби, что Эффи отправилась проведать мать на Рождество. Скажу, что хочу сделать ей сюрприз, и попрошу Тэбби украсить дом. У нас должно быть все: омела, остролист, мишура, самая большая елка, которую она сможет найти… Займу ее делом. А сам отправлюсь в Лондон и куплю Эффи рождественский подарок, будто ничего не случилось. - На губах его играла чуть ли не умиротворенная улыбка. - Что-нибудь милое. Я оставлю подарок под елкой и попрошу Тэбби приготовить нам особенный ужин - что-нибудь, что Эффи действительно любит… - Он замолчал и нахмурился, словно внезапное воспоминание прервало поток мыслей. - Шоколад. Она любит шоколад… - Он снова замолчал, веко дергалось на невидимых нитях, потом с усилием продолжил: - Шоколадный торт или что-нибудь в этом роде, - сказал он. - Потом я буду ждать. Через некоторое время начну волноваться и пошлю кого-нибудь в дом ее матери узнать, почему она задерживается. Они вернутся и скажут, что ее там вообще не было. Тогда я вызову полицию и заявлю, что она пропала.

На миг, встретив его немигающий торжествующий взгляд, я почувствовал что-то похожее на восхищение. Интересно, я бы сохранил невозмутимость в подобных обстоятельствах? Не то чтобы я не проворачивал грязных делишек, но я ни разу в жизни хладнокровно не травил женщину - хоть это и не значит, что я никогда этого не хотел! Глядя на Генри Честера, на его белое лицо и этот застывший безжалостный взор, я подумал, что, возможно, недооценивал этого человека. Впервые он казался в полном смысле слова живым, хозяином своей судьбы. Человеком, который посмотрел в глаза своей вине со скупой горькой улыбкой и сказал:

- Ладно. Пошли. Я есть тот, кто есть.

Двойка кубков[33]

46

Представьте, как снежинка опускается в глубокий колодец. Представьте,

как хлопья сажи падают с тусклого лондонского неба. Представьте это на миг.

Я парила сквозь слои тьмы, я танцевала на горных вершинах. Я видела, как рыцарь со связкой развевающихся знамен приветствовал даму в медной башне, видела табун белых лошадей, видела птицу-лиру с хвостом, подобным комете… Моя сумрачная сестра взяла меня за руку, и мы последовали за сонными приливами к берегам далеких морей, и она рассказала мне сказку о девушке, которая проспала сто лет, а все вокруг старели и умирали. Но у девушки был возлюбленный, который отказывался забыть ее, он охранял ее застывший сон и ждал, ждал - так сильно он ее любил. Каждый день он садился рядом и говорил с ней, и рассказывал ей о своей любви. Каждый день он расчесывал ее волосы и смахивал пыль и паутину с ее лица, и ждал. Время шло, он сделался стар и слаб, слуги его, думая, что он повредился рассудком, покинули его. А он все ждал. И в один прекрасный день, когда он сидел в последних лучах осеннего солнца, почти слепой и согбенный от возраста и тягот судьбы, ему показалось, что она шевельнулась, открыла глаза и проснулась. И он умер от радости, обнимая свою прекрасную возлюбленную и с последним вздохом выдыхая ее имя.

Да, она нашептывала мне сказки, пока я спала, я чувствовала, как она гладит мои волосы, и слышала, как она тихонько напевает:

Aux marches du palais…

Aux marches du palais…

’У a une si belle fille, lonla…

’У a une si belle fille…

Я посмотрела вниз, на тело, распростертое на кровати: несчастная бледная малышка… будет ли кто-то ждать ее?

Моз будет ждать меня. Я знала, что будет. Он обещал разбудить меня. Я

знала, что он меня разбудит. Когда Фанни поведала мне свой план, я сначала отказалась. Я боялась, я не хотела оставаться в темноте, когда они запечатают гробницу над моей головой. Я была уверена, что сойду с ума, даже если приму настойку… но она заверила меня, что ждать придется всего минут десять, потом он придет, и я смогу проснуться. И мы будем вместе, Моз и я, и ничто никогда не сможет разлучить нас. Я знала. Он обещал.

Генри отправил Тэбби повидаться с родными, и сердце мое болело за нее. Мне так хотелось, чтобы моя дорогая Тэбби была со мной в эти холодные, мрачные часы, хотелось слышать ее добродушное ворчание, вдыхать славные запахи теста, крахмала и мастики, и чтобы она подоткнула мне одеяло, когда я лягу спать…

Завтра, говорила я себе, Тэбби будет уверена, что я мертва. И тетя Мэй тоже, и постареет на глазах за стойкой магазинчика на Кранбурн. Маме придется отказаться от легкомысленных шляпок и прогулок в двуколке мистера Дзеллини - она будет носить траур (хоть черный ей и не к лицу) по дочери, которую никогда не понимала. Решусь ли я заглянуть к ним, когда окажусь вне досягаемости Генри? Не думаю, что когда-нибудь наберусь храбрости. Я буду мертва для них, мертва навеки. Рисковать нельзя, иначе Генри узнает.

Становилось все холоднее, снег залеплял мое окно и сыпал в дымоход, шипя на раскаленных камнях в очаге. Ветер завывал в трубах, а часы отсчитывали секунды. Тисси, урча, сидела у меня на коленях, и ее прищуренные на огонь глаза были как золотые полумесяцы… Интересно, будет ли Генри присматривать за моей кошкой, когда меня не станет?

За дверью послышался шорох шагов, и я чуть не подпрыгнула. Сердце бешено забилось. Это Генри, но не с ядом, а с чем-то действеннее, что утихомирит мое беспокойное сердце: с ножом, с топором, с веревочной петлей. Дверь распахнулась. Лицо его было зеленоватым в газовом свете, как на детской картинке, изображающей ведьму, опущенные веки отбрасывали длинные дрожащие тени. Благодаря самоконтролю, выработанному за годы позирования для Генри, я без труда изобразила на лице сонное спокойствие и зевнула.

- Это ты, Тэбби? - пробормотала я. Голос его был мягок, почти нежен.

- Это я. Генри. Я тебе что-то принес. - Обжигающая рука погладила меня по затылку. - Шоколад. Для моей маленькой девочки. Тэбби уехала, но это еще не значит, что о тебе все забыли.

- Шоколад. Спасибо. - Я рассеянно улыбнулась. - Это поможет мне заснуть, правда?

- Да, поможет. Спи спокойно, Эффи… - Он поцеловал меня в лоб, обдав жарким влажным дыханием. Я чувствовала, что он улыбается.

- Спокойной ночи, мистер Честер.

- Спокойной ночи, Эффи.

Когда Генри ушел, я вылила шоколад, легла в постель и заставила свое тонкое тело подняться. Теперь мне это удавалось без усилий. Перемещаясь из комнаты в комнату, я облетела весь дом и вылетела на снег. Я чувствовала, как снежинки пролетают сквозь меня, но не испытывала холода, лишь жгучее возбуждение - душа моя парила. Я ждала. В бестелесном состоянии я не замечала, как течет время, и, возможно, провела в объятиях пурги несколько часов, прежде чем они вышли из дома. Сердце мое подпрыгнуло, узнав Моза в этой его старой шляпе, надвинутой на глаза. Он поднял воротник пальто, спасаясь от холода. Генри стоял рядом с ним, я отчетливо видела его из своего продуваемого ветрами укрытия.

С такого странного ракурса он казался нелепым гномом; глядя одним глазом из-под шляпы, он поднял руки в перчатках, защищаясь от моего ветра, моей бури… Я рассмеялась. Только подумать, как мало понадобилось - новый ракурс, и вместо ужаса и благоговения я ощутила презрение. Я так привыкла смотреть снизу вверх на тонкую линию его губ, на холодные пещеры глаз, что забыла о слабости, о жестокости и лживости, искажавших его черты… Я присмотрелась, сфокусировалась на невидимом - и заметила грязное облако, дрожащее над его головой, мрачный ореол его души. Я смеялась голосом ночи, и, быть может, на этот раз он услышал меня: он запрокинул голову, и его дикий взгляд встретился с моим в миг совершенного, ужасающего понимания…

Но темный восторг переполнял меня не дольше секунды, потому что рядом с Генри стоял Моз, державший тело бедной маленькой Эффи одной

рукой, будто оно весило не больше плаща, в который она была закутана с головы до ног. Лицо моего возлюбленного озаряли яркие цветные вспышки; алые всполохи скрывали его от меня, словно багряный капюшон палача.

47

Она лежала на постели, волосы распущены, дыхание тихое - на мгновение я подумал, что она и впрямь мертва. Бутылочка с опиумной настойкой стояла на прикроватном столике, рядом - пустая чашка из-под шоколада. Краем глаза я заметил, как Генри коснулся чашки рукой, хрупкой и прозрачной, как фарфор. Эффи была одета в серое платье, и на фоне бледной ткани ее кожа будто светилась, а волосы, струившиеся по кровати и спадающие на пол, были тронуты бледным фосфоресцирующим сиянием. На секунду взгляд задержался на броши у ее горла - подарок Фанни, серебряная вещица в форме выгнувшей спину кошки отражала зеленоватый свет. За спиной Генри невнятно ахнул, словно задыхаясь.

- Она спит, - бодро сказал я, опасаясь, как бы решимость Генри не ослабла. - Где ее плащ?

Генри указал на плащ, висевший у двери.

- Помогите мне завернуть ее. Тут есть капюшон? Лучше найдите шляпку. - Генри не двинулся. - Быстрее, дружище! - нетерпеливо сказал я. - Мне одному не справиться.

Он молча покачал головой в отвращении.

- Я… я не могу прикоснуться к ней. Возьмите, - добавил он, протягивая мне плащи шляпку. - Наденьте на нее.

Я раздраженно пожал плечами и принялся завязывать шляпку и застегивать пуговицы на плаще. Она была совсем легкой, и я обнаружил, что могу нести ее на руке, как ребенка; она прижималась головой к моему плечу, ноги едва касались земли. Генри по-прежнему не хотел

дотрагиваться до нее; он распахнул передо мной двери, закрыл их за нами (педантичен, как всегда!), поправил рождественские украшения, потушил газовый рожок в прихожей и натянул ботинки и пальто, ни разу не взглянув ни на нее, ни на меня. Минут десять спустя мы вышли на улицу, и Генри запер дверь. Теперь назад пути не было.

Вдруг Генри замер, словно окоченел. На дорогу выскочила кошка и подняла лапу. Я узнал кошку Эффи, Тисси, ее желтые глаза злобно сверкали, а вокруг кружились хлопья снега. При виде кошки Генри сдавленно вскрикнул. Глядя на него, я был уверен, что с ним вот-вот случится удар: лицо исказилось, как в кривом зеркале.

- А-а-а-а…

- Не дури, дружище! - Получилось грубее, чем я рассчитывал. - Это просто кошка. Соберись, ради бога. - Все это начинало действовать мне на нервы. - Подсунь под нее руку, - приказал я сурово. - Когда избавишься от нее, сможешь вдоволь наслаждаться угрызениями совести, если захочешь, а сейчас…

Он кивнул, и мы двинулись дальше. В глазах его я увидел ненависть, но мне было все равно. Это поможет его отвлечь.

В обычных обстоятельствах прогулка до Хайгейта заняла бы у меня минут десять - но в ту ночь она казалась бесконечной. Дорогу замело, под предательским рыхлым снегом скрывался лед, ноги не слушались. Ступни Эффи волочились по тонкому насту, еще больше нас замедляя. И хотя Эффи была почти невесома, через каждую пару сотен ярдов нам приходилось останавливаться и отдыхать; дыхание паром вилось вокруг нас, коченели руки, по спинам бежал пот. Мы почти никого не встретили; двое мужчин у входа в публичный дом окинули нас безразличным взором, ребенок выглянул из-за плюшевой шторы в окне темного дома. Однажды Генри померещился полицейский, и он застыл в ужасе - пришлось объяснить, что редким полицейским на службе выдают глаза-пуговицы и морковки вместо носа.

Спустя полчаса мы подошли к кладбищу; оно было неестественно ярким, почти светилось под тусклым оранжевым небом. Чем ближе мы были к цели, тем медленнее тащился Генри, он цеплялся за мое плечо и

почти висел на мне, как Эффи. Оглянувшись в последний раз, я убедился, что вокруг ни души. На самом деле видимость была отвратительной, и я едва различал свет ближайшего фонаря, а снегопад уже заметал наши следы. Я снял Эффи с плеча и отстегнул от пояса незажженный фонарь.

- Пришли, - коротко сказал я. - Подержи ее минутку.

Генри едва не рухнул, когда голова Эффи переместилась на его плечо; ленты шляпки развязались, и светлые волосы упали ему на лицо, призрачные, как снег. Приглушенно вскрикнув от отвращения, он оттолкнул от себя тело, и Эффи упала лицом в снег. Генри отскочил в сторону, как-то по-детски подняв руки, словно защищаясь.

- Она живая! - прошептал он. - Она живая и шевелится.

- Возможно, - согласился я, - но она без сознания. Помоги мне ее поднять. - Я говорил спокойно, несмотря на растущее раздражение. - Уже недалеко.

Генри покачал головой:

- Я почувствовал, она шевелилась. Она просыпается. Я знаю. Ты ее возьми. Дай мне фонарь. - Он с трудом выговаривал слова, и я понял, что он близок к обмороку.

Я сунул ему фонарь, поднял Эффи со снега и снова натянул шляпку на ее распущенные волосы. Генри позади меня рылся в карманах. Достав пузырек с хлоралом, он опрокинул его в рот. Потом дрожащими пальцами сумел кое-как зажечь фонарь и, бросив последний взгляд назад, прошел за мной в ворота кладбища.

48

Оставив за стенами кладбища ледяной хлыст ветра, мы очутились в невероятной, оглушающей тишине. Небо над головой - разрозненная снежная мозаика. Ни луны, ни звезд, лишь темные хлопья мотыльками

летели на свет фонаря. Земля под ногами мертвенно-бледная, словно луна, - казалось, они с небом решили поменяться местами на эту чудовищную ночь.

Я смотрел в спину идущего впереди Харпера. Несмотря на глубокий снег, он шагал широко и быстро; он нес Эффи на руках, и ее волосы саваном спадали на его ладони и запястья. Впервые в жизни меня охватила внезапная зависть к этому человеку, который, похоже, не испытывал ни страха, ни раскаяния, ни вины. А ведь он был виновен ничуть не меньше меня, но он как будто признал свою вину, примирился с ней… Как же мне хотелось быть Мозом Харпером! Но когда хлорал начал действовать, я обнаружил, что вновь способен принимать чудовищность того, что мы совершали. Погруженный в молчание, я осознал, что смотрю в глаза Тайне, я возвращался сквозь приливы и течения, по которым уже плыл однажды, сквозь воды моего детства и моего греха, назад, в комнату с бело-голубой дверной ручкой, к истоку моей ненависти и страдания… к моей матери.

Я давно перестал чувствовать холод. Пальцы на руках и ногах покалывало, но остального тела не было - я парил в нескольких дюймах над снегом, чуть задевая тонкий наст. Я понял, что апостол Павел был прав: первородный грех передается душе через тело. И вот я был вне своего тела и чувствовал себя чистым; слово “убийство” плясало передо мной, озаряемое вспышками яркого света. Если долго и пристально смотреть на слово, оно теряет всякий смысл.

Я помню, как мы прошли мимо ливанского кедра; свет фонаря выхватывал из темноты силуэты запорошенных снегом гробниц по обе стороны дорожки. Потом Харпер остановился, сбросил с плеча в снег сумку с инструментами и повернулся ко мне.

- Накройте фонарь, - бросил он. - И следите за тропой. - Кивнув на вход в склеп перед собой, он аккуратно опустил Эффи наземь и начал рыться в сумке. - Никто не приходит к этой могиле, - объяснил он. - Все родственники умерли. Это идеальное место.

Я не ответил. Все мое внимание сосредоточилось на маленькой гробнице: что-то вроде часовни, на крошащемся камне готическим шрифтом красовалась фамилия Ишервуд. Я поднял фонарь повыше, и в дальней стене вспыхнуло витражное окно. У окна стояла полусгнившая

скамеечка для ног, обивка из роскошной парчи от времени и сырости превратилась в тончайшее кружево. Моз без труда открыл дверь и руками в перчатках стал выгребать снег и листья, покрывавшие мраморный пол.

- Видите? - спросил он, не оглядываясь. - Вот тут открывается. - Через его плечо я разглядел мраморную плиту, чуть светлее остальных, в которую было вделано железное кольцо. - Там, внутри, должно быть, дюжины покойников, - продолжил Моз, подсовывая под край плиты небольшое зубило. - Черт! - раздраженно воскликнул он, когда зубило выскользнуло из ладони. - Эту давно запечатали, накрепко. Придется отколоть камень.

Ночь вдруг вцепилась мне в горло, как голодный волк. Окоченевшие члены снова обрели чувствительность, я вспотел. Я знал, что мы обнаружим в гробнице, когда Моз наконец откроет ее. Затхлый воздух обжег легкие; кажется, я уловил слабый запах жасмина и жимолости…

И тут Эффи шевельнулась.

Я знаю, что шевельнулась, - я видел. Она чуть поменяла позу и уставилась на меня страшными бронзовыми глазами. Говорю вам, я это видел.

Харпер стоял к ней спиной. Ему удалось приподнять мраморную плиту и теперь он пытался сдвинуть ее, чтобы открыть вход. Он пыхтел, выдыхая бледный пар, точно дракон. Услышав мой крик, он обернулся на дорожку, высматривая свидетелей.

- Она проснулась! Она двигалась!

Харпер нетерпеливо отмахнулся. Но она правда двигалась! Вначале почти незаметно, однако я догадывался о тайной ненависти, что змеей разворачивалась в ее тонком белом теле; ее лицо было лицом моей матери, лицом Присси Махони, куклы Коломбины и мертвой шлюшьей дочери, их губы двигались в унисон, произнося черное заклинание, словно по их приказу разверзнется земля и фонтан крови выплеснется на незапятнанный снег… Наконец и Харпер заметил: сонный поворот головы под темным плащом, судорожно сжимающиеся кулаки. В одну секунду он оказался рядом с пузырьком опия, одной рукой обнял ее за плечи. Она что-то бормотала невнятным голосом спящего ребенка:

- Мо… оз, я…

- Шшш, тише. Засыпай, - ласково сказал он.

- Нет… я не… я не хочу… - Она боролась со сном и постепенно приходила в себя. Голос Харпера в полумраке был нежным, чарующим:

- Нет, Эффи… засыпай… шшш, засыпай…

Ее глаза распахнулись, и в этот миг в ее расширенных зрачка я узрел Око Бога. Я чувствовал, как Его взгляд фокусируется на мне, будто луч солнца сквозь увеличительное стекло. Я видел его безмерное, чудовищное равнодушие.

Я закричал.

49

Ругаясь про себя, я пытался говорить нежно, успокоить ее. Черт бы ее побрал! Еще пара минут, и дело было бы сделано. Я натянул ей на лицо плащ, чтобы ограничить живительное действие холода, обнял ее и тихо зашептал. Но Эффи быстро приходила в сознание, глаза ее двигались под опущенными веками, дыхание учащенное и неровное. Одной рукой я открыл бутылочку с опием, уговаривая ее выпить несколько капель.

- Давай, Эффи… шшш… просто выпей это… давай, вот умница.

Но я не смог убедить ее принять настойку. Вместо этого - вот катастрофа - она заговорила.

Генри стоял неподалеку; он запаниковал, когда Эффи открыла глаза, и отбежал на несколько шагов к дорожке, но все еще был в пределах слышимости. Я понимал, если она хоть словом обмолвится о нашем плане, Генри, невзирая на свое состояние, моментально догадается и об остальном. Я крепче обхватил Эффи, пытаясь заглушить ее слова.

- Давай, - сказал я настойчивее. - Выпей это и не шуми.

Ее глаза впились в меня.

- Моз, - произнесла она вполне отчетливо. - Мне снился такой странный сон.

- Забудь о нем, - отчаянно зашипел я.

- Я…

(Слава богу, подумал я, она снова засыпает.)

- Слушай, просто будь паинькой, выпей лекарство и спи.

- Ты… ты вернешься за мной, правда… правда ведь?

Черт ее дери! Генри шел назад по дорожке. Я попробовал зажать ей нос и влить настойку в горло, но она продолжала говорить.

- Совсем как… Джульетта в гробу… как у Генри на картине. Ты придешь, правда?

Голос ее в ночи прозвучал неожиданно ясно.

Вы должны понять: я никогда не желал ей вреда. Если бы она еще несколько минут не шумела… на самом деле в этом нет моей вины. У меня не было выбора! Генри уже совсем близко - еще одно слово, и все пойдет насмарку. Все наши усилия впустую. Я не мог заставить ее замолчать.

Поймите, я действовал чисто инстинктивно: я не хотел сделать ей больно - хотел успокоить на пару минут, а за это время я бы избавился от Генри. Было темно, руки затекли от возни с плитой - и да, я нервничал, кто угодно бы на моем месте психанул.

Ладно, ладно. Я не горжусь тем, что сделал, но вы бы поступили так же, поверьте мне. Я приложил ее головой - не очень сильно, но сильней, чем намеревался, - о край гробницы. Просто чтобы успокоить. Она бы мне

спасибо не сказала, если бы из-за меня Генри нарушил наш план; она бы хотела, чтобы я сделал все, что мог, ради нее и ради себя самого.

Сучка могла все испортить.

Она рухнула в снег, и, поднимая ее, я заметил пятно крови в ямке под ее головой. Всего одна круглая капелька размером с монету. Я поборол ужас. Что, если я ее убил? Она была такой хрупкой, к тому же почти без сознания… завершить дело Генри было нетрудно. Я наклонился и прислушался к дыханию… она не дышала. Что, по-вашему, я должен был делать? Я не мог помочь ей - Генри бы сразу заподозрил. Я мог только ждать. Через десять минут Генри бы ушел. И я бы занялся Эффи. Я не верил, что такой слабый удар по голове убил ее - скорее всего, я просто не расслышал ее дыхания из-за шума ветра. Я не мог позволить себе паниковать из-за такой ерунды.

Я аккуратно стряхнул с нее снег и отнес в склеп. Заглянув в отверстие и обнаружив, что там темно, я повесил фонарь Генри над входом, чтобы не упасть. Вниз вела дюжина узких ступеней, некоторые потрескались и осыпались от времени. Я осторожно спустился во мрак с безвольным телом Эффи и огляделся, думая, куда бы ее положить. В склепе было чуть теплее, чем снаружи, а еще там омерзительно пахло затхлостью и плесенью, но, по крайней мере, хоть гробы под ногами не мешались - они были спрятаны в полках за каменными плитами и замурованы. Я отнес Эффи вглубь склепа, где оставалась свободная полка, на которой она вполне помещалась. Я положил ей под голову свой мешок, поплотнее закутал в плащ и оставил, а сам поднялся наверх, к Генри.

Я снова запечатал гробницу и забросал плиту землей и листьями, дабы не обнаружить своего вторжения. Потом захлопнул дверь и подпер ее камнем. Повернувшись к Генри, я протянул ему фонарь и улыбнулся.

С минуту он смотрел на меня пустыми глазами, затем кивнул и взял фонарь.

- Значит… сделано, - тихо сказал он. - Действительно сделано.

Как ни странно, теперь он говорил куда отчетливее, чем прежде, голос у него был ясный и почти безразличный.

- Вы ведь помните, что делать дальше, да? - настойчиво спросил я, опасаясь этой новой безмятежности. - Подарки. Елка. Экономка. Все должно быть как обычно. - С тревогой я осознал, что, если я и правда убил Эффи, мы рисковали не только его шеей - но и моей тоже.

- Разумеется.

Тон был почти высокомерным. Он отвернулся, и странная мысль пришла мне в голову: он меня отпускает, я больше не нужен. Я усмехнулся и вдруг расхохотался, задыхаясь от горького веселья посреди могил, и мой хохот удивительно подходил к этой готической ночи, а тяжелые хлопья снега забивались мне в рот, в глаза, в волосы. Генри Честер медленно шагал прочь по дорожке, высоко держа фонарь, как суровый апостол, ведущий мертвых в ад.

50

Некоторое время не было ничего, даже самого времени. Я была вне движения, вне мыслей, вне снов. Потом мир стал возвращаться. Отрывки мыслей проплывали в голове одинокими нотами незаконченной симфонии. Я пробиралась сквозь облака памяти в поисках себя, пока вдруг передо мной, словно воздушный шарик, не возникло лицо, и я вспомнила имя… потом еще одно… и еще, они кружились вокруг меня в тумане, как рассыпавшиеся карты. Фанни… Генри… Моз…

Но где была она, моя темная сестра? Подруга моих снов, мой близнец, мой ближайший друг? С растущим ужасом искала я ее, озираясь, и понимала, что впервые с тех пор, как мы встретились и стали путешествовать вместе, я одна. Одна и в темноте. Воспоминания обрушились на меня, и я заплакала от страха: мой голос странным эхом отражался от ледяных стен, и когда темная волна ужаса схлынула, я поняла, где нахожусь. Я попробовала шевельнуться, но тело было как камень, руки как застывшая глина. Пытаясь заставить негнущиеся члены двигаться, я обнаружила, что могу приподняться на локтях. Я мучительно шарила вокруг, зрачки расширились от безграничной темноты. Я лежала на какой-то полке - руки онемели, и я не понимала, из дерева она или камня,

но нащупала край в нескольких дюймах слева. Что дальше, я не знала, предпочитая тихо лежать на месте, чем наткнуться на гнилые доски какого-нибудь древнего гроба… Сверху доносились ночные шорохи и тонкое завывание ветра.

Мысль о том, что происходит снаружи, на миг ввергла меня в смятение, я представила, что я глубоко под землей, а вокруг корни кедров. Завтра люди пойдут по заснеженной тропе к церкви: дети в ярких пальто и шапочках, мечтающие прокатиться на санках с Хайгейтского холма; влюбленные рука об руку, ослепленные сиянием снега; хористы с фонарями и сборниками рождественских гимнов… а я все время буду под ними - ледяная глыба, окруженная мертвецами…

Я вздрогнула, и крик невольно вырвался из груди: “Нет!” Моз придет. Я должна ждать, а он вернется и найдет меня. Осознав это, я испытала невероятное облегчение. На миг я так запуталась, что поверила, будто действительно умерла, навеки запертая под снегом и мрамором.

И с теплой волной этого облегчения я вновь выскользнула из тела и поплыла к свету, туда, где меня уже ждала сестра.

51

Наблюдая, как Генри исчезает в конце Хай-стрит, я остановился и глянул на часы: два часа ночи, формально - канун Рождества. Я промок и теперь, без своей ноши, начал мерзнуть. Я решил дать Генри минут тридцать-сорок на дорогу домой - не дело, если он наткнется на меня, когда я буду вскрывать гробницу, - и прошел около полумили вниз по улице к одному заведению, своему старому прибежищу, хозяин которого обладал здоровым пренебрежением к рабочим часам. Там я смогу пропустить стаканчик-другой, чтобы согреть эту мрачную ночь. Если я собирался снова в одиночку открыть склеп, сперва следовало выпить.

Я знаю, что вы думаете, и в каком-то смысле вы правы. Понимаете, когда я укладывал безжизненное тело Эффи на полку в склепе, меня посетила одна мысль - мысль, которую, как мне казалось, стоило

обмозговать в более здоровой обстановке. До сих пор я пекся лишь о том, как заставить Генри поверить, что Эффи мертва; ни Фанни, ни я не загадывали вперед. Никто не обеспокоился, что станет с тяжело больной Эффи, когда маскарад закончится. Теперь я понимал, что, весьма вероятно, ей понадобится медицинская помощь - возможно, госпитализация. Нужно будет найти место, где она сможет оставаться инкогнито, потому что если до Генри дойдет слух, что она до сих пор жива, это будет означать не только конец нашего выгодного предприятия, но и, скорее всего, арест. Честно говоря, все указывало на то, что Эффи…

Это была всего лишь мысль. Человек может думать, нет? И в любом случае… Клянусь, мне бы такое никогда в голову не пришло, если бы я не был наполовину уверен, что она уже мертва. Считаете, что я не переживал за мою бедную малышку Эффи? Вы ведь знаете, она мне очень нравилась. Но вы должны признать, что ее смерть пришлась бы кстати всем нам. Это словно было предначертано. И так поэтично, вы не находите? Как Джульетта в гробу.

.

52

Под покровом тишины я медленно возвращался на Кромвель-сквер; бескрайняя тишина, подобная смерти. Безжалостные глаза Эффи очистили меня от всех мыслей, и я бездумно шагал сквозь белый зыбучий снег.

Я упрямо пытался заставить себя страдать: с ожесточением твердил, что я убил Эффи; представлял ее, еще живую, внутри склепа; как она просыпается, кричит, плачет, сдирает пальцы до крови, до кости, тщась выбраться… но даже самые зловещие видения не могли вызвать ни малейшей дрожи, ни единой вспышки раскаяния. Ничего. И вскоре я ощутил некое эхо в мозгу, которое постепенно превратилось в единый радостный гимн из одной ноты, вибрирующий в барабанных перепонках в такт биению сердца: Марта, моя темная месса, мой реквием, мой смертельный танец. Я чувствовал, как она зовет меня в ночи, жаждет меня, мою душу, ее голос не слышен, но он близко, он рядом…

Когда я добрался до дома, она уже была там, закутанная в черный плащ так, что я видел лишь бескровный овал лица. Она беззвучно поманила меня внутрь. Даже не останавливаясь, чтобы зажечь лампы, я потянулся к ней. Зачем она пришла, как вошла в дом - эти вопросы даже не пришли мне на ум. Достаточно просто держать ее в руках - какая она легкая, почти бесплотная под тяжелыми шерстяными складками плаща! - зарыться лицом в ее волосы, вдыхать острые запахи ночи, исходящие от ее кожи: мне чудились жасмин, и сирень, и шоколад…

Ее губы воспламеняли мои, но тело ее было обжигающе холодным; она раздевала меня, и пальцы ее чертили спирали ледяного огня на моей коже. Она шептала мне на ухо, и я слышал шепот кипарисов на Хайгейтском кладбище. Она сбросила плащ с плеч, и я увидел, что под ним она нагая. Она казалась призраком в зеленоватой темноте, сияние снега отражалось на ее мертвенно-бледной коже… но, несмотря ни на что, она была прекрасна.

- Ох, Марта, что я для тебя сделал… что я для тебя сделаю…

Помню, как собрал свою одежду, когда все закончилось, и пошел по коридору к себе в спальню. Она шла за мной, по-прежнему обнаженная, ее ноги беззвучно ступали по толстым коврам. Бросив одежду на пол, я скользнул под простыни. Она последовала за мной, и мы лежали вместе, как усталые дети.

Я долго не смыкал глаз, а когда в восемь утра проснулся, она уже ушла.

53

Ладно, ладно. Я пропустил больше, чем пару стаканчиков. Ну, во-первых, в “Клубе попрошаек” было тепло. Я встретил друзей, игравших в карты, и они угостили меня выпивкой. Я в долгу не остался, а потом мы взяли перекусить, и из-за всего этого холода, и ходьбы, и выпивки, ну, я… задержался. Может, не совсем задержался, но поймите, я напряженно размышлял по дороге и принял непростое решение.

Не нужно так на меня смотреть. Не думайте, что это было легко. На самом деле я и начал-то пить бренди отчасти для того, чтобы забыть о том, что должен сделать, и, ну, одно за другим, и я почти сумел вообще о ней забыть. Я помню, как чуть ли не с ужасом посмотрел на часы в пять утра - но к тому времени, конечно, было слишком поздно. Решение уже мне не принадлежало.

Возвращаться домой в такое время смысла не было, поэтому я отдал старому грабителю, заправлявшему клубом, свои последние деньги, получил ключ от комнаты и заполз в постель прямо в рубашке, собираясь поспать до рассвета, а потом отправиться восвояси. Но я пролежал под простынями пять минут, не больше - уже уютно задремал, - как вдруг отчего-то проснулся. Я прислушался: вот оно - слабое, почти незаметное царапанье в дверь, словно кто-то водил острыми ногтями по шероховатому дереву. Должно быть, еще один клиент, подумал я, напился как сапожник и хочет разделить со мной номер, увидев, что все остальные заняты. Ну, я не собирался его впускать.

- Занято! - гаркнул я из-под одеяла.

Тишина. Может, показалось? Я снова начал погружаться в сон. И тут мое внимание опять привлек звук - на сей раз поворачивалась дверная ручка. Мне это стало надоедать. Черт бы побрал этого парня, неужто он никогда не оставит меня в покое? Дверь все равно заперта, подумал я. Когда он поймет, что я говорю серьезно, он уйдет.

- Я сказал, номер занят! - заорал я. - Убирайся, будь добр, и найди себе другое место, а? - Это должно подействовать, решил я и перевернулся на другой бок, наслаждаясь теплыми одеялами и гладким бельем.

И тут дверь открылась.

На миг мне показалось, что это дверь соседнего номера, но, оглянувшись, я увидел клин сероватого света из ближайшего окна - и очерченный женский силуэт. Прежде чем я успел отреагировать, дверь снова закрылась, и я услышал, как тихие женские шаги приближаются к кровати. Я хотел что-то сказать - голова еще была порядочно затуманена бренди, - но тут она остановилась рядом со мной, и я понял, что она раздевается.

Ну, что вы думаете, я сделал? Вы ждали, что я натяну простыни на голову и позову хозяйку? Или стану жеманничать: “Ах, мисс, мы ведь даже не знакомы!”? Нет, я вообще ничего не сказал. Я просто ждал - я успел разглядеть, что девушка молодая и фигурка вроде недурна. Может, она увидела меня в клубе и подумала… Не нужно так выпучивать глаза, со мной такое и раньше случалось. А еще она могла ошибиться комнатой, и в таком случае разумнее придержать язык. К тому же усталость неожиданно как рукой сняло.

Тихое шуршание шелка - платье скользнуло на пол. Она не произнесла ни звука. В темноте бледная фигура подошла ближе, я ощутил ее вес, когда она опустилась на покрывало, а потом наконец скользнула ко мне под простыни. Она коснулась меня, и я вздрогнул. Она была такой холодной, что казалось, ее прикосновение оставит ожог. Но потом ее руки обвились вокруг меня так возбуждающе, так эротично, что, невзирая на озноб, пробиравший до костей, я стал отвечать, принимая ее сладострастные леденящие ласки. Она уселась на меня верхом, волосы упали мне на лицо, длинные, легкие и холодные, как паутина, стройные сильные ноги плотно обхватили мои ребра. И все же, несмотря на новизну всего этого, я мог поклясться, что знаю ее… Заостренные ногти легонько царапали мои дрожащие плечи. Она тихо-тихо прошептала что-то, наклонившись ко мне, и я инстинктивно повернулся, чтобы расслышать ее слова.

- Моз…

Даже дыхание ее было холодным, и волосы дыбом встали у меня на груди; а еще была эта растущая тревога, уверенность, что я встречал ее раньше.

- Моз… я так долго тебя искала… ах, Моз. На миг я почти узнал ее.

- Я ждала, но ты так и не пришел. Мне очень холодно.

И снова: почти… но не совсем. И почему-то мне не хотелось спрашивать, кто она такая, - на всякий случай… Я беспокойно поежился, пары бренди мешали собраться с мыслями; странное воспоминание вдруг выплыло из тумана: я сижу на том давнишнем спиритическом сеансе (мне очень холодно) и смотрю на стакан, а тот, будто сам по себе, движется по полированной поверхности.

- Мне очень холодно. - Безнадежный, далекий шепот, голос памяти.

Я решил разрядить обстановку.

- Это ненадолго, дорогуша. Я тебя быстро согрею. Правда, возбуждение несколько спало. Ее плоть была как глина в моих замерзших пальцах.

- Я ждала, Моз, так долго. Я ждала. Но ты так и не пришел. Ты так и не… - Еще один долгий вздох, словно эхо в пещере.

И тут возникла такая нелепая мысль, что я чуть не рассмеялся вслух. Смех застрял в горле, когда до меня дошел смысл…

- Эффи?

- Я…

- О боже, Эффи! - Сомнений быть не могло. Это она: запах ее кожи, ее волосы, ее хриплый шепот в темноте. Голова кружилась, я проклинал бренди; я слышал, как где-то вдалеке мой голос тупо повторяет ее имя, точно сломанная кукла. - Но как ты выбралась? Я… - Сбивчиво: - Я собирался прийти, ты знаешь. Правда собирался. - Торопливо придумывая оправдание: - Я вернулся, но там был полицейский, возле кладбища, поэтому я не смог войти… Я ждал, ждал… Я с ума сходил от волнения.

- Я шла за тобой, - безучастно произнесла она. - Я пришла за тобой сюда. Я ждала, когда ты придешь. Ах, Моз…

Факт моего предательства эхом звучал между нами громче любых слов. Я заставил себя говорить:

- Господи, Эффи, ты ничего не знаешь. Чертов полисмен стоял там часа три… Когда я наконец пробрался мимо него, ты уже ушла. Мы, должно быть, разминулись на несколько минут, - сказал я с притворной искренностью. Я поцеловал ее с фальшивой страстью. - А теперь давай просто радоваться, что мы вместе и ты в безопасности. Хорошо? - Я заставил себя обнять ее, хоть сам дрожал. - Просто согрейся, дорогая, и постарайся заснуть.

- Заснуть… - Теперь ее голос был почти неслышен, дыхание - тишайший

шепот на ухо ночи. - Больше никакого сна. Я спала достаточно.

Когда я проснулся четыре часа спустя, ее и след простыл, и я почти готов был поверить, что все это мне привиделось. Но, словно в доказательство того, что она мне не приснилась, она оставила свою визитную карточку на столике у кровати - серебряную брошь в форме кошки, выгнувшей спину.

54

Тэбби вернулась от своих родственников ранним утром в канун Рождества. Меня разбудили шаги внизу. Я встал и торопливо оделся. Мы столкнулись на лестнице, она несла поднос с шоколадом и печеньем для Эффи.

- Доброе утро, Тэбби, - улыбнулся я и взял поднос. - Это для миссис Честер? Я отнесу.

- О, мне совсем не трудно, сэр… - начала она, но я учтиво ее перебил:

- Осмелюсь заметить, вас сегодня ждет много работы, Тэбби. Проверьте, есть ли утренняя почта, потом приходите в гостиную, и я сообщу вам, что мы с миссис Честер придумали.

- Разумеется, сэр.

Я побежал с подносом наверх, выплеснул шоколад в окно и съел два печенья. Потом расстелил постель Эффи, смял ее ночную рубашку, бросил ее на пол и раздвинул шторы. Я оставил чашку на прикроватном столике - Эффи нравилось жить в бардаке - и, довольный собственной находчивостью, спустился вниз, чтобы заняться Тэбби. В то утро я отлично держал себя в руках - оказалось, я могу смотреть на комнату Эффи, на ее вещи, не испытывая тошноты, трогать ее ночную рубашку, чашку, из которой она выпила отравленный шоколад. Словно моя ночная встреча с

Мартой вдохнула в меня новый неукротимый дух. Дневной свет навсегда прогнал демонов ночи. В гостиной я напустил на себя жизнерадостный вид.

- Тэбби, - весело объявил я, - миссис Честер решила сделать матери сюрприз на Рождество и отправилась ее навестить. Пока ее нет, мы с вами приготовим сюрприз ей.

- Сэр? - вежливо отозвалась Тэбби.

- Вы пойдете и накупите омелы и остролиста, чтобы украсить весь дом, а потом приготовите ваш лучший рождественский ужин. Я хочу все: перепелиные яйца, гуся, грибы… и, конечно, самое лучшее шоколадное полено - вы же знаете, как миссис Честер неравнодушна к шоколаду. Если что-то и может вернуть ей прежнюю веселость, так это праздник, как вы считаете, Тэбби?

Глаза Тэбби сияли.

- О да, сэр, - радостно сказала она. - Я так волновалась за юную леди. Бедняжка так исхудала, сэр, ее бы подкормить. Хорошая простая еда, вот что ей нужно, и не важно, что там говорит доктор, и…

- Вы правы, - перебил я. - Итак, Тэбби, ни слова. Пусть это будет наш секрет, мы удивим миссис Честер. Если вы отправитесь за покупками немедленно, как раз успеете нарядить елку.

- Ах, сэр, - расцвела Тэбби. - Юная леди будет так довольна!

- Я очень на это надеюсь.

Когда Тэбби выбежала из дома, я позволил себе роскошь улыбки - худшее позади. Если мне удалось убедить Тэбби, что все в порядке, значит, тревогам конец. Я чуть ли не с нетерпением предвкушал покупки!

Около одиннадцати утра я взял кэб и отправился на Оксфорд-стрит. Около часа я разглядывал витрины. Я купил пакет каштанов у уличного торговца-ирландца и съел, наслаждаясь ими больше, чем любой едой с тех пор, как впервые встретил Марту. Я бросал горячие скорлупки в канаву, глядя, как они уплывают по серой реке талого снега. В одной лавке я купил

отрез золотой ленты, в другой - пару розовых лайковых перчаток, в третьей - апельсин. Я почти забыл, что лишь играю роль, и обнаружил, что всерьез раздумываю, какие подарки больше всего понравятся Эффи: может, вот этот красивый кулон из аквамарина, этот черепаховый гребень, эта шляпка, эта шаль?

Я зашел в галантерейную лавку и, оказавшись у прилавка с бельем, стал лениво разглядывать ночные сорочки, чепчики, юбки. Вдруг я застыл. На витрине передо мной лежала накидка - шелковый халат моей матери, персикового цвета, один к одному, как я запомнил его, только новый, с оборками на тонком шелке, пышными, как морская пена. Я ощутил мощный, неодолимый порыв: я должен им обладать. Невозможно уйти и оставить его, восхитительный приз за мою победу над виной. Я уносил его, и от возбуждения кружилась голова.

Вскоре к драгоценному свертку прибавилась еще дюжина: увлекшись, я накупил больше подарков, чем когда-либо, - и один из них предназначался Марте: чудный рубиновый кулон, который светился и пульсировал, будто сердце. Последним моим приобретением стала елка высотой в пятнадцать футов. Заказав доставку, я с опасным удовлетворением отправился назад, на Кромвель-сквер.

Тогда-то я и увидел ее - маленькую тонкую фигурку в темном плаще, капюшон почти скрывал ее лицо. Я смотрел на нее довольно долго и успел заметить белую руку, сжимающую шерстяную ткань, пряди светлых волос, светившихся в тени переулка… потом она исчезла.

В одночасье мое показное хладнокровие рассыпалось карточным домиком. Я боролся с безумным желанием побежать за ней, сорвать капюшон с ее лица. Но это нелепо. Нелепо даже думать, что это могла быть Эффи, нелепо воображать Эффи с комками могильной грязи, приставшими к юбкам, и ужасающим голодом во взоре…

Но глаза мои невольно продолжали украдкой смотреть в конец переулка, туда, где стояла девушка. Вреда не будет, если я просто взгляну, говорил я себе, просто чтобы убедиться… Мостовая в узком переулке была скользкой от растаявшего снега и неделями копившегося мусора. Тощая полосатая кошка обнюхивала дохлую птицу в канаве - никаких следов девушки. “Конечно, она ушла, - сердито сказал я себе. - А ты надеялся, она

будет тебя дожидаться?” Она могла зайти в любой дом, в магазин. Она не явилась с того света, чтобы мучить меня.

И все же мне стало холодно, очень холодно… и когда я решительно шагал на свет и шум Оксфорд-стрит, я готов был поклясться, что все двери в этом пустынном переулке заперты; да и окна тоже.

55

Я проснулся от звона колоколов - оглушительного, нестройного; он ворвался в мои сны, превратив их в резкие, жестокие воспоминания. За окном все было белым-бело, даже воздух. Вдалеке группка людей сквозь туман пробиралась к церкви. Я позвонил, чтобы принесли кофе, и, проигнорировав служанкино веселое “Счастливого Рождества”, сделал первый глоток. По венам разлилось тепло, и я обнаружил, что могу воспринимать события ночи с обычной отстраненностью. Не думайте, что я не испугался - ночь взыскала свою дань снами и тревожными грезами, но это были всего лишь сны.

Этим-то, как видите, мы и отличаемся, я и Генри Честер. Он напустил собственные страхи на самого себя, словно голодных демонов; я же вижу в своих лишь то, чем они являются, - домыслы беспокойной ночи. И все же было ощущение, что меня одурачили так же ловко, как беднягу Генри… Но мне не свойственно горевать - игрок должен уметь проигрывать красиво. Просто интересно, как им это удалось.

Я надел вчерашний костюм и начал обдумывать свой следующий шаг. Бог знает, что Эффи уже успела наговорить Фанни. Ночью я так и не разобрался, поняла ли она, что я ее бросил. Но Фанни узнает. И Фанни способна причинить массу неприятностей, если захочет.

Да, Фанни именно та, кого мне следовало повидать, прежде чем хотя бы подумать о визите к Генри.

Так что я натянул пальто и пешком отправился на Крук-стрит. Повсюду была мишура, в холодном воздухе витали ароматы хвои и специй; по

дороге в голове у меня прояснилось, и, добравшись до дверей Фанни, я готов был разыграть с ней самый опасный блеф в своей жизни.

Я колотил в дверь минут десять, но никто не открывал. Я уже начал думать, что никого нет, но тут щелкнул засов, и появилось лицо Фанни, белое и невыразительное, как циферблат часов в холле позади нее. В первый миг я решил, что она ходила в церковь: она была одета в черное. Крупные складки мягкого бархата окутывали ее с головы до ног, и на фоне роскошной ткани ее кожа казалась особенно белой; агатовые глаза как никогда напоминали кошачьи, но покраснели, будто она плакала. Представлять такое было странно и как-то неловко. За все годы нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы Фанни Миллер пролила хоть слезинку. Я топтался на пороге.

- Фанни, счастливого Рождества! - Я расплылся в нелепой улыбке.

Не удостоив ответной улыбкой, она сделала мне знак войти. Я стряхнул снег с ботинок и повесил пальто в прихожей. Девиц Фанни видно не было, и на миг повеяло жутью, будто я очутился в заброшенном доме. Пахло пылью - или иллюзией пыли - в дюйм толщиной на прогнивших половицах. Тиканье часов в холле вдруг превратилось в оглушающее биение гигантского сердца… также внезапно это сердце остановилось, и стрелки глупо застыли на без одной минуты двенадцать.

- У тебя часы остановились, - сказал я. Фанни не ответила.

- Я… я пришел сразу, как только смог, - упорно продолжал я. - С Эффи все в порядке?

Глаза ее были непроницаемы, зрачки как точки.

- Эффи нет, - сказала она почти безразлично. - Эффи мертва.

- Но… я ночью…

- Эффи нет, - повторила она голосом столь отстраненным, что я подумал, уж не злоупотребляет ли она, как Генри Честер, собственным зельем. - Нет Эффи, - повторила она. - Теперь есть только Марта.

Снова эта сука.

- О, понимаю, маскировка, - промямлил я. - Что ж, это хорошая идея, так ее никто не узнает. Да, насчет прошлой ночи… - Я переминался с ноги на ногу. - Я… ну, все прошло… то есть… Генри все проглотил. Жаль, тебя там не было.

Нет ответа. Я даже не был уверен, что она слушает.

- Я волновался за Эффи, - объяснил я. - Я собирался сразу вернуться за ней, но - Эффи, должно быть, тебе рассказала - возникли некоторые сложности. Там был полицейский, у ворот кладбища. Наверное, увидел фонарь и подошел взглянуть поближе… Я прождал несколько часов. А когда вернулся, Эффи уже ушла. Я с ума сходил от беспокойства.

Ее молчание тревожило все больше. Я уже хотел снова заговорить, но тут услышал шорох в коридоре за спиной - шорох шелка. Вздрогнув, я резко обернулся и увидел тень: гротескно удлиненная, она колыхалась на цветных обоях. В полумраке ее было не разглядеть, но я смутно узнавал черты, бледный овал лица, серое платье, идеальными складками спадающее на пол, черные волосы, распущенные, прямые…

- Эффи? - с напускной веселостью хрипло сказал я.

- Я Марта.

Конечно. Я попытался усмехнуться, но нелепый смешок растворился в тишине. Ее голос был холоден и равнодушен - точно снег падает.

- Я просто зашел проверить, все ли у тебя в порядке. Ну… что ты не заболела… - сбивчиво начал я.

Тишина. Кажется, я услышал вздох; ее дыхание - как шаг босиком по замерзшей траве.

- Я сегодня собираюсь навестить Генри ближе к вечеру, - не сдавался я. - Сами понимаете, деловой визит. Поговорить о деньгах. - Слова застревали в горле, говорить было физически больно. Черт бы их побрал, почему они молчат? И тут Эффи открыла рот - но нет, это ведь была не Эффи? Это Марта, сучка Марта, темный ангел желаний Генри, искусительница, мучительница… Она не имела отношения к Эффи, возможно, была лишь фантазией из пудры и краски для волос, но я знал, что это делает ее еще

опасней. Потому что она была настоящей, черт бы ее побрал, такой же настоящей, как вы или я. Я чувствовал ее тайное ликование, спотыкаясь на обрывках фраз в поисках объяснения, которое казалось мне столь безупречным всего несколько минут назад, на снегу. Она собиралась это сказать - я знал, что она скажет. Она шагнула вперед и коснулась меня. У меня перехватило дыхание. Ее гнев обжигал, но нежное прикосновение действовало как обезболивающее - я ничего не почувствовал.

- Ты оставил меня, Моз. Ты оставил меня умирать в темноте. - Ее голос гипнотизировал, я готов был сознаться.

- Нет! Я…

- Я знаю.

- Нет, я как раз говорил Фанни…

- Я знаю. Теперь моя очередь. - Она говорила сухо, почти без выражения, но обнаженными нервами я ощутил ее гнев - гнев и насмешку.

- Эффи…

- Никакой Эффи нет.

И вот теперь я в это поверил.

Я едва убрался оттуда - надрывно глотая густой бурый воздух, задыхаясь от пыли во рту, в ноздрях, в легких… Фанни молча наблюдала, как я схватил пальто и, спотыкаясь, вывалился на улицу. Испуганно оглянувшись, я в последний раз посмотрел на них - они стояли рядом, рука об руку, уставившись на меня беспощадными глазами. В этот миг они были как мать и дочь: одинаковые лица, зеркальная ненависть. Паника охватила меня, и я упал в снег, одежда промокла на коленях и локтях, руки окоченели…

Когда я обернулся вновь, дверь была закрыта, но их ненависть осталась со мной, жестокая и нежная, как легкий аромат духов в воздухе. Я зашел в ближайшую пивную, чтобы снять напряжение, но гнев Марты преследовал

меня даже пьяного, не давая согреться. Будь они обе прокляты! Все подумают, что я и правда убил Эффи. Чего они ждали от меня? Я помог ей сбежать, разве нет? Хотя все и пошло слегка не по плану. Я одурачил Генри, и я добуду для них деньги - уверен, самим им не хватит духу встретиться с ним лицом к лицу. Вчера: “Ты нужен мне, Моз, я рассчитываю на тебя, Моз”, а сегодня… Нет смысла подслащивать пилюлю, сказал я себе. Они меня использовали. И я не должен угрызаться. Я взглянул на часы: половина третьего. Интересно, что поделывает Генри. Эта мысль немедленно взбодрила меня. Скоро настанет время для скромного визита к Генри.

56

На Кромвель-сквер моей эйфории пришел конец. Я увидел гирлянды из остролиста и ягод на двери, и внезапно накатила усталость, чувства онемели при мысли о спектакле, который придется разыграть перед Тэбби, когда - неизбежно - Эффи не вернется домой. Я взялся за ручку, но дверь вдруг открылась, и появилось лицо Тэбби, улыбающееся, довольное, сияющее радостью. Бросив взгляд на свертки у меня в руках, она восхищенно ахнула.

- Ах, сэр, - сказала она. - Миссис Честер так обрадуется! И дом такой нарядный, и пирог в духовке как раз остывает. Батюшки светы!

Я довольно сухо кивнул.

- Вы и впрямь потрудились. Не могли бы вы взять у меня покупки и отнести их в гостиную? - Я протянул ей свертки. - А потом я бы выпил бренди.

- Конечно, сэр. - Она заспешила прочь с подарками, оживленная, как ребенок, и я кисло улыбнулся.

Я пил бренди в библиотеке, когда доставили елку. Я наблюдал, как носильщик и Тэбби устанавливают ее в гостиной, потом смотрел, как Тэбби вешает на нее стеклянные шары и мишуру и к концам веток

прикрепляет воском маленькие белые свечки. Странным образом завораживало. Сидя у огня, прикрыв глаза и вдыхая такой ностальгический запах еловых иголок, я приятно расслабился; мне чудилось, будто я - какой-то другой Генри Честер, моложе, и жду волшебных сюрпризов в рождественскую ночь…

Вечерело. Тэбби зажгла свечи на камине и подложила дров в огонь, в комнате повеяло домашним теплом, и эта, столь неуместная, казалось бы, искорка уюта возымела странное действие: события прошедшей ночи отдалились, как детство, и я сам почти верил в свою выдумку, когда заговорил с Тэбби:

- Тэбби, который час?

- Начало пятого, - ответила Тэбби, прилаживая на елку последнюю свечу. - Не хотите чашечку чая и пирожок с изюмом?

- Да, было бы славно, - одобрительно сказал я. - А вообще-то лучше принесите чайник: миссис Честер обещала вернуться не позже четырех.

- Принесу ей кусочек моего особого кекса, - добродушно отозвалась Тэбби. - Она, наверное, вся продрогла.

Чайник, пирожки и кекс простояли на буфете почти целый час, прежде чем я позволил себе изобразить беспокойство. Это оказалось проще, чем я думал. Дело в том, что с приближением ночи хладнокровие мало-помалу покидало меня. Сам не знаю почему, я нервничал. Меня мучила жажда, и я пил бренди, но от него становилось жарко и кружилась голова. Я все посматривал на сверток с шелковой накидкой, что лежал под елкой. Прямо места себе не находил.

В конце концов я позвал Тэбби.

- Нет ли вестей от миссис Честер? - спросил я. - Она ведь сказала, что вернется к четырем, а сейчас уже шестой час.

- Никаких, сэр. Но вы не волнуйтесь, - успокоила меня Тэбби. - Наверняка она задержалась поболтать. Скоро вернется.

- Надеюсь, с ней ничего не случилось, - сказал я.

- Да нет, сэр, - ответила она, качая головой. - Я уверена, она уже идет.

Я ждал, пока на камине не догорели рождественские свечи. Те, что на елке, Тэбби уже давно заменила к приходу Эффи. Я пил кофе, чтобы успокоиться, и пытался читать, но буквы плясали перед глазами. Тогда я достал альбом для набросков и стал рисовать, сосредоточившись на линиях и текстуре бумаги и карандашей; голова была как безмолвный пчелиный улей. Часы на камине пробили семь, я поднял глаза и потянулся к колокольчику. И замер. Рука застыла в воздухе, как у марионетки: я уловил движение возле елки. Вот опять. Занавеска чуть шевельнулась, словно отдернутая невидимыми пальцами. Я прислушался и, по-моему, различил некий отзвук, словно ветер теребил проволоку. Яркие обертки подарков под елкой шуршали на сквозняке. Стеклянная игрушка вдруг закрутилась сама собой, отбрасывая всполохи на стену. Потом - тишина.

Нелепо, сказал я себе, сдерживая бешенство. Это сквозняк, оконная рама перекосилась, где-то в доме открыта дверь. Нелепо воображать, что за окном стоит Эффи и длинные светлые волосы обрамляют ее бледное голодное лицо… Эффи пришла забрать свой подарок… а может, и подарить свой.

- Нелепо! - вслух сказал я. В ночи слова прозвучали утешительно и надежно. Нелепо.

Нелепо, да, но я все же подошел к окну, отдернул тяжелые шторы и сквозь толстое стекло выглянул наружу. Освещенная фонарями улица была пустынна и бела: ничьи следы не нарушали сверкающий снежный покров. Я позвонил в колокольчик.

- Тэбби, что-нибудь слышно от миссис Честер?

- Нет, сэр. - Энтузиазма в ее голосе поубавилось. Эффи опаздывала на три часа, и снова пошел снег, удушающий ночь.

- Возьмите извозчика и езжайте на Кранбурн узнать, отправилась ли миссис Честер домой. Я останусь здесь на случай, если с ней что-то стряслось.

- Сэр? - с сомнением спросила она. - Вы же не думаете, что она… Я не уверена, что я…

- Делайте, что я говорю, - оборвал я, сунув две гинеи ей в руку. - Торопитесь и нигде не останавливайтесь. - Я выдавил страдальческую улыбку. - Может, я чересчур тревожусь, Тэбби, но в таком городе, как Лондон… Ступайте. И скорее возвращайтесь!

- Да, сэр, - сказала она, все еще хмурясь.

Я смотрел в окно, как, закутанная с головы до пят в шали и плащ, она семенит по нетронутому снегу.

Вернулась она с двумя полицейскими.

Я с трудом подавил преступную дрожь, увидев, как они заходят в ворота: один высокий и тощий, второй приземистый, как Тэбби, оба с непокрытыми головами, они неуклюже шагали по густому снегу к моей двери. И хотя по спине бежали мурашки, я обнаружил, что за паникой таится смех, столь же горький, сколь неодолимый. Я нащупал пузырек с хлоралом на цепочке, вытряхнул три горошины и проглотил, запив последним глотком бренди. Я почувствовал, как мрачная веселость стихает, и заставил себя сидеть и ждать.

Услышав стук, я вскочил с кресла и стремглав бросился открывать дверь, едва не скатившись с лестницы. Я стоял на пороге с видом человека, чьи худшие опасения подтвердились, физиономия Тэбби сморщилась - она сдерживала слезы, - лица офицеров профессионально невозмутимы.

- Эффи! - нервно выпалил я, позволив отчаянному напряжению этого вечера насквозь пропитать это короткое слово. - Вы нашли ее? Она в порядке?

Высокий офицер заговорил осторожно, без всякого выражения:

- Сержант Мерль, сэр. Это, - указывая на второго длинной костлявой рукой, - констебль Хокинс.

- Моя жена, офицер. - Голос мой был хриплым от скрываемого смеха - несомненно, сержанту Мерлю в нем послышалось отчаяние. - Что с моей

женой?

- Боюсь, сэр, миссис Честер не появлялась на Кранбурн. Миссис Шел бек не было, но мисс Шел бек, ее золовка, просто с ума сходит. Нам с большим трудом удалось отговорить ее ехать с нами.

Я нахмурился, в замешательстве качая головой:

- Но…

- Мы можем на минуту войти, сэр?

- Конечно. - Я почти не притворялся. Голова кружилась от выпивки, хлорала и стресса. Я схватился за косяк, чтобы удержать равновесие. В какой-то момент я чуть не упал.

Худая рука Мерля оказалась на удивление сильной. Он подхватил меня и повел в теплую гостиную. Констебль Хокинс последовал за нами, Тэбби замыкала процессию.

- Миссис Гонт, может быть, вы приготовите чай мистеру Честеру? - мягко сказал Мерль. - Ему, кажется, нехорошо.

Тэбби вышла, через плечо оглядываясь на полицейских, охваченная мрачным предчувствием. Я тяжело опустился на софу.

- Простите, сержант, - сказал я. - Я последнее время болею и так переживаю из-за жены. Пожалуйста, скажите мне всю правду. Мисс Шелбек удивилась, что жена собиралась на Кранбурн?

- Очень удивилась, сэр, - бесстрастно ответил Мерль. - Она сказала, что леди ей об этом ни слова не говорила.

- О господи. - Я обхватил голову руками, чтобы скрыть радостную ухмылку, пробивавшуюся сквозь мои безвольные черты. - Нельзя было ее отпускать! Нужно было пойти с ней, что бы ни говорил доктор. Я не должен был этого допустить.

- Сэр?

Я поднял на него обезумевший взгляд.

- С моей женой уже случалось… подобное, - медленно сказал я. - Мой друг, специалист по нервам доктор Рассел, осматривал ее дней десять назад, не больше. Она подвержена… истерии, думает, что ее преследуют. - Лицо исказила гримаса, словно я готов был заплакать. - Боже мой, - страстно вскричал я, - зачем я ее отпустил? - Я резко встал и схватил Мерля за руку. - Вы должны найти ее, сержант, - взмолился я. - Одному богу известно, куда она отправилась. Что угодно… - Мой голос услужливо надломился. - Что угодно могло с ней случиться.

А потом я заплакал, по-настоящему заплакал, слезы текли по щекам, душили меня. Я сотрясался от истеричных всхлипываний, выплескивая попеременно то горе, то ядовитый смех. Но и рыдая, закрыв лицо руками, я все равно ликовал - что-то холодно, механически шевелилось в камерах сердца, я осознавал, что если и горюю, то не по Эффи - вообще непонятно по кому.

57

Лишь после семи вечера я решился нанести запоздалый визит Генри. Я поймал извозчика до Хай-стрит и от кладбища пешком отправился на Кромвель-сквер. Я проходил мимо детей, распевавших рождественские гимны, - среди них была девочка лет двенадцати, она светилась неземной, прозрачной красотой. Подмигнув прелестному созданию, я бросил по шестипенсовой монетке всем ее друзьям - в конце концов, теперь я мог это себе позволить - и, насвистывая, зашагал к владениям Честера.

Он почти сразу открыл на стук, словно ждал посетителей. Судя по его лицу, он отнюдь не жаждал видеть меня, но, бросив вороватый взгляд на улицу, кивком пригласил войти. Экономка не показывалась - вероятно, ее не было дома. Тем лучше, подумал я: проще будет вести переговоры с Генри.

- С Рождеством, Генри, - весело сказал я. - Дом такой нарядный. - Опять-таки, - добавил я с чарующей улыбкой, - нам есть что праздновать, не так

ли?

Он уставился на меня:

- Разве?

Я вопросительно поднял брови.

- Ладно, ладно, Генри, не прикидывайся, - заявил я. - Мы оба знаем, что я имею в виду. В это Рождество нам обоим удалось придумать, как избавиться от некоторых… трудностей, назовем это так. Твои, я так понимаю, были матримониальными, мои же - исключительно финансовые. Мы прекрасно поладим.

Генри не был глуп: он начинал соображать, о чем я. Ночью он был одурманен виной и хлоралом, но сегодня хладнокровия ему было не занимать, и он просто вперил в меня этот свой надменный взгляд.

- Не думаю, Харпер, - невозмутимо сказал он. - В самом деле, сомневаюсь, что мы теперь станем часто видеться. Вообще, я сейчас очень занят…

- Конечно же, не настолько, чтобы не выпить со старым другом в Рождество? - улыбнулся я. - Мне бренди, если можно. Никогда не обсуждаю дела, не промочив горло.

Генри не двинулся, так что я налил себе сам из ближайшего графина.

- Присоединишься? - любезно предложил я.

- Чего ты хочешь? - спросил он сквозь зубы.

- Хочу? - обиженно переспросил я. - Ну зачем так сразу? Боюсь, ты неверно понял меня, Генри. Просить о чем-то - я бы никогда не опустился до такой пошлости… Но вот если бы ты предложил, во имя нашей дружбы, к примеру, какие-нибудь три сотни фунтов, чтобы я расплатился с кредиторами - Рождественская премия, так сказать, - я бы не смог тебе отказать.

Глаза его сузились от ненависти и понимания.

- Ты не можешь меня шантажировать! Ты тоже в этом участвовал. Я тебя носом в это ткну.

- Буду свидетелем обвинения, дорогой друг, - беспечно сказал я. - К тому же у меня есть друзья, которые могут соврать, если понадобится. А у тебя есть?

Я дал ему время осознать это. Потом, одним глотком допив бренди, сказал:

- Почему бы просто не проявить дух Рождества? Услуга за услугу. Подумай об этом. Что значат три сотни для такого человека, как ты? Заплатишь - и я мигом испарюсь Разве оно того не стоит?

Генри помолчал. Затем посмотрел на меня с премерзкой гримасой.

- Сиди здесь, - приказал он, повернулся на каблуках и вышел.

Он возвратился через несколько минут с металлической коробочкой, и сунул ее мне в руки, словно хотел оцарапать.

- Держи, мерзавец. Деньги тут. - Он сделал паузу и сжал губы в почти невидимую линию. - Зря я тебе доверял, - тихо сказал он. - Ты все спланировал заранее, так ведь? Ты и не собирался помогать никому, кроме себя. Убирайся с моих глаз! Не желаю никогда больше тебя видеть.

- Конечно, не желаешь, дорогой мой, - весело сказал я, убирая коробку в карман. - Но кто говорит, что не увидишь? Жизнь так непредсказуема. Осмелюсь заметить, мы можем встретиться снова… на выставке или в клубе… или на кладбище, кто знает? Не провожай меня. Счастливого Рождества!

Полчаса спустя я сидел в одном из своих любимых хеймаркетских заведений. Драгоценная коробка аккуратно припрятана во внутреннем кармане, я пил прекрасный бренди у теплого огня и ел каштаны, сваренные в сидре, из рук пятнадцатилетней прелестницы с соболиными волосами и губами, как мякоть персика.

На муки совести как-то не было времени. Замешательство Генри привело меня в отличное настроение, и, признаюсь, это, а также общество девицы и коробки с деньгами весьма способствовало тому, чтобы неприятные мысли об Эффи перестали меня беспокоить. Меня занимали другие, более насущные дела.

Я выпил за будущее.

58

Когда он ушел, я заметался по холлу в исступленной ярости. О, меня замечательно обдурили. Теперь я все понял. Все, что он говорил о моем искусстве… часы, которые провел в моем доме, попивая мой бренди, пялясь на мою жену… все это время он ждал подходящего момента, чтобы напасть на меня, втихаря посмеиваясь над моей неуклюжей, несведущей любезностью. Черт бы его побрал! В пылу гнева я почти готов был признаться полиции во всей этой несчастной истории, лишь бы увидеть его на виселице… Но я отомщу - не сейчас, пока что я должен сохранять спокойствие, видимость самообладания, если придется иметь дело с полицией. Но я отомщу.

Я поднялся к себе, и хлорал, растворенный в бренди, утопил мою ярость на дне морском. Быстро наступило оцепенение; я сидел в кресле, заставляя дрожащие руки лежать неподвижно на подлокотниках, и ждал.

Однако ночь была полна звуков: треск поленьев в очаге, шелест пузырьков воздуха в газовом рожке, так похожий на легкое неровное дыхание спящего ребенка… Я придвинул кресло к огню и слушал, и мне казалось, что среди обычных зимних скрипов и шорохов старого дома я различаю что-то еще, сочетание звуков, в которых мой притупленный разум наконец узнал шаги - кто-то тихо обходил комнату за комнатой вокруг меня. Сначала я не обратил внимания (шуршание женских юбок о шелковые обои), невозможно, чтобы кто-то вошел в дом без ключа, а я запер дверь сразу после ухода Харпера (легкие шаги по мягким коврам, скрип кожаного кресла: она присела отдохнуть). Я налил себе еще бокал бренди с хлоралом (тихий звон фарфора из гостиной: она попробовала

пирог; она всегда особенно любила шоколадный пирог).

Не в силах более выносить этого, я вскочил на ноги и распахнул дверь. Из комнаты в коридор упала широкая полоса света. Никого. Дверь в гостиную приоткрыта - это я ее так оставил? Я не помнил. Подчиняясь гнетущему желанию, во много раз превосходившему страх, я толкнул дверь, и она медленно отворилась. На миг я увидел ее, девушку из листьев с кошкой из листьев на руках - и свое крошечное отражение в зеркальных колодцах их глаз… потом - ничего. Лишь белый силуэт плакучей ивы, запечатленный на темном окне.

Девушки не было. Никогда никакой девушки не было. Я быстро оглядел комнату: пирог цел, посуда на месте, складки шторы математически четкие. Ни одно дуновение ветра не тревожило пламени свечей, ни одна тень не падала на стену. Никакого аромата сирени. И все же было что-то… Я нахмурился, пытаясь понять, что же не так: диванные подушки не смяты, украшения не тронуты, елка…

Я застыл.

На ковре под елкой лежал маленький треугольник оберточной бумаги. Всего один. Я тупо пытался сообразить, откуда он взялся. Сделав два неуверенных шага вперед, я увидел, что верхний подарок - персиковая шелковая накидка - чуть сдвинут. Я машинально нагнулся поправить его - ленточка разрезана, сверток развернут, из плотной коричневой обертки торчат складки шелка и кружево.

Рассудок отказывался воспринимать увиденное, и пока одна часть меня что-то бессвязно кричала, другая лишь спокойно таращилась на раскрытый подарок. Я погружался в бескрайнюю пустоту. Может, все дело в хлорале - мысли заторможенно ползли от накидки к порванной бумаге, к разрезанной ленточке, опять к накидке, со слабоумной отчужденностью. В необъятной тишине стоял я один, с накидкой в руках, а разорванная бумага соскальзывала с нее и падала медленно, как во сне, на пол, далеко-далеко вниз. Шелк в руках завораживал, я различал мельчайшие детали с нечеловеческой четкостью, нащупывал переплетение нитей, окунаясь в лабиринт кружева, спирали внутри спиралей… Казалось, накидка заполняла собой весь мир, и не оставалось места для мыслей, только для осознания, бесконечного осознания, бесконечного созерцания…

Со дна бездны услышал я свой смех.

59

Удивительно, правда, как деньги умеют исчезать? Я раздал долги - не все, естественно, а те, с которыми тянуть уже было некуда, - и несколько дней наслаждался образом жизни, к которому, кажется, был бы не прочь привыкнуть. Я вкусно ел, пил только лучшее. Что же до женщин, их было столько, что всех и не упомнишь, все как одна красотки, все очаровательно жаждали увидеть, какого цвета деньги Генри. Не думайте, что я не был ему благодарен: я обязательно пил за его здоровье всякий раз, как открывал новую бутылку, а когда Бедная Дева участвовала в забеге на ньюмаркетском ипподроме, я без колебаний поставил на нее десять фунтов - кстати, выиграл по ставке пятнадцать к одному. Казалось, я ни в чем не мог проиграть.

Не то чтобы я не следил за событиями из своего маленького рассадника излишеств. Об исчезновении Эффи Честер написали в “Таймс”, упомянув, что, возможно, имело место преступление: похоже, в рождественское утро она отправилась навестить мать, живущую на Кранбурн, но так там и не появилась. Леди была “хрупкого и нервического склада”, полиция опасается за ее безопасность. Генри, судя по всему, весьма неплохо сыграл свою роль: в газете говорилось, что он “обезумел от горя”. Но он был неуравновешен, я это знал: хлорал и религия в равной степени подорвали его выдержку, и я догадывался, что через несколько недель уловок он с большой вероятностью впадет в глупое уныние и станет воображать кары, готовые обрушиться на его голову.

Я чувствовал, что не ровен час он в экстазе раскаяния сдастся полиции - и не будет больше пирогов для бедного Джека. Быть может, Фанни так и задумала с самого начала, хотя я представить не мог зачем. Может, ей хотелось, чтобы Генри был арестован и уничтожен - единственная логичная причина, - но я все равно не понимал, почему она выбрала столь непредсказуемый способ. Я был в безопасности в любом случае. Холодный прием, оказанный этими неблагодарными на Крук-стрит, убедил меня, что

никаких обязательств перед ними у меня больше нет. Если бы Генри попытался обвинить меня, я бы рассказал правду - столько правды, сколько потребуется. Пусть Фанни объясняет свои мотивы и отвечает на возможное обвинение в похищении; пусть Эффи объясняет про Марту. Я-то избавился от обеих. Обвинить меня возможно разве что в прелюбодеянии или шантаже, а любая попытка разыскать предполагаемый труп обречена на провал: “труп” в этот самый момент бродил по дому Фанни, перекрасив волосы и накачавшись опием.

Фанни! Признаюсь, она так и осталась для меня загадкой. Мне бы хотелось ее повидать, узнать, что она поделывает. Но я вовсе не жаждал встречаться с этой стервой Мартой - никогда. Так что вместо этого я решил нанести еще один визит Генри.

Это было… дайте-ка подумать… наверное, тридцатое декабря. У Генри была почти неделя, чтобы разобраться со своими многочисленными делами, а у меня почти закончились деньги. Я прогулялся до его дома и сказал экономке, что хотел бы видеть мистера Честера. Глянув презрительно, она сообщила, что мистера Честера нет дома. Нет дома для меня, скорее всего, подумал я, и заявил, что подожду. Ну, она пригласила меня в гостиную, и я уселся ждать. Через некоторое время я заскучал и начал оглядываться вокруг: комната все еще была украшена к Рождеству, а под елкой лежало несколько свертков, ждущих, чтобы их развернула девушка, которая никогда не вернется домой. Пикантный жест, ничего не скажешь, одобрительно подумал я - полиции должно понравиться. А еще Генри завесил все картины на стенах чехлами от пыли; впечатление это производило тревожное. Зачем он это сделал? Я проскучал в гостиной почти два часа, пока не понял, что экономка говорила правду: мистера Честера нет дома.

Я позвонил, чтобы принесли бренди, и, когда она появилась с подносом, сунул ей гинею и улыбнулся самой обаятельной своей улыбкой.

- Вот что, миссис… боюсь, не знаю вашей фамилии. - Ее, наверное, уже лет сто никто не называл “миссис”, и она присмирела.

- Гонт, сэр, но мистер и миссис Честер…

- Миссис Гонт. - Обворожительная улыбка. - Я, как вы помните, старый

друг мистера Честера. Я понимаю, какие душевные страдания он сейчас должен испытывать…

- О, сэр, - перебила она, промокая глаза, - бедная юная леди! Мы так боимся, что какой-то мужчина… - Она умолкла, заметно взволнованная. Я старался не рассмеяться.

- Ну что вы, - успокоил я. И благочестиво продолжил: - Но если, упаси Господь, случилось худшее, наши мысли должны быть с живыми. Мистеру Честеру нужны друзья, чтобы помочь пережить эту трагедию. Я понимаю, он мог приказать вам прогонять или вводить в заблуждение посетителей… - Я укоризненно посмотрел на нее. - Но мы же с вами понимаем, миссис Гонт, что ради его же блага…

- О да, сэр, - согласилась она. - Я знаю. Бедный мистер Честер. Ничего не ест, почти не спит, часами не выходит из этой своей студии или просто бродит по кладбищу. Он так любил юную леди, сэр, что не разрешает даже упоминать о ней… и вы видите, он закрыл все свои красивые картины - говорит, не в состоянии на них смотреть.

- Так вы не знаете, где он сегодня? Она покачала головой.

- Но если я снова загляну, вы же не помешаете мне выразить соболезнования?

- О, сэр! - Упрек был очевиден. - Если бы я знала, сэр… но есть люди, вы же знаете, которые бы не стали…

- Конечно.

- Благослови вас Бог, сэр. Я ухмыльнулся.

- Я просто оставлю ему сообщение, хорошо? И пойду. Может, будет лучше, если вы не станете говорить, что я был здесь.

- Хорошо, сэр. - Она была озадачена, но кивнула.

- Я найду выход, миссис Гонт.

Когда она исчезла, я открыл дверь гостиной и тихо направился в комнату

Генри. Из кармана я достал брошь Эффи - ту, что она оставила на тумбочке той ночью, - и приколол к его подушке. Брошка блеснула в полумраке. Над кроватью я увидел еще одну завешенную картину и снял с нее покров. Теперь Эффи бледным суккубом парила над постелью. Генри хорошо будет спать этой ночью…

Покинув Кромвель-сквер, я отправился в студию Генри. День клонился к вечеру, и, когда я добрался, уже стемнело. Студия располагалась в многоквартирном доме, Генри занимал второй этаж. Дверь была открыта, лестница слабо освещалась единственным шипящим газовым рожком. Мне пришлось крепко держаться за перила, чтобы не споткнуться на неровных ступенях. Я дошел до двери с табличкой “ЧЕСТЕР”; она была заперта.

Я чертыхнулся. Ничего не поделаешь. Я уже собрался уходить, но внезапное любопытство охватило меня, желание увидеть, что там внутри, и, может быть, оставить еще одну визитную карточку. Я осмотрел замок: на вид довольно простой. Несколько поворотов маленького лезвия карманного ножа, и замок с щелчком открылся. Я приподнял задвижку и толкнул дверь. В студии было темно. Несколько минут я на ощупь возился с газовым рожком. Под ногами что-то хрустело - видимо, бумага. Но вот вспыхнул свет, и я осмотрелся.

Первой мыслью было, что я вломился в чужую студию. Я знал Генри как педантичного, почти одержимого чистотой человека; в последний раз, когда я был здесь, холсты в рамах висели на стенах, холсты без рам лежали стопкой в левом углу, в дальнем конце стоял сундук с костюмами и реквизитом, стулья и стол были придвинуты к стене. Теперь в студии царил маниакальный беспорядок. Картины сорваны со стен - некоторые вместе с обоями и штукатуркой - и свалены в кучу у камина. Холсты без рам валялись по полу, будто рассыпанные карты. И везде, на каждом свободном пятачке, на всех стульях и полках были наброски, смятые, порванные или целые, на пергаменте, на холсте, на оберточной бумаге - от некоторых дух захватывало. Я и не подозревал, что у Генри такой талант. Даже камин был забит ими - обугленными жалкими останками, и я провел несколько минут на полу, изучая поле боя, вертя картины в руках, пытаясь понять причины этой резни.

Спустя некоторое время у меня закружилась голова. Там было так много ее портретов, написанных акварелью, пастелью, карандашом, маслом, темперой; очертания невыразимой чистоты, наброски глаз, губ, скул, волос… профиль, анфас, три четверти… мощные, пронизывающие, точные. Все эти годы я заблуждался насчет Генри: болезненный декаданс его картин, напускной символизм всех его ранних работ скрывал гнетущую, почти восточную чистоту его видения. Каждый мазок кисти, каждый штрих карандаша - совершенство. Искусное сочетание жестокости и нежности… и эти шедевры отброшены с яростью и любовью, каких и не угадаешь, это как детоубийство… Я этого не понимал.

В каком-то смысле я почти завидовал Генри Честеру. Я, конечно, всегда знал, что художник должен страдать, чтобы стать великим. Но страдание настолько полное, чтобы создать такое… может быть, это стоило пережить… эту страсть, которая превосходит все.

Несколько минут я сидел в руинах и горевал как ребенок. Но потом мысли вернулись к более прозаичным вещам, и я вновь стал собой. Вопрос денег никто не отменял.

Я быстро встал и постарался мыслить логически. Где же этот человек? Я перебрал возможные варианты… и тут меня осенило. Конечно! Четверг. Сегодня четверг. День Марты. Я взглянул на часы: пять минут восьмого.

Где бы он ни был сейчас, шагая по лондонским улицам в каком бы то ни было круге ада, я знал, что в полночь он будет там, на Крук-стрит, он придет на свидание к своей даме. Несмотря на риск, несмотря на все, что она заставила его выстрадать, он будет там.

На мгновение взгляд задержался на рисунке, который я наугад взял из сотен, валявшихся на полу: обрывок жесткой бумаги для акварели, со смазанным силуэтом, сделанным коричневым мелком, а в центре - ее глаза, вечно тлеющие, вечно обещающие…

Человек может влюбиться.

Я пожал плечами и бросил рисунок обратно в камин. Не я, Генри. Не я.

Как только я увидел развернутый подарок под елкой, я понял, что Эффи наконец вернулась домой. Я слышал ее шаги на лестнице, ее дыхание в темных комнатах, чувствовал запах ее духов в коридорах, находил ее волосы на своем пальто, ее платки в своих карманах. Она была в воздухе, которым я дышал, в рубашках, которые я носил; двигалась в глубине моих картин, словно утопленница у поверхности воды, так что в конце концов мне пришлось накрыть их чехлами, спрятать ее лицо, ее обвиняющие глаза. Она была в пузырьке с хлоралом, и сколько бы я его ни принимал, зелье не приносило успокоения, но лишь проясняло ее образ в мозгу… А когда я спал - а, несмотря на все попытки обмануть сон, я иногда спал, - она бродила по моим снам, кричала мне голосом пронзительным и нечеловеческим, как павлин: “Ты расскажешь мне сказку? Ты расскажешь мне сказку? Ты расскажешь мне сказку?”

Она знала все мои секреты. Ночь за ночью она приходила ко мне с подарками: флакончиком жасминовых духов, бело-голубой дверной ручкой, а однажды - с маленькой белой облаткой, отмеченной алым прикосновением ее губ…

Ночь за ночью просыпался я в горьком поту ужаса и раскаяния. Я не мог есть: я чувствовал Эффи в каждом кусочке, который подносил ко рту, и она смотрела моими одержимыми глазами всякий раз, когда я брился перед зеркалом. Я понимал, что злоупотребляю хлоралом, но не мог заставить себя уменьшить дозу.

Но я сносил муки ради нее, ради Марты, моей Шехерезады. Знает ли она об этом? Просыпается ли ночью с моим именем на устах? Пусть и без нежности, шепчет ли она его? Любит ли она, бледная моя Персефона?

Если бы я знал.

Я ждал четверга, как и обещал. Я не смел поступить иначе - моя Шехерезада не была добра, и невыносимо было думать, что она отвергнет меня, если я ослушаюсь. Вечером в четверг я дождался, когда Тэбби отправится спать, - даже выпил горячее молоко, а потом притворился, что удаляюсь отдыхать, - и поднялся к себе. Едва открыв дверь, я ощутил

перемену: мимолетный запах опия и шоколада в холодном воздухе, трепетание тюлевой занавески в приоткрытом окне… Я неуклюже завозился с шипящим газовым рожком, руки дрожали, и понадобилась целая минута, чтобы его зажечь; и все это время я слышал ее в темноте за спиной, Маленькую Нищенку, скрежет острых ногтей по шелковому покрывалу и ее дыхание, Господи Боже, ее дыхание. Свет вспыхнул и задрожал. Я резко обернулся. Она была там. На миг наши глаза встретились. Я стоял как громом пораженный, с открытым ртом, задыхаясь, рассудок мой распутывался, словно моток бечевки в бездонный колодец. Тут я увидел чехол на кровати, и меня окатило жаркой волной облегчения. Картина. Это просто картина. Чехол каким-то образом соскользнул и… Испытывая головокружение от радости, почти смеясь, я подбежал к кровати…

и облегчение застряло в горле, превратило ноги в вату. На подушке, приколотая к наволочке, лежала знакомая серебряная брошь. Она была на Эффи в ту ночь - я помнил, как она блестела, когда Эффи шевелилась в снегу, помнил серебряный изгиб кошачьей спины, когда Эффи уставилась на меня своим серебристым кошачьим взглядом…

Я тупо потрогал брошь, пытаясь замедлить водоворот мыслей. Под левым глазом затрепетал флаг - паника подступала.

(ты расскажешь мне ты расскажешьмне тырасскажешьмнесказку)

Если бы я услышал, как она это говорит, я знаю, я бы сошел с ума, но я понимал, что она говорит только в моей голове.

(тырасскажешь мне тырасскажешь тырасскажешьмне)

Я применил единственное известное мне заклинание. Чтобы заглушить безжалостный голос в мозгу, я произнес вслух волшебное слово, я призвал колдунью со всей страстью, на которую был способен:

- Марта.

Тишина.

И проблеск надежды. Проблеск успокоения.

Казалось, я прождал в этой подводной тишине несколько часов. В десять поднялся с кресла, умылся холодной водой, не спеша и аккуратно оделся. Я прокрался, незамеченный, из дома в безветренную ночь. Снегопад прекратился, и сонная неподвижность завладела городом; с ней пришел туман такой густой, что даже фонари потускнели, их зеленоватые абажуры затерялись в бесконечной белой мгле. В тумане снег, казалось, сверхъестественно засиял, будто кошачьи глаза, превращая редких прохожих в ожившие трупы. Но хлорал и близость Крук-стрит обуздали моих призраков. Маленькая нищенка не шла за мной, протягивая худые голые руки в немой мольбе, призраки - если они и существовали - не осмеливались покидать Кромвель-сквер.

Идя по снегу, оберегаемый от тумана светом фонаря в руке, я снова был сильным, неколебимо уверенным в том, что она ждет. Марта, моя Марта. Я нес ей подарок, спрятанный под пальто, - персиковую шелковую накидку, которую купил на Оксфорд-стрит. Я заново упаковал ее в ярко-красную бумагу и перевязал золотой лентой… Я шел, и моя рука то и дело тянулась к свертку, ощупывая его, представляя, как персиковый шелк будет смотреться на ее коже, как дразняще он соскользнет с ее плеча, как тонкая полупрозрачная ткань окутает ее густые волосы…

Когда я добрался до дома на Крук-стрит, была почти полночь. Предвкушение и возбуждение от мысли о том, что она так близко, было столь велико, что я очутился перед дверью, не успев сообразить, что дело нечисто: дом был темный, ни одно окно не светилось, даже фонарь над дверью не горел. Озадаченный, я остановился в снегу и прислушался… но из дома Фанни не доносилось ни звука, ни малейшего звона музыки или смеха; ничего, лишь эта ужасная, гудящая, всепоглощающая тишина.

Мой стук гулким эхом отозвался по дому, и я вдруг поверил, что они ушли, Марта, и Фанни, и все они; что они просто собрали вещи и исчезли, как цыгане, в изменчивом снегу, не оставив ничего, кроме печали и дуновения магии в воздухе. Я был настолько в этом убежден, что закричал, заколотил кулаками по двери… и дверь тихо распахнулась, словно улыбнулась, и я услышал, как часы в холле начали отбивать превращение дня в ночь.

Я остановился на ступенях, вдыхая легкий запах пряностей и старого ладана. В холле было темно, но лунный свет, отражаясь от снега, бросал

слабый, неземной отблеск на полированные половицы и блестящие латунные ручки дверей, и моя тень, такая отчетливая, криво падала через порог в прихожую. Прохладное дуновение ароматного воздуха коснулось моего лица, словно чье-то дыхание.

- Фанни?

В безмолвной путанице дома мой голос прозвучал навязчиво, чересчур пронзительно. Столько лет я бывал в этом доме, но впервые осознал, сколь он огромен: коридор за коридором устланного коврами лабиринта, двери, мимо которых я никогда не проходил, блеклые изображения нимф и сатиров с испорченными хитрыми лицами; визжащие вакханки с ляжками толщиной с колонну, преследуемые ухмыляющимися карликами и плотоядными эльфами; застенчивые средневековые служанки из Пандемониума с узкими бедрами и загадочными проницательными глазами… Я двигался по сумрачным галереям откровенного, заключенного в позолоченные рамы разврата, темнота лишала меня чувства направления. Я пошел быстрее, кляня свои приглушенные и отчего-то зловещие шаги по толстым коврам. Я искал лестницу, но, сворачивая, оказывался в очередном коридоре, а поворачивая ручки, натыкался на запертые двери и слышал шепот, будто за спиной припала к земле полупроснувшаяся тайна.

- Фанни! Марта!

Я окончательно растерялся. Казалось, дом тянулся во все стороны на неизмеримые расстояния; я устал, будто пробежал не одну милю.

- Марта!

Тишина отозвалась эхом. Кажется, где-то далеко-далеко зазвенела музыка. Спустя миг я ее узнал. - Марта!

Мой голос сорвался на высокой панической ноте, и я вслепую побежал вперед, колотя руками по стенам, в отчаянной мольбе выкрикивая ее имя. Я свернул за угол и уткнулся прямо в дверь, коридор неожиданно кончился. Страх рассеялся, будто никогда и не существовал, сердце забилось медленнее, почти ровно, я взялся за фарфоровую ручку, и за дверью открылся холл.

Там были ступени - я не понимал, как мог пропустить их, когда

проходил здесь в первый раз, - и я увидел лунный свет, лившийся из маленького витражного окна, отражаясь на полированном дереве. Свет был такой яркий, что я даже различал цвета: вот красное пятно на перилах, пара зеленых ромбов на ступенях, голубой треугольник на стене… а наверху лестницы обнаженная фигура, прелестная линия ее бедра мерцала лиловым, синим, бирюзовым, ниспадающий водопад волос - как темная вуаль, наброшенная на лик ночи.

Лицо в тени, но лунный свет высветил один глаз, придав радужной оболочке переливчатый блеск. Она замерла, будто кошка перед прыжком; я видел, как напряглась ее белая шея, мышцы натянулись, как у танцовщицы, видел изгиб ее ступни, каждый нерв ее тела был как струна, и я исполнился благоговейного ужаса перед этой неземной красотой. Несколько секунд я был слишком поглощен видением, не в силах даже вожделеть. Но вот я сделал шаг навстречу, и она отпрыгнула от меня с тихим смехом и помчалась по ступеням, а я - за ней. Я почти поймал ее; помню, как ее волосы коснулись моих пальцев, пробудив во мне жаркую дрожь желания. Она была проворней и ускользала от моих неуклюжих объятий, а я тяжело бежал следом. Добравшись до верхней ступени, я, кажется, услышал ее смех, дразнящий меня из-за двери.

Я тихо застонал в предвкушении, обострившееся напряжение толкнуло меня к двери (ручка была из бело-голубого фарфора, но я не успел это осознать). Я начал срывать с себя одежду, не успев войти, оставляя сброшенные шкуры (пальто, рубашка, галстук) на лестнице. Открывая дверь, я уже почти разделся, оставшись в носках, шляпе и одной штанине, и был слишком поглощен попытками избавиться от нелепых остатков одежды, чтобы обращать внимание на обстановку. Память подсказала, что я уже бывал здесь - в комнате из моих снов, ее комнате, комнате моей матери, кою некая насмешливая колдунья перенесла в дом на Крук-стрит. В тусклом свете прикрытой колпаком свечи я различил детали, которые помнил с того первого ужасного дня, терявшие всякое значение от присутствия Марты: туалетный столик с флотилией баночек и бутылочек, парчовое кресло с высокой спинкой, на нем небрежно брошенный зеленый шарф, на полу еще один забытый шарф, на кровати платья - смятая груда кружев и тафты, и узорчатой парчи, и шелка…

Я все это заметил разве что глазами вожделения. Я не чуял опасности, не предвидел дурного, лишь по-детски чувствовал, что все происходит

правильно и радовался чисто физически, прыгнув на кровать, где меня уже ждала Марта. Вместе мы катались в платьях, мехах и накидках, сминая старинное кружево и раздирая дорогой бархат в нашей молчаливой борьбе. Я случайно задел рукой прикроватный столик, смахнув кольца, ожерелья и браслеты на пол; я смеялся, как сумасшедший, зарываясь лицом в сладость ее пахнущей жасмином плоти, целуя ее, не в силах пропустить хоть дюйм ее кожи.

Когда схлынуло первое неудержимое безумие и вернулась способность ясно мыслить, я смог насладиться ею медленно, не спеша. Обнимая ее, я ощутил, как холодна ее кожа; губы бледные, как лепестки, дыхание - легкое дуновение студеного ветра.

- Бедная, любимая, ты больна? Ты такая холодная. Ее беззвучный ответ льдом обжег мою щеку.

- Дай я тебя согрею. - Мои руки обхватили ее, лоб Марты прижался к ямке на моей шее. Ее волосы были чуть влажные, дыхание лихорадочное и учащенное. Я натянул на нас обоих одеяло, дрожа после страсти, и, сняв с цепочки на шее пузырек с хлоралом, вытряхнул десять горошин. Проглотив пять сам, я отдал Марте оставшиеся. Положив их в рот, она сморщилась, уголки губ опустились, и при виде этой до странности детской гримаски я невольно улыбнулся. - Вот так, все будет хорошо, - нежно сказал я. - Скоро станет тепло. Просто закрой глаза. Шшш. Закрой глаза и поспи.

Она прильнула ко мне, и я вспыхнул от нежности; она была такой юной, такой чувствительной, несмотря на показное самообладание. Я мягко перебирал ее спутанные волосы.

- Все хорошо, - прошептал я, подбадривая не только ее, но и себя. - Теперь все хорошо. Все кончилось. Теперь мы вместе, любовь моя, мы оба можем отдохнуть. Попробуй расслабиться.

И некоторое время мы отдыхали, а свет все слабел и наконец погас. И ненадолго Бог тоже уснул…

Должно быть, я задремал; столько впечатлений, что теперь уж и не вспомнить. Я купался в жасмине и хлорале, разум мой плыл по течению, а проснувшись, я обнаружил, что, хотя под одеялом тепло, Марты рядом нет.

Я сел, щурясь от света, что пробивался сквозь шторы, - свеча давно догорела. Я смутно различал детали обстановки: изобилие кружева и бархата серебряным прахом застыло в лунном свете, склянки и бутылочки на туалетном столике поблескивали, как сосульки на фоне темного дерева.

- Марта?

Тишина. Комната ждала. Что-то шевельнулось у холодного очага - я резко обернулся, сердце колотилось… Ничего. Лишь хлопья сажи в трубе. Камин скалился из-за медной решетки.

Я вдруг представил, что я один в доме. Охваченный ужасом, я вскочил на ноги, одеяло упало с плеч, я выкрикивал ее имя в надвигающейся истерике:

- Марта!

Что-то сжало мою ногу, что-то холодное. Я закричал в отвращении и отпрянул от кровати, но оно держало крепко, сухие хрупкие чешуйки терлись о мою кожу.

- Ма-ар… а-а-а!

Я неистово извивался, пытаясь отцепить это что-то замерзшими пальцами… Я услышал громкий треск рвущейся ткани, почувствовал смятое кружево в дрожащих руках и слабо рассмеялся: мои ноги запутались в складках платья, что лежало на кровати, а теперь оказалось на полу - груда растрепанных нижних юбок и разорванный ровно посередине блестящий корсет.

Я пробормотал насмешливо:

- Платье. Сражался с платьем.

Но меня потрясло, как дрожал голос. Внезапно меня замутило, и я закрыл глаза, прислушиваясь к ударам сердца; оно билось все медленнее, в такт с дергающимся левым веком. Через некоторое время я смог вновь открыть глаза и, заставляя себя мыслить здраво, подошел к камину и попытался разжечь огонь. Марта скоро вернется, говорил я себе. Через минуту она войдет в эту дверь… а если и не войдет, нет причин думать, что

эта комната - эта комната, ради всего святого, - может чего-то от меня хотеть, как хотела комната матери много лет назад… и хотеть чего? Жертвы, быть может? Признания?

Смешно! Это даже не та комната.

И все же что-то было в тишине, что-то почти злорадное. Я возился с камином, борясь с желанием обернуться на дверь. Я чиркнул спичкой, и на миг комната вспыхнула красным. Огонек задрожал и погас. Я выругался. Снова. И еще раз. Наконец мне удалось вдохнуть в пламя мерцающую жизнь; занялась бумага, потом дерево. Я оглядывался вокруг, на стенах плясали гигантские тени. Я повернулся спиной к очагу, чувствуя робкое тепло разгорающегося пламени и торжествуя.

- Нет ничего лучше огня, - тихо пробормотал я. - Ничего…

Слова комком бумаги застряли в горле.

- Марта?

Я едва не сказал “мама”. Она сидела на кровати, поджав под себя ногу, чуть склонив голову набок, пусто наблюдая за мной. На ней была накидка матери. Нет, должно быть, она нашла мой подарок, развернула его и надела, чтобы порадовать меня. Видимо, она все это время ждала, когда я ее замечу.

- Марта. - Я старался говорит спокойно и даже выдавил улыбку. - Очаровательно. - Я сглотнул. - Просто очаровательно. - Она кокетливо откинула голову, лицо скользнуло в тень. - Это подарок, - объяснил я.

- Подарок, - прошептала она.

- Конечно, - сказал я, оживляясь. - Как только я ее увидел, сразу подумал о тебе. - В общем, это было не совсем так, но я решил, ей будет приятно, если я так скажу. - И ты в ней просто прекрасна. Она задумчиво кивнула, как будто знала.

- Пришло время для твоего подарка, - сказала она.

- Однажды… - Она шептала в темноте, и ее дыхание холодом обдавало мою шею, пальцы чертили кружочки на моей голой спине. Я ощущал персиковое кружево и шелк в своих влажных ладонях, аромат жасмина, душный и усыпляющий, поднимался от ее горячей кожи, и еще какой-то другой запах, темный, острый… В оцепеневшем мозгу мелькнуло видение волков. - Однажды жили-были король с королевой, и был у них сын.

Я закрыл глаза и погрузился в блаженный нефритовый полумрак подводного мира. Ее голос пузырьками рассыпался у моих ног, ее прикосновение было прохладным глубинным течением.

- Принц любил обоих родителей, но сердце его принадлежало матери - он ни на миг не отходил от нее. У принца было все, чего он только мог желать… кроме одного. В замке была единственная комната, куда ему не дозволялось входить, всегда запертая комната, ключ от которой хранился в кармане у матери. Шли годы, и Принц все чаще думал о тайной комнате, он страстно желал увидеть, что же там внутри. И в один прекрасный день, когда родителей не было дома, Принц проходил мимо тайной комнаты и заметил, что дверь приоткрыта. Движимый любопытством, он толкнул ее и вошел.

Воздух потемнел от жасмина; Марта, я знаю.

- Комната была золотой, но у Принца были все сокровища, о которых можно мечтать. Комната была алой, и пурпурной, и изумрудной, но сундуки Принца ломились от нарядов из парчи и бархата.

О, Марта, жница снов моих, дитя моей сокровенной тьмы… Я видел ее сказку - она была и моей сказкой тоже, я видел тайную комнату и себя, четырнадцатилетнего, у двери, и миллионы самоцветов отражались в моих черных глазах.

- Комнату наполнял аромат тысяч цветов, но Принц жил в саду, где никогда не наступала зима. Зачем было окружать комнату такой тайной, подумал он, здесь нет ничего особенного.

Шехерезада протянула длинные белые пальцы, ладони ее в свете огня были как два алых солнца.

- И все же Принц не мог уйти оттуда. Его терзало неодолимое

любопытство. Лениво заглядывал он в сундуки и шкафы, пока наконец не наткнулся на маленькую, совсем простую деревянную шкатулку, которую раньше никогда не видел.

Мое сердце забилось быстрее, голову сдавило тисками.

- Зачем хранить эту старую уродливую шкатулку, удивленно подумал Принц, ведь все остальное во дворце столь роскошно и прекрасно? Он открыл коробочку и заглянул внутрь.

Она замолчала - я увидел отблеск ее кроваво-красной улыбки, - ив этот момент я понял, что ей известна Тайна, что она всегда ее знала. Вот та женщина, которая способна провести меня мимо зловещих стражей греха и плоти: она понимала мою тоску, мою безысходную печаль. Это и был ее “подарок” - это откровение.

- Продолжай, пожалуйста. Продолжай. - Пот заструился по щекам при мысли о том, что даже сейчас она еще может утаить это от меня. - Марта, пожалуйста…

- Шшш, закрой глаза, - прошептала она. - Закрой глаза, и ты увидишь. Спи, и я покажу тебе.

- Что он увидел?

- Шшш…

- Что я…

- Спи.

Представьте морское дно под слоем бурого ила. Представьте покой…

- Принц потер глаза: с минуту он не видел в коробочке ничего, кроме темной пелены, дымки, но, до боли напрягая глаза, он наконец разглядел палочку из орехового дерева, завернутую в грязный черный плащ. “Как странно, - сказал Принц. - Зачем прятать от меня это безобразное старье?” Принц был юным и любопытным, он достал эти два предмета из коробки. Но Принц не знал - и никто не знал, - что Королева была ведьмой, прибывшей из далекой Северной страны за морем много, много лет назад.

С помощью заклинаний она влюбила в себя Короля, и с помощью заклинаний сохраняла она свою сущность в тайне. Плащ был волшебным, как и палочка, и лишь Королева могла ими управлять. Но Принц был ее сыном, и в жилах его текла ведьмина кровь. Надев волшебный плащ и взяв в правую руку палочку, он ощутил невероятное могущество. Он поднял палочку, и сила засветилась в нем, подобно солнцу… но духи палочки, поняв, что их пробудил какой-то мальчишка, узрели свой шанс восстать и освободиться от рабства. Они рванулись на свободу с торжествующим визгом и вцепились когтями Принцу в лицо, обдав его зловонным дыханием, и Принц упал замертво… Когда Принц очнулся, духи исчезли, а палочка, сломанная, лежала рядом с ним. Увидев это, Принц испугался. Он положил плащ и палочку назад в шкатулку и стремглав выбежал из комнаты. Вернувшись, Королева сразу заметила, что палочка испорчена, но она не могла заговорить об этом, ведь никто не знал, тго она ведьма. Поэтому она дождалась безлунной ночи и наложила проклятие на того, кто посмел прикоснуться к палочке, ужасное проклятие - ибо, сломав ее, он разрушил могущество Королевы, и теперь она обречена стареть, как все смертные женщины. Она вложила в это проклятие всю свою ненависть и стала ждать, зная, что вскоре оно начнет действовать… В ту же ночь Принц с криком проснулся от страшного сна и в последующие дни и недели стал бледнеть и чахнуть, плохо спал по ночам, а днем не мог ни отдыхать, ни принимать пишу. Шли месяцы. Король призвал лучших врачей осмотреть любимого сына, но никто не мог найти лекарства от ужасной болезни, медленно пожиравшей его. Словно мало горя обрушилось на Короля, супруга его тоже заболела, слабея и угасая с каждым днем. Всему королевству было приказано молиться об их выздоровлении… И вот однажды во дворец явился Отшельник, святой старец, и потребовал аудиенции у Короля. “Думаю, я сумею определить причину недуга твоего сына и твоей жены, - сказал он, - если ты позволишь мне увидеть их”. Король, обезумевший от горя, согласился. Отшельник зашел сперва в покои Королевы, а после отправился к Принцу. Он не сказал ни слова, лишь заглянул Принцу в глаза. Потом отослал стражников и сурово обратился к Принцу: “На тебя наложено проклятие, сын мой, - сказал он. - Королевой-ведьмой, твоей матерью. Если не начнешь действовать, скоро умрешь, а она поправится”. Принц заплакал, ибо горячо любил свою мать. “Что я должен делать?” - наконец спросил он. “Ты должен пойти в ее спальню и убить ее, - сказал Отшельник. - Больше никак не снять проклятия”. Принц покачал головой и снова заплакал, но Отшельник был холоден как лед. “У Королевы нет других детей, -

безжалостно сказал он, - а твой отец уже стар. Ты же не хочешь, чтобы ведьма вечно правила твоей страной?” И тогда Принц с тяжелым сердцем согласился. В ту же ночь он поднялся с постели и тихо пошел по длинным коридорам дворца в комнату матери.

Дверь была открыта, я знаю. Я все вижу со своего ложа из соленого ила: рисунок светлого дерева, бело-голубую фарфоровую ручку - как легко все это возвращается ко мне! На второй панели, с краю, есть зазубрина - однажды я случайно задел дверь крикетным столбиком. Свет в доме не горит, и где-то далеко позади я слышу отца из игрушечной мастерской, несколько звонких нот, что выпевает механизм танцующей Коломбины, тают в темноте. Я несу огарок свечи на блюдце с цветочками; резкий запах свечного сала ударяет в ноздри. Жирная белая капля сползает по свече на фарфор и растекается по голубому цветку. В густом воздухе мое дыхание кажется очень громким.

Ковер мягко поддается под ногами, но я все равно слышу свои шаги. Свет выхватывает из темноты стеклянные пузырьки и баночки, роняя тысячи бликов на зеркало на стене. С минуту я не могу разобрать, в комнате ли малыш, но колыбелька пуста: нянька забрала его, чтобы он плачем не разбудил мать. Пряча свечу за сияющим красным щитом ладони, я смотрю на ее лицо в розоватом полумраке, с восхищением тем более драгоценным, что оно запретно. Пузырек с опиумной настойкой поблескивает на столике у кровати: она не проснется.

Внезапная мучительная нежность переполняет меня, когда я смотрю на ее лицо: тонкие голубые веки, идеальные очертания скул, каскад темных волос на подушке, струящийся по складкам одеяла на пол… она так прекрасна. Даже такая измученная, такая бледная, она все равно самая красивая женщина на свете, и сердце сжимается от отчаянной, невыносимой любви, слишком острой для четырнадцатилетнего мальчика. Мое детское сердце чувствует, что вот-вот взорвется от всех этих взрослых переживаний; неистовая ревность, одиночество, болезненная необходимость прикоснуться к ней, ощутить ее прикосновение, будто оно способно остановить губительное вторжение змия в мое чрево, будто руки ее могут отстранить ночь. Спящая, она доступна, и я осмеливаюсь протянуть руку к ее волосам, к ее лицу; я мог бы даже дотронуться губами до ее бледных губ… она никогда не узнает.

Она чуть улыбается во сне; ее затуманенные глаза прикрыты фиолетовыми веками, розовато-лиловая тень ключицы - совершенный мазок китайской кисти по бледной коже… ее груди чуть заметно вздымаются под тонкой тканью ночной сорочки. Моя рука движется почти сама по себе, дрейфующая морская звезда в тусклой коричневой ночи. Я смотрю на нее как зачарованный, а пальцы касаются ее лица, очень нежно, с удивительной храбростью скользят по ее шее… Я отшатываюсь, покраснев, кожу покалывает от вины и возбуждения. Но это все рука, она сама движется, крадется по одеялу с неясной целью, вот она отбрасывает одеяло, открывая ее спящее тело, ночная сорочка задралась, обнажая упругие икры, округлые колени, мягкий изгиб бедра.

Прямо над коленкой у нее синяк, и я не могу оторвать глаз от его лиловой нежности. Я протягиваю руку и кончиками пальцев ощущаю припудренный атлас, она - бесконечная загадка, бесконечная мягкость, песок на дне морском… За ее жасминовым ароматом таится другой запах, так пахнет соленое печенье, и бессознательно я наклоняюсь к ней, зарываюсь лицом в ее тепло и сладость, твердея от желания и возбуждения. Моя рука находит ее грудь в исступленной дикарской радости; я обнимаю ее, губы жаждут ее губ… Ее дыхание болезненное и чуть затхлое, но теперь мое тело - единственная мышца, напрягшаяся струна, наполняющая воздух резонансом невыносимой чистоты, звон все выше, выше, до безумия и за его пределы… У меня нет тела. Я вижу, как душа моя вытягивается тонкой серебряной проволокой, пронзительно вибрируя под благовест небесных сфер… Я слышу смех и понимаю, что смеюсь я сам… Ее глаза распахиваются.

Я чувствую, как губы ее твердеют под моими губами.

- Мама… - Я беспомощно откатываюсь прочь, желудок как кусок льда.

Ее взгляд жестокий, пронизывающий. Я знаю, что она все видит. Все. Годы спадают с меня; минуту назад я чувствовал себя старым, теперь падаю назад, в детство; тринадцать, двенадцать, одиннадцать, и по мере того как я проваливаюсь, она вырастает до неимоверных размеров… восемь, семь… я вижу, как она открывает рот, слышу искаженные звуки:

- Генри? Что ты…

Шесть, пять. У нее острые беспощадные зубы. Кровь стучит у меня в висках. Вопль вырывается из моей груди. Ее гнев страшен. Но еще хуже ее презрение, ее ненависть, как приливная волна, что несет тела утопленников. Я едва слышу ее голос из-за шума в ушах; в руках у меня что-то мягкое, оно с чудовищной силой сражается со мной. Прибой бросает меня туда-сюда, как обломок кораблекрушения. Я зажмуриваюсь, чтобы не видеть…

Внезапная благодатная тишина.

Я лежу на черном песке, прилив отступает, его дыхание как удары сердца в ушах; возвращение сознания словно миллион иголок света на сетчатке, рот полон крови - прокушен язык. Я сползаю на колени на вращающийся ковер, струйка кровавой слюны тянется на пол, я по-прежнему судорожно сжимаю в руках подушку.

- Мама?

Ее стеклянные глаза смотрят на меня все так же холодно, она рассержена этой недостойной сценой.

- Ма-ма?

Я чувствую, как тяну кулачок ко рту, колени сгибаются, подтягиваются к локтям. Какая-то часть меня уверена, что если сумею сжаться в крохотный шарик, то смогу вернуться назад, в то полузабытое безопасное место, соленое вместилище темноты и тепла. Меньше… меньше. Три, два, один…

Тишина.

Высоко надо мной ревет смех, громовой хохот Бога. Ангел тьмы поднимает свою косу, и Фурии с воплями вылетают из подземного царства в поисках новой забавы. Мне знакомы их лица. Шлюший ребенок - щеки перемазаны шоколадом… Эффи - глаза цвета морской волны, пенные волосы… моя мать, так давно погруженная в милосердное забвение, но теперь призванная, дабы занять свое место на темном пьедестале, ее пальцы как лезвия. Он совсем близко, голос волшебницы Шехерезады, волки следуют за ней по пятам… ее нечеловеческий смех. В полусне я

отчаянно пытаюсь позвать ее, заклиная ее именем надвигающийся кошмар.

- Марта!

Я открываю налитые кровью глаза, замерзшими членами чувствую тепло огня. Непослушное веко бешено дергается, левый глаз почти не открывается. Память, пробужденная рассказом Марты, - мраморная гробница из какой-то жуткой сказки, возвышающаяся над облаками. Я тянусь к ней за утешением…

Свет вдруг становится безжалостно ярким. Я поднимаю руки, чтобы прикрыть глаза, и вижу ее, Шехерезаду, мою смеющуюся золотую Немезиду.

- Марта? - Мой голос - еле слышный шепот, но, произнося ее имя, я уже знаю, что она не Марта. Она - Эффи, бледная и торжествующая; она - моя мать, распутная и злобная; она - дитя-призрак. Все трое говорят в унисон, тянут ко мне жадные руки, и, когда я падаю назад, ударяясь о спинку кровати и едва чувствуя боль, слыша хруст позвонков, я наконец понимаю, кто она такая, кто они такие. Тисифона, Мегера и Алекто, мстящие матереубийце. Фурии!

Мучительный спазм пронзает тело; лезвия разрубают позвоночник и левую часть туловища охватывает дрожь.

Падая в дружелюбное забытье, я слышу ее голос, их голос, звенящий злобой и насмешкой:

- Ты расскажешь мне сказку, Генри? Ты расскажешь мне сказку?

А вдалеке раздается жестокий смех Бога.

61

Я вышел из студии Генри; повалил снег. Мистическое свечение ночи осияло мой путь к Крук-стрит, напудрив одежду мерцанием. Свернув за

угол, я взглянул на дом Фанни и увидел, что фонарь, обычно висевший над дверью, не горит. Подойдя ближе, я обнаружил, что и окна тоже темные, шторы опущены, из-за тяжелых складок не пробивается ни лучика. Но хотя цветные стекла крыльца не были освещены, в снегу на ступенях я заметил следы. Предположив, что кто-то мог быть в одной из гостиных в глубине дома, я подошел к двери и постучал. Нет ответа. Я подергал дверь: заперто, как я и ожидал. Я постучал еще раз, покричал в отверстие для писем… но никто не отозвался.

Озадаченный, я попробовал боковую дверь - с тем же успехом. Я недоуменно покачал головой и уже собрался было уходить, но тут увидел, что в тени у дома лежит что-то большое и темное; предмет быстро засыпало снегом. Сначала я решил, что это мешок с углем; потом разглядел торчащий из снега каблук мужского ботинка. Бродяга, подумал я, искал укрытие и замерз, бедный малый. В кармане нашлась фляжка с бренди, и, достав ее, я пробрался сквозь метель и склонился над телом - как знать, может, в нем еще теплится жизнь. Я оттащил его из углубления у стены и, стряхнув ледяную маску с искривленного застывшего лица, узнал Генри Честера.

Один глаз был закрыт, другой - уставился на меня. Мускулы левой щеки и виска странно деформировались, словно подтаявший воск, левая рука скрючена, плечо нелепо вывернуто, бедро сместилось, нога торчала под страшным углом. Пока он не пошевелился, я готов был поклясться, что он мертв.

С губ его сорвался долгий гортанный стон:

- Ааа-даа. Аах-а.

Я просунул флягу с бренди меж его стиснутых зубов.

- Выпей это, Генри. Не пытайся говорить.

Бренди полилось по подбородку; он снова забормотал, но губы его не слушались. Он мучительно хотел что-то сказать.

- Все хорошо, - беспокойно сказал я. - Не разговаривай. Я приведу помощь.

В окнах соседних домов горел свет; наверняка за ним кто-то присмотрит, пока я схожу за доктором. К тому же оставаться с Генри наедине - последнее, чего мне хотелось.

- Ма…аа. Маааар… - Правая рука вцепилась в мой рукав, голова опустилась, потекла слюна. - Ма-а-а-а.

- Марта, - мягко произнес я.

- А-а-а. - Он судорожно кивнул.

- Ты пришел увидеться с Мартой? - предположил я.

- А-а-а.

- Но ее не было, и ты решил подождать. Правильно? Еще один спазм. Голова неприлично болталась, единственный открытый глаз закатился.

- Ннн-ее. Мм-аар-а. А-а-а. А-а.

Он беспомощно молотил рукой по воздуху, из правого глаза текли слезы, а левый смотрел неподвижно, прихоть упрямой плоти.

Невыносимая, тошнотворная жалость заставила меня вскочить на ноги.

- Не могу остаться, Генри, - сказал я, отводя глаза. - Я приведу помощь. С тобой все будет хорошо.

Он испустил звериный стон, в котором я различил жутковатые нотки человеческого голоса, слова, что пытались пробиться сквозь умирающую плоть. Слова? Одно слово. Одно имя. Звук был нестерпимый - угасающий стон его одержимости. Проклиная себя, я повернулся и бросился бежать.

Найти помощь не составило труда; женщина из соседнего дома за гинею согласилась приютить больного и позвать врача. Врач приехал через два часа, и Генри отправили домой, на Кромвель-сквер. Доктор сказал, с ним случился удар - обширный сердечный приступ. Пациенту требовался постельный режим, тогда, возможно, у него будет шанс выздороветь.

Больного успокоили растворенным в воде хлоралом, терпеливо влитым по капле меж стиснутых губ. Убедившись, что ничем больше не могу помочь, я наконец оставил их. Генри к тому времени впал в глубокое забытье, дыхание его было почти неразличимо, глаза остекленели. С меня хватит, решил я. В конце концов, я не сиделка. Весьма вероятно, я спас парню жизнь - чего еще от меня требовать? Незамеченный, я тихо вышел черным ходом и исчез на пустынных улицах.

Чтобы сэкономить нам обоим время, я прихватил с собой бумажник Генри. Ясное дело, в ту ночь бедняга был не в состоянии заниматься делами.

62

Мягкое течение несло меня в безмолвный мир немых образов и неясных перспектив. Густо-изумрудная темнота; но где-то на середине пути я начал различать фигуры, безликие, бесформенные, лишенные контуров, а на переднем плане - лицо, гротескное, непропорциональное, оно проплывало перед глазами, как огромная рыбина. На мгновение оно исчезло из поля зрения, и я хотел повернуть голову ему вслед, но обнаружил, что почему-то не могу. Я попытался вспомнить, что за ужас, что за нужда заставили меня укрыться на морском дне, но был до странности безмятежен и словно наблюдал за событиями сквозь темное стекло. Стайка зародышей неуклюже гребла мимо зеленого кораллового рифа, над которым дрейфовала бледная девушка, и ее длинные светлые волосы тянулись, как водоросли, в печальную серость подводного неба.

Лицо вновь появилось передо мной, рот широко распахнулся… звуки, причудливо искаженные подводой, лопались, как пузыри, чередой бессвязных слогов. Они что-то значили, но я не мог вспомнить что. Течение увлекло меня, и лицо опять исчезло. Но звуки остались, и я постепенно улавливал все больше смысла в их упорстве. Лицо тоже казалось знакомым: внимательные глаза, заостренный нос и треугольная бородка. Я уже видел это лицо раньше.

Рот открылся, и словно издалека услышал я свое имя:

- Мистер Честер. Мистер Честер.

Впервые после погружения на дно я заметил книжные шкафы позади лица, дверь, открытое окно за бархатной шторой, картину на стене… действительность разверзлась передо мной с безжалостной четкостью.

- Мистер Честер? Вы меня слышите? - Голос принадлежал доктору Расселу. Я попытался ответить, но мой язык жил собственной жизнью и весело высунулся изо рта, с губ сорвался булькающий звук. Я ужаснулся. - Мистер Честер, пожалуйста, кивните, если слышите меня.

Я почувствовал, как шея судорожно дернулась.

- С вами случился удар, мистер Честер. - Голос был слишком громкий, слишком жизнерадостный, словно доктор обращался к глухому ребенку. Я заметил, что он старательно избегал встречаться со мной взглядом. - Вы были очень больны, мистер Честер. Мы думали, что можем потерять вас.

- Скооо… - Собственный вопль поразил меня. - Скоо… Сколько? - Уже лучше. Я по-прежнему с трудом двигал онемевшей челюстью, но, по крайней мере, хоть слова выговаривал. - Сколько… прошло…

- Три дня, мистер Честер. - Я чувствовал его нетерпение, его смущение от моих попыток говорить. - Преподобный даже соборовал вас.

- Ааа-а?..

- Преподобный Блейкборо, из Оксфорда. Я известил вашего брата Уильяма. Он прислал преподобного.

Лишь тогда я обратил внимание на незаметного человечка с кротким детским лицом, сидящего в углу. Ответив на мой взгляд - он не боялся смотреть мне в глаза, - преподобный Блейкборо улыбнулся и встал; он был очень небольшого роста.

- Я возглавил приход, когда скончался ваш отец, - мягко сказал он. - Я очень тепло относился к преподобному Честеру и уверен, он бы хотел, чтобы я навестил вас, но до сего момента я и не знал, где вы живете.

- А-а-а… я…

- Ну-ну, вам не стоит утомляться, - уговаривал преподобный Блейкборо. - Доктор - и, конечно, ваша добрая миссис Гонт - все мне рассказали. Вам действительно необходим покой - ваша смерть не сможет вернуть вашу бедную жену. - Он посмотрел на меня с душераздирающим сочувствием; я чувствовал, как рот мой распахивается в беззвучном смехе, а из правого глаза капают слезы - но по кому, я не знал. Преподобный Блейкборо подошел ближе и ласково обнял меня за плечи. - Доктор считает, что вам нужен отдых, Генри, - сердечно произнес он. - И я с ним согласен. Перемена обстановки, деревенский воздух пойдут вам на пользу, вам не стоит оставаться в этом унылом месте. Поедемте со мной в Оксфорд. Вы остановитесь у меня, и если захотите, ваша экономка тоже может приехать и ухаживать за вами. Я могу порекомендовать превосходного доктора.

Он радостно улыбнулся мне. Его дыхание пахло мятой и табаком, а от одежды исходил какой-то успокаивающий, знакомый аромат старых книг и скипидара… Меня вдруг охватила ностальгия, нестерпимое желание принять приглашение маленького простодушного священника, снова пожить в моей старой деревне, увидеть дом, где я родился. Кто знает, быть может, в комнате с бело-голубой фарфоровой ручкой все осталось по-прежнему, и дубовая кровать моей матери все так же стоит под витражным окном. И я разревелся, позорно жалея себя и жгуче тоскуя о человеке, которым мог бы стать.

Это было слишком для доктора Рассела: уголком застывшего глаза я видел, как он повернулся и тихо вышел из комнаты, скривив губы от отвращения и неловкости… но добрый священник даже не вздрогнул, он меня обнимал, пока я оплакивал себя, Эффи, Марту, свою мать, разбуженные воспоминания, которым лучше бы оставаться спящими, холодного маленького ребенка-призрака, красную комнату, шелковую накидку, первое Причастие Присси Махони, рождественскую елку, все еще поблескивающую искусственными сосульками… и тот факт, что мне хотелось уехать в Оксфорд.

Мне хотелось доброты этого человечка, покоя его простой жизни, щебета птиц в кипарисах, остроконечных башенок Колледжа в вечерней дымке… Я хотел этого, как никогда ничего не хотел; я хотел вселенской любви преподобного Блейкборо. Я хотел отпущения грехов.

Я рыдал, пускал слюни, и меня впервые обнимал и баюкал тот, кто не

был шлюхой.

- Тогда решено, - сказал преподобный Блейкборо.

- Н-нет!

- Да почему же нет? - озадачился священник. - Вы разве не хотите наконец вернуться домой?

Я кивнул, не доверяя своему голосу.

- Тогда почему?

Я постарался говорить отчетливо; рот словно забило грязью.

- Должен… исповедаться, - с усилием произнес я.

- Да-да, конечно, - добродушно отозвался священник. - Но давайте подождем, пока вам не станет лучше. Это безусловно может подождать.

- Нет! Н-нет… времени, - сказал я. - Ну-ужно… сейчас. На случай, если я… Вы… должны… знать. Я… не смогу вернуться домой… с вами… если…

- Понимаю. - Маленький священник кивнул. - Что ж, если это вам поможет, конечно, я готов вас исповедовать. Когда вы последний раз были на исповеди?

- Дв-двадцать лет назад.

- Ох! - Преподобный Блейкборо был ошарашен, но моментально взял себя в руки. - Понимаю. Что ж… ээ… Не торопитесь.

Я рассказывал долго и мучительно. Дважды я умолкал, обессиленный, но понимал, что вряд ли еще когда-нибудь найду мужество заговорить, и это заставляло меня продолжать. Когда я закончил, была почти ночь; преподобный Блейкборо уже давно слушал молча. Его круглое лицо стало бледным и испуганным, и когда я завершил рассказ, он буквально вскочил

со стула. Я слышал, как он возится в тазике с водой на умывальнике позади меня, а когда он снова подошел и взглянул на меня, он был абсолютно серого цвета, губы кривились, будто его тошнило, он не мог смотреть мне в глаза. Что же до меня, я осознал, что этот разрушительный порыв исповедоваться никак не облегчил моей вины - мой победный груз был в целости и сохранности в черном склепе на дне моего сердца.

Око Бога не обмануто. Я ощущал его неотвратимую злобу - я не убежал от Бога. Хуже того, я сбил с пути этого невинного человечка, я предал его веру в изначальную доброту мира и его обитателей. Преподобному Блейкборо невыносимо было смотреть на меня, его уверенность в себе, его спонтанная доброта исчезли, на смену им пришли замешательство и смятение; у него был такой вид, словно его предали. Он не повторил своего приглашения и уехал первым же поездом.

Затем последовала череда несвязных событий, нанизанных над бездной моей жизни, как бусины на нитку. Моя студия опустела, написанный маслом “Триумф смерти” была выставлен в Академии. Доктор Рассел приходил несколько раз, приводил с собой специалистов, и они отчаянно спорили, что же все-таки случилось с моим сердцем. Однако все они соглашались в одном: скорее всего, я никогда не смогу ходить и двигать левой рукой, хоть мне и удавалось шевелить правой рукой и шеей. Каждые два часа надо мной склонялось озабоченное лицо Тэбби - если я вовремя не принимал хлорал, меня знобило, и пот лил градом. Как-то раз заявился репортер из “Тайме”, и Тэбби без рассуждений выставила его за порог.

А по ночам к моей постели приходили они, мои дорогие Эринии, и тихо смеялись в темноте, равнодушные и торжествующие, ласковые и безжалостные, их зубы и когти бесконечно любящие, губительно соблазнительные. Все вместе они изучали впадины моего мозга с материнской нежностью, с острой утонченностью разрывая, рассекая… Днем они были невидимыми колючими паутинками под моей кожей, тончайшими стальными сетями, что опутывали, сдавливали мое окровавленное сердце. Я молился - или пытался молиться, - но Богу не нужны были мои молитвы. Мои страдания и муки совести - лакомство куда аппетитнее. Бог хорошенько покормился Генри Честером.

Неделя, семь дней непристойного бреда в руках моих дорогих суккубов. Как и Бог, они были голодны, а теперь и озлоблены в своей безысходности.

Я знал, чего они хотят, лязгая цепью, рыча и пуская пену, завидев добычу. Я знал, чего они хотят. Сказку. Мою сказку. А я хотел ее рассказать.

Повешенный[34]

63

Они арестовали меня прямо между жадных бедер моей последней любовницы.

О, все было донельзя культурно. Два констебля вежливо ждали, пока я вставал и стыдливо заворачивался в китайский шелковый пеньюар, а затем тот, что постарше, сообщил мне слегка извиняющимся тоном, что я арестован за убийство Юфимии Честер и что лондонская полиция будет признательна, если я проследую с ними в участок, как только это будет удобно.

Признаюсь, комичность ситуации меня поразила. Значит, Генри раскрыл наш секрет, выходит так? Бедный Генри! Если бы не деньги, я бы рассмеялся вслух; но, кажется, я и без того с блеском отыграл финальную сцену. Я улыбнулся, повернулся к девчонке (она хныкала и пыталась скрыть под простыней свои выдающиеся прелести) и послал ей воздушный поцелуй, затем отвесил легкий поклон констеблям, взял свою одежду и, весь в восточных шелках, продефилировал к двери. Я развлекался.

Я провел унылый час в камере на Боу-стрит, пока офицеры за дверью обсуждали мое мнимое преступление. От скуки я мухлевал с пасьянсами (в кармане пальто нашлась колода карт), и когда двое полицейских, флегматик-дылда и холерик-коротышка, наконец заявились в мою камеру, пол превратился в мозаику из цветных прямоугольников. Я одарил их

душевной улыбкой.

- А, джентльмены, - бодро сказал я, - как мило, что у меня появилась компания. Не хотите ли присесть? Боюсь, мебели здесь маловато, однако… - Я кивнул на скамейку в углу.

- Сержант Мерль, сэр, - сказал высокий полицейский. - А это констебль Хокинс…

Надо отдать должное английской полиции: они всегда уважают высший класс. Что бы ни совершил джентльмен, он все равно остается джентльменом, и у него имеются определенные права. Право на эксцентричность, к примеру. Сержант Мерль и его констебль терпеливо слушали, пока я рассказывал правду о своих отношениях с Эффи, о затее Фанни и Марты и, наконец, о нашей попытке имитировать смерть Эффи на кладбище. Полицейские держались серьезно и невозмутимо (Мерль время от времени записывал что-то в свой блокнот), и, пока я не закончил свое повествование, с их лиц не сходило почтительное безразличие. О да, обожаю английскую полицию.

Когда я умолк, сержант Мерль повернулся к подчиненному и тихо сказал ему что-то. Затем снова посмотрел на меня.

- Значит, - произнес он, сосредоточенно нахмурившись, - вы утверждаете, сэр, что, хотя мистер Честер думал, что миссис Честер мертва…

- На самом деле она была жива. Вижу, вы удивительно быстро ухватили суть моего рассказа.

Сержант прищурился, и я мило улыбнулся в ответ.

- А… есть ли у вас доказательства, сэр?

- Я виделся с ней в ту ночь, сержант. И потом еще несколько раз на Крук-стрит. Я знаю наверняка, что Честер встречался с ней в ту ночь, когда у него случился сердечный приступ. И она была вполне живая.

- Понимаю, сэр.

- Настоятельно советую вам, сержант, послать человека на Крук-стрит и допросить Фанни Миллер и ее дам. Вот увидите, мисс Миллер подтвердит мой рассказ. Возможно даже, и сама миссис Честер там будет.

- Спасибо, сэр.

- Если этого окажется недостаточно, рекомендую вам вскрыть склеп Ишервудов на Хайгейтском кладбище, куда, предположительно, замуровали миссис Честер.

- Да, сэр.

- А когда вы все это проделаете, сержант Мерль, буду благодарен вам, если вы не забудете тот факт, что, несмотря на естественное удовольствие, которое я испытываю, помогая следствию, у меня все же есть собственная жизнь, и мне бы хотелось, чтобы вы позволили мне вернуться к ней как можно скорее. - Я улыбнулся.

- Просто формальность, сэр, - произнес он с той же холодной любезностью.

Шли часы. За окном камеры стемнело. Около семи вечера появился охранник с подносом еды и кружкой кофе; в восемь он вернулся и забрал поднос. В десять я заколотил в дверь, требуя, чтобы мне сказали, почему меня до сих пор не выпустили. Охранник был вежлив и непробиваем, он дал мне подушку и одеяла и посоветовал лечь спать. Через какое-то время я так и сделал.

Наверное, я задремал. Помню, что проснулся от запаха сигар и бренди, в голове было пусто, я не понимал, где я. Вокруг темнота, только маленькая лампа на кровати испускала красноватый свет; стены были скрыты тенями, окно слепо смотрело в ночь.

Передо мной, в центре комнаты, стоял круглый стол, и, когда глаза привыкли к сумраку, я узнал его - этот стол был у меня в Оксфорде много лет назад. Как странно видеть его здесь, рассеянно думал я, протягивая

руку и касаясь полированной столешницы и полустертых инкрустаций по краю… Как странно. И кто-то играл за ним в карты: по всему столу концентрическими окружностями были разложены карты, такие белые в темноте - они будто мягко светились, будто снег…

Я встал и машинально двинулся к столу. Стул, до этого придвинутый вплотную, выскользнул, и я сел, не отрывая глаз от карт. Необычные карты, подумал я: в центре каждой - витиеватая буква, замысловато вплетенная в вычурные узоры из листьев и завитушек.

Я слегка нахмурился, пытаясь понять, в какую игру ввязался. Разглядывая крут из карт, раздумывая, не хитроумный ли это пасьянс, я краем глаза заметил, как что-то блеснуло на столешнице. Забытый бокал, еще наполовину полный бренди, мерцал в красном свете. Я поднял глаза и, кажется, ударил по столу, потому что бокал закачался и упал, бренди вылилось широкой сверкающей дугой. Алкогольная река подхватила пару карт и вынесла на край стола прямо ко мне. Темная жидкость заструилась по руке, я посмотрел на карты: валет червей и пиковая дама. “Le beau valet de coeur et la dame de pique…”. Буквы - М и Э.

В этот момент я, конечно, понял, что сплю. Нелепый символизм, все эти явные намеки на Бодлера и высокопарные образы смерти… художник во мне сразу их распознал, несмотря на удивительную реалистичность сна: прохладная гладкость полированного дерева под пальцами, влажное пятно от бренди на штанине, дуновение ледяного ветра. От холода даже в носу защипало, дыхание нимбом окружало мою голову. Я снова взглянул на стол и увидел, что пролитое бренди застыло паутиной на темном дубе, а пустой бокал покрылся инеем. Я задрожал, хоть и знал, что это всего лишь сон, - наверное, в камере холодно, рассудил я, и мой спящий мозг нарисовал эту картинку (вполне себе мрачную, Генри Честер пришел бы в восторг), чтобы развлечься. Название: “Le Remords,[35] или Призрачный пасьянс”. Для готического шедевра не хватало лишь прерафаэлитской дамы, бледной от долгого сна, но смертельно прекрасной, губительной девы с кровью на губах и жаждой мести во взоре…

Мысль была столь нелепой, что я расхохотался. Черт возьми, одержим собственными фантазиями! Фанни бы это понравилось. И все же мне вспомнилось лицо Эффи, ее бледные губы и пугающая ненависть в голосе, когда она сказала: “Никакой Эффи нет”.

Только Марта.

Чертова сука.

- Нет никакой Марты! - сказал я вслух - ибо во сне я могу делать все, что заблагорассудится, - и почувствовал, что напряжение чуть спало. Я повторил: - Нет никакой Марты.

Тишина поглотила мои слова.

Тревожная тишина.

И вдруг она появилась - сидела за столом напротив меня, со стаканом белесого абсента в руке. Волосы рассыпались по спинке стула и спадали на пол каскадом тяжелых локонов, отливавших багрянцем в алом свете. На ней было платье, в котором она позировала для “Игроков в карты”, из темно-красного бархата, с глубоким декольте; ее кожа будто светилась. Огромные бездонные глаза; улыбка, так непохожая на милую, открытую улыбку Эффи, была как перерезанное горло.

- Эффи… - Я пытался говорить спокойно и ровно. Но почему комок встал в горле, почему пересохли губы? Почему пот защипал подмышки? Почему…

- Нет, не Эффи. - Это не голос Эффи. Это хриплый, будто ногтями по серебру, шепот Марты.

- Марта? - Я был невольно заворожен.

- Да, Марта. - Она подняла бокал и отпила; прозрачное стекло помутнело и замерзло от ее прикосновения. Интересная деталь, подумал я. Надо будет использовать для следующей картины.

- Но Марты нет, - снова сказал я. Во сне мне вдруг показалось очень важным доказать ей, что я говорю правду. - Я видел, как вы придумали Марту. Вы сотворили ее из краски, румян и духов. Она - просто еще одна роль, которую тебе пришлось сыграть, как Маленькая нищенка или Спящая красавица. Ее не существует!

- Теперь существует. - А вот это сказала Эффи; ее детское суждение. На

миг я даже заметил ее - или ее призрак, - потом глаза потемнели, и она снова была Мартой. - И она очень сердита на тебя, Моз, - Она замолчала, сделала еще глоток, и я ощутил ее холодную ненависть, ее ярость, как порыв зимнего ветра. - Очень сердита, - тихо повторила она.

- Это просто смешно! - заявил я. - Марты не существует. Никакой Марты никогда не было.

Она будто не услышала.

- Эффи любила тебя, Моз. Она тебе верила. Но она тебя предупреждала, не так ли? Она сказала, что не позволит тебе ее бросить.

- Все было не так. - Несмотря на мою отстраненность, голос мой оправдывался - и я это слышал. - Я думал, это будет для…

- Ты устал от нее. Ты нашел других женщин, которые меньше от тебя требовали. Ты купил их на деньги Генри. - Пауза. - Ты действительно хотел, чтобы она умерла. Так было проще.

- Это нелепо! Я никогда не обещал…

- Но ты обещал, Моз. Да. Ты обещал. Я вышел из себя:

- Хорошо, хорошо! Обещал! - Гнев мигренью впился в лоб. - Но я обещал Эффи. Я никогда ничего не говорил Марте. - Голова закружилась как юла, все плыло от ярости и чего-то похожего на страх. Я кричал, не в силах остановиться, слова сами вылетали из меня: - Я ненавижу Марту! Ненавижу эту суку. Не переношу, как она смотрит на меня, как будто все видит, все знает. Эффи доверяла мне, нуждалась во мне - Марте никто не нужен. Она холодная. Холодная! Я бы никогда не оставил тебя, если бы не она. - Это было почти правдой. Я замолчал, тяжело дыша, виски ломило от резкой боли. Я заставил себя глубокий вдохнуть. Это просто смешно - не совладать с собой во сне. - Я никогда ни о чем не договаривался с Мартой, - тихо сказал я.

Она с минуту молчала.

- Тебе нужно было слушаться Фанни, - наконец произнесла она.

- Что может сказать Фанни? - бросил я.

- Она предупреждала, чтобы ты не мешал нам. Ты ей нравился, - просто сказала она. - Теперь слишком поздно.

Не смейтесь, если я скажу вам, что на миг, когда я взглянул в ее печальные глаза, меня окатило испуганным сожалением, отчаянием, как в холодном Дантовом Аду. Я вдруг увидел, как лечу вниз, во мрак, в головокружительную вечность, как снежинка, что опускается в бездонный колодец. Сердце едва билось, небытие зияло подо мною, и по нелепой, вдруг вспыхнувшей ассоциации, я вспомнил ту ночь в Оксфорде, когда голос из царства мертвых зазвучал над карточным столом: “Мне так холодно”.

Так холодно…

Тут мне пришло в голову, что моя уверенность, будто это сон, абсурдна: разве бывают сны такими отчетливыми, такие яркими, такие реальными? Разве во сне я смог бы обонять абсент в ее стакане, трогать стол, еще липкий от пролитого бренди? Чувствовать, как волосы встают дыбом на окоченевших руках? Я вскочил, потянулся к ней через стол и схватил за руку - холодная мраморная рука с голубыми прожилками.

- Эффи… - Я вдруг понял, что должен ей что-то сказать, что-то ужасно важное. - Марта. Где Эффи?

Ее лицо было неподвижно.

- Ты убил ее, Моз, - тихо сказала она. - Ты оставил ее в склепе, и она умерла, как ты и говорил Генри. Ты знаешь, что сделал это.

Неверный вопрос. Я ощущал, как уходит мое время.

- Тогда кто ты? - в отчаянии закричал я.

Она улыбнулась мне тонкой равнодушной улыбкой, словно осенняя полная луна.

- Ты знаешь, Моз, - сказала она.

- Черт возьми, я не знаю!

- Ты узнаешь, - шепнула она, и, когда я проснулся в темноте, весь в липком поту, с затекшими членами, ее улыбка оставалась со мной, будто крошечный рыболовный крючок, что тянул меня за шею. Она и сейчас со мной, сейчас, когда я падаю в непостижимую пустоту мира, где нет Мозеса Харпера… Я вижу, как заточенной косой она поблескивает в бесконечной тишине. “Ni vue, ni connue…” В слепоте, неведении и безжалостном стремлении к уничтожению человек может влюбиться.

А когда утром мне сказали, что в склепе Ишервудов на Хайгейтском кладбище обнаружили труп женщины, я даже не удивился.

64

Вам ведь хочется знать, правда? Я слышу запах вашего нетерпения, как запах пота, жаркий и кислый. Что ж, это понятно. Но я не скажу вам, где я, - хотя вы бы все равно меня не нашли - ив любом случае, для кочующего люда все места похожи друг на друга: фермы, города, маленькие домики… все одно. Я теперь с цыганами. Это честная жизнь, по большей части, а всегда быть в движении - безопасней. Никто ни о чем не спрашивает. У всех здесь свои секреты и своя магия.

В Лондоне легко исчезнуть. Люди приезжают и уезжают, все заняты своими делами. Никто не обратил внимания на пожилую женщину с кошками в корзинке, ступающую по мягкому снегу. Я оставила все вещи на Крук-стрит; наверное, девочки продали их, когда наконец поняли, что я не вернусь, - надеюсь, что так. Они славные, было жаль их покидать. Но такова жизнь. “Двигайся быстро, путешествуй налегке” - таков был мой девиз, даже в старые времена, когда Марта была совсем малышкой. И мы движемся быстро и налегке двадцать лет спустя, а снег позади нас - точно Ангел у ворот.

Цыгане приняли нас без единого слова - они знают все о преследователях и преследуемых - и даже дали нам фургон и лошадь. Некоторые из них до сих пор помнят мою мать, они говорят, у меня ее

взгляд. Я готовлю снадобья и зелья, чтобы лечить подагру - или холодное мужское сердце, - и у меня больше друзей, чем за всю жизнь было у вас, с вашей церковью и проповедями. А еще они дали мне новое имя, хотя вам я его не скажу, цыганское имя, и иногда я предсказываю судьбу на сельских ярмарках с помощью Таро и хрустального шара, и зеленого шарфа, наброшенного на лампу. Но я не гадаю всем подряд. Нет, мне нравятся молоденькие девушки, нежные, с блестящими глазами и щечками, пылающими сказочной надеждой. И, может быть, однажды я найду особенную, одинокую, как Эффи, которая сможет научиться летать и полетит за шариками…

Мы продолжаем надеяться, Марта и я. В последний раз мы были так близки, говорит она мне, такдушераздирающе близки. А сейчас мы близки как никогда, память об Эффи, скорбь по Эффи связывает нас, но не горечью, а нежной грустью о том, что могло бы быть. Эффи, наша маленькая девочка. Наша бледная сестра. Знайте, мы любили ее сильнее, чем вам доводилось любить. Мы любили ее и хотели, чтобы она всегда была с нами… в каком-то смысле, она и есть с нами, в наших сердцах. Бедная, храбрая Эффи, которая привела мою Марту домой.

Зимними вечерами я сижу в своем фургоне, горит голубая свеча, Тисси, Мегера и Алекто свернулись у моих ног перед очагом, и я пою Марте, а она мурлычет у меня на коленях:

Aux marches du palais…

Aux marches du palais…

’У a une si belle fille, lonla…

’Ya une si belle fille…

Однажды мы найдем ее, Марта, обещаю я ей, поглаживая мягкий черный мех. Чувствительную девушку с сияющими невинными глазами. Одинокую, которой нужна мать, нужна сестра. Однажды мы найдем ее. Скоро…

65

Это была Эффи, никаких сомнений. Они повели меня в морг на опознание и все это время были так любезны - молчаливой любезностью палачей. Я чувствовал, как петля затягивается на шее с каждым вздохом… Она лежала на мраморной плите, чуть неровно, а в канавке у моих ног бежала зловонная дезинфицирующая жидкость, тихонько журча в необъятной тишине морга. Я кивнул:

- Это Эффи.

- Да, сэр. - Сержант Мерль оставался бесстрастен, словно мы обсуждали тему, интереса не представляющую. - Врачи говорят, тело какое-то время пролежало в склепе. Приблизительно с Рождества. Видимо, холод замедлил… э… процесс разложения.

- Но, черт побери, я видел ее!

Мерль посмотрел на меня пусто, словно вежливость не позволяла ему прокомментировать мои слова.

- Я видел ее… через несколько дней после этого! Молчание.

- К тому же, если бы я знал, что она правда умерла, зачем мне было рассказывать вам, где она?

Сержант смущенно посмотрел на меня.

- Мистер Честер уже сообщил полиции, - сказал он. - Э-э… ответственность, сказал он, не давала ему покоя.

- Генри - больной человек! - фыркнул я. - Он не способен отличать факты от вымыслов.

- Этот джентльмен, несомненно, пребывает в смятении, сэр, - сказал Мерль. - Вообще говоря, доктор Рассел, психиатр, не уверен в его

душевном здоровье.

Черт бы его побрал! Я видел, во что Генри играет: улики есть, но слово известного врача может значить, что Генри не придется держать ответ за убийство Эффи. Но будь я проклят, если позволю ему повесить это на меня.

- Вы говорили с Фанни Миллер? - Я слышал отчаяние в собственном голосе, но не мог ничего поделать. - Она-то расскажет вам правду. Это ведь она все придумала. Эффи жила у нее.

Снова безмолвный почтительный упрек.

- Я посылал человека на Крук-стрит, - невозмутимо произнес Мерль. - Но, к несчастью, там было пусто. Я оставил караульного у дома, но мисс Миллер пока не возвращалась. Да и никто другой, раз уж на то пошло.

Ну и новость. Меня словно обухом огрели.

- Соседи! - выдохнул я. - Спросите их. Спросите любого…

- Никто не помнит, чтобы когда-нибудь видел там молодую женщину, похожую на миссис Честер.

- Конечно, они не помнят! - выпалил я. - Говорю вам, она была переодета!

Мерль просто посмотрел на меня с печальным недоверием, и рука моя сама потянулась к шее. Невидимая петля затягивалась.

Думаю, вы знаете конец этой грязной истории - все знают. Даже здесь, среди racaille,[36] я приобрел славу: они зовут меня “Козырной валет” и обращаются ко мне уважительно, как к джентльмену, которого ждет виселица. Иногда стражник подкидывает мне засаленную колоду карт, и я снисхожу до короткой партии в покер. Я всегда выигрываю.

Судебное разбирательство прошло неплохо - вообще-то мне даже понравился этот спектакль. Защита была смелой, но ее легко задушили - я бы и сам сказал адвокату, что ссылка на невменяемость не пройдет, - но прокурор оказался злобным старым методистом, он раскопал все

подробности моей пестрой карьеры, включая некоторые эпизоды, о которых я и сам забыл, и любовно смаковал детали. Еще там было много женщин, и когда судья надел свою черную шапочку, его дрожащий старческий голос потонул в стонах и рыданиях. Женщины!

Ну, я получил свою отсрочку на три воскресенья - и ни в одно из них не стал встречаться со священником, но в конце концов он сам пришел ко мне. Ему невыносимо сознавать, сказал он, что нераскаявшийся грешник отправится на виселицу. Это легко исправить, заявил я: не вешайте меня! Вряд ли он оценил шутку. Они обделены чувством юмора. Со слезящимися старческими глазами он рассказывал мне про Ад. Но я помню свою последнюю триумфальную картину “Содом и Гоморра” и думаю, что знаю про Ад гораздо больше старого распутника. Ад там, куда попадают все грешницы, - я говорил вам, что люблю погорячее, - и, может быть, оттуда, снизу, я смогу заглянуть ангелам под платья, или рясы, или что они там носят, и узрю ответ на старый богословский вопрос.

Вижу, вы шокированы, падре. Но вспомните, что не будь в Аду грешников, не было бы развлечений для ребят в бельэтаже - и я всегда говорил, что должен выступать на сцене. Так что уберите ваши четки и выпейте глоток чего-нибудь согревающего - знаете, тут за деньги все можно купить, - и может, партеечку-другую в карты, а потом, когда уйдете, сможете сказать, что выполнили свой долг. Поцелуйте за меня девочек и передайте им, что увидимся на танцах. Я ведь должен поддерживать репутацию.

Но иногда, поздней ночью, я лежу без сна и не перестаю удивляться, как они это провернули, Фанни и ее темная дочь. И иногда, когда секунды безжалостно падают в пустоту, я почти готов поверить… в сны, в видения… в маленьких холодных ночных скитальцев с тонкими ледяными пальцами, с алчущими ртами и еще более алчущими сердцами. В мстительных детей грез… в любовь, которая больше смерти и прочнее могилы.

И на этой сумрачной грани сна и яви появляется картинка - на трезвую голову мне всегда хорошо удавались картины, - картинка, которая, если прищуриться, становится почти четкой: на ней мать, так любившая свою мертвую дочь, что вернула ее, вселила в тело другой девочки, грустной и одинокой девочки, что нуждалась в любви; и эта нужда и любовь были так

сильны, так звали ее сквозь темные пространства, что она пришла, страстно желая получить шанс на еще одну жизнь. О да, я знаю все о таком желании. И вместе они, несчастная бледная девушка и та, потерянная, замерзшая, темная, создали одну женщину, с телом одной и разумом обеих, и знанием за пределами человеческого воображения…

По ночам, когда такие вещи кажутся возможными, я представляю, как эта женщина ходит по мостовой, в лунном свете, а ее ненужное тело лежит в морге: она идет, все еще голодная, все еще жаждущая… такая холодная… и такая сильная, что, если бы захотела, могла бы проходить сквозь стены и двери и преодолевать любые расстояния, и посещать своих убийц в изысканных кошмарах и восторженном безумии. Она сможет придумывать истории об убийствах или рисовать видения преисподней… но за яростью всегда останется это желание и ледяной безысходный голод. Мертвые не прощают.

Эти рассуждения пронизаны логикой - и странной, языческой поэзией. Классическое образование дает о себе знать, хоть в школе я и не проявлял достаточно усердия. Да, я тоже читал Эсхила и знаю, откуда Фанни взяла имена для своих кошек. И зная это, я почти способен поверить… в ангелов, в демонов, в Эриний… в Евменид.

Почти.

Мне ведь надо думать о своей репутации.

Смерть[37]

Эпилог

Рукопись из наследия Генри Пола Честера

Январь 1881 г.

Ангел тьмы беспокойно шевелится, и я смотрю в небо, омытое серым рассветом. Время.

Внезапная паника повергает в дрожь мой несчастный позвоночник. Пол-лица у меня парализовано, но я снова чувствую безжалостный тик, словно какое-то крохотное злобное создание, запертое в моей глазнице, прогрызает себе путь наружу. Последняя карта в нашей игре - Смерть… Я знал это с самого начала, но хотя пустота у меня под ребрами - само облегчение, мозг противится уничтожению, глупая плоть вопит: нет нет нет нет! Веко ночи приподнимается, а под ним - Око Бога с бледно-голубой радужкой, жуткий, насмешливый.

Сказка рассказана, а я не Шехерезада, что ускользает прочь с рассветом. Волки не следуют за мной по пятам. Волк - у меня в голове, свернулся калачиком в пустом черепе, не дремлет…

Он голоден.

Ангел тьмы берет свою косу. Моя последняя мысль будет о Марте, о моем терновом венце, Даме кубков, болиголове и хлорале, ребенке из грез и палаче, колдунье и грошовой шлюхе. Бледный свет падает на кривое лезвие - бери его, Коломбина, возьми мою жизнь, мои слова… Но скажи мне: ты любила, Шехерезада? Хотя бы раз ты любила?

Тишина.

Представьте, как мертвый лист опускается в бездонный колодец. Представьте это на миг.

литературно-художественное изоание

Примечания

1

Исх. 3:14. - Здесь и далее прим. редактора.

2

Карта Таро, в правильном положении означающая мудрость, рассудительность, опыт; в перевернутом - тоску, одиночество, символизирует необдуманные поступки.

3

Данте Габриэль Россетти (1828-1882) - английский поэт, художник и переводчик. В 1848 г. вместе с Уильямом Холманом Хантом (1827-1910) и Джоном Эвереттом Миллесом (1829-1896) основал “Братство прерафаэлитов”.

4

Счастливая карта Старших арканов. В прямом положении - надежда, обновление, открытие новых горизонтов, исцеление от недугов; в перевернутом - упадок духа, разочарование в близких, предупреждает о возможной духовной слепоте, не позволяющей заметить и использовать новые возможности.

5

Гал. 5:16-20.

6

В большинстве толкований карт Таро девятка мечей считается худшей картой в колоде. Она предрекает смерть, неудачу, крайнее отчаяние.

7

Джон Раскин (1819-1900) - английский писатель, искусствовед, критик.

8

Образ из поэмы “Кубла Хан, или Видение во сне” (1798) английского поэта-романтика Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772-1834).

9

Если карта легла правильно, валет монет указывает на молодого человека, усердного работника, пытливого и дотошного. Перевернутая карта - одинокий, благоразумный, трудолюбивый, но несколько медлительный человек. Монеты (или пентакль) в картах Таро - масть, соответствующая бубнам в игральных картах.

10

Пер. О.Пенькова

11

Сэр Джошуа Рейнолдс (1723-1792) - английский художник, теоретик искусства; портретист, пропагандировавший идеализацию несовершенства, полагал, что высшая цель искусства - утверждение моральных принципов. Был одним из основателей и первым президентом Королевской академии художеств.

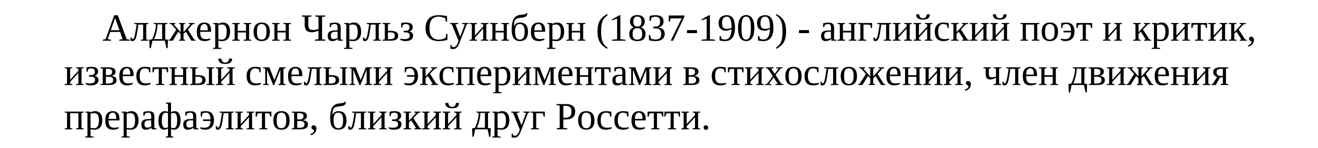
12

Дома (фр.).

13

Неверный шаг, промах, бестактность (фр.).

14

Алджернон Чарльз Суинберн (1837-1909) - английский поэт и критик, известный смелыми экспериментами в стихосложении, член движения прерафаэлитов, близкий друг Россетти.

15

Лихой валет червей и дама пик твердят //О мертвой их любви, истлевшей век назад (фр.) - Шарль Бодлер. “Сплин”, из цикла “Цветы зла”. Пер. Г. Шенгели.

16

Псевдоним английской писательницы и поэтессы Эмили Джейн Бронте(1818-1848).

17

”Сувенир” (“Keepsake”) - ежегодный британский альманах первой половины XIX в.

18

Имеется в виду стихотворение английского поэта Алфреда, лорда Теннисона “Русалка”.

19

Екклесиаст 7:28.

20

Карта в прямом положении сулит счастье, тайное влияние, означает согласие, способность понимать и толковать слово Божье; в перевернутом - непостоянство, супружескую измену, ошибочные предположения.

21

Уильям Шекспир. “Макбет”, акт I, сцена 1. Пер. М. Лозинского.

22

”На ступенях дворца… На ступенях дворца… Ждет красотка одна… Ждет красотка одна…” (Фр-) - одна из версий французской песни XVIII в.

23

Уильям Берк (1792-1829) и Уильям Хэйр (1792?-1859?) - эдинбургские убийцы, задушившие 16 человек с целью продажи тел для анатомических исследований. Что любопытно, одной из их жертв стала нищенка по имени Эффи.

24

Мегера, Тисифона и Алекто - три Эринии (в Афинах - Евмениды), богини мщения, обитающие в царстве Аида; старухи с кишащими на головах змеями, с факелами и бичами в руках.

25

Эдмунд Кин (1787-1833) - английский трагик, прославившийся ролями в шекспировских пьесах.

26

Карта в правильном положении означает заблуждение, непредвиденные опасности; двуличие и зависть окружающих; беременность; влияние интуиции, снов, фантазий. В перевернутом - обольщения, скрытые опасности, душевную болезнь, напрасные мечты.

27

Горячий напиток из вина, молока, меда и пряностей.

28

Все вместе (фр.).

29

Норны - богини судьбы в скандинавской мифологии, Урдр, Верданди и Скульд, ответственные за прошлое, настоящее и будущее соответственно.

30

Пер. А.Абросимовой

31

Коппелия - механическая кукла из одноименного балета французского композитора Лео Делиба (1836-1891) по мотивам новеллы немецкого писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776-1822) “Песочный человек”.

32

В правильном положении карта символизирует могущество, власть и справедливость, опирающиеся на реальную силу, также - успех, достижение цели; в перевернутом - насилие, разрушение, измену, несправедливость, внешнюю угрозу или давление.

33

В правильном положении карта означает дружбу, взаимопонимание, сотрудничество; в перевернутом - неразумное поведение, пьянство, мотовство, ссоры или разрыв отношений.

34

Карта, в правильном положении означающая искупление, жертву, самоутверждение через высшую мудрость; в перевернутом - растерянность, разлуку, напрасную трату сил, переоценку собственных поступков, указывает на необходимость понимания того, что жизнь не ограничивается одной лишь материальной стороной.

35

Раскаяние (фр.).

36

Шваль, отбросы общества (фр.).

37

В прямом положении карта символизирует преображение, перемену, возрождение; в перевернутом - борьбу, болезнь, меланхолию; возможно, боязнь перемен.